

УДК 101.9 ББК
87.3(4Г)5 К 198

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект №01-03-16090

Кант И.

Спор факультетов / Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Кошчева, М.И. Левиной; Отв. ред. Л.А. Калинин. - Калининград: Изд-во КГУ, 2002. - 286 с.

– (Сер. «Stoa Kantiana»).

ISBN 5-88874-322-4.

- © Арзаканян Ц.Г., Кошчев И.Д., Левина М.И., перевод, 2002
- © Калининков Л.А., предисловие, комментарии, 2002
- © Курпаков В.Ю., оформление серии, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Калинников Л.А. О «Споре факультетов» как итоге: профессорско-педагогическом, философско- мировоззренческом, валеолого-диететическом .....</i>	3
<i>Кант И. Спор факультетов.....</i>	25
Примечания.....	275

О «СПОРЕ ФАКУЛЬТЕТОВ» КАК ИТОГЕ: ПРОФЕССОРСКО ПЕДАГОГИЧЕСКОМ, ФИЛОСОФСКО МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ, ВАЛЕОЛОГО-ДИЕТЕТИЧЕСКОМ

«Спор факультетов» - особенное произведение Канта. Оно, как никакое другое, дает возможность чувствовать присутствие в нем автора, наполнено движением его мысли и биением его сердца, его мудрой человечностью. Философ в нем не то чтобы обнажает душу, но приоткрывает ее движения. С громады опыта беспримерной жизни, которая в «Споре факультетов» не спрятана так далеко, как в строгих периодах знаменитых «Критик», открываются сразу два горизонта: горизонт движения человечества к своему будущему и горизонт личности автора - человека, способного к беспрецедентному творчеству. Нельзя сказать, что эти два горизонта достаточно полно друг друга объясняют и становится ясно, как *возможно очевидно* свершенное. Гениальное творчество - тайна, гениальное философское творчество - тайна вдвойне. Сколько ни вглядывайся в обстоятельства жизни гения, разложи эту жизнь на минуты и определи содержание каждой, - а научиться создать подобное сотворенному не удастся. Хорошо уже то, что многое по крайней мере объясняется.

Рождение замысла

«Спор факультетов» явился результатом двух важных для Канта обстоятельств: первое - столкновение с королевской цензурой по проблемам, касающимся религиозных тем; а второе обстоятельство состоит в том, что Кант в 1796 году, в воз-

расте 72 лет, заканчивает преподавательскую деятельность в университете, которой отдал более 40 лет своей жизни. Privat-доцент, профессор, ректор - все ступени академической карьеры пройдены за это время, и вот оставлена кафедра, с которой сросся. Оба события для дальнейшей судьбы Канта были столь значительны, пусть и по-разному, что заставили о себе немало поразмышлять.

Относительно первого обстоятельства к тому, что написал сам Кант в предисловии к трактату, опубликовав запрещающее ему выступать в печати на темы философии религии королевское письмо и свой ответ на него, надо добавить, что король Фридрих Вильгельм II относился к Канту с большим уважением и ценил его заслуги. Он направил учиться у Канта Иоганна Готтфрида Кизеветтера (1766 - 1819), который слушал читаемые Кантом философские курсы и, видимо, педагогику. Кизеветтер вернулся в Берлин в 1789 году и занимался с тремя младшими детьми короля, преподавал им математику и философию. А 3 марта 1789 года министр Вельнер подписал королевский указ о назначении Канту специального жалования, превосходящего обычный профессорский оклад, без всякой просьбы со стороны Канта увеличить его - как свидетельство, аргументировал король, признательности, «которую заслуживает усердие и бескорыстие столь способного и честного человека, как профессор философии Кант, работающий с неутомимым рвением для славы университета без всякого желанья улучшить свое положение».

Декрет о введении цензуры был издан еще за год до этого, в 1788 году, и Кант в условиях сложной и противоречивой государственной и корпоративной юриспруденции сумел этот декрет обойти, когда в 1794 году опубликовал четвертый свой важнейший после трех «Критик» труд - «Религию в пределах только разума». Как сам Кант писал позднее, это его сочинение по философии религии дает ответ на третий главный вопрос метафизики: «На что я смею надеяться?» (Два предыдущих таких вопроса - о положении человека в мире: «Что я могу знать?» и «Что я должен делать?»). Королевское письмо, как из него

видно, было реакцией именно на «Религию в пределах только разума», и Кант из уважения к королю подчинился наложенному на него ограничению, предусмотрительно в своем ответе указав, что только *лично королю* дает обещание не публиковать работ, связанных с теологическими проблемами. Как только эти личные отношения вместе со смертью короля отпали, Кант счел себя свободным от наложенного ограничения.

Однако в письме содержались и указания относительно характера преподавания теологических предметов в университете. Пришлось профессору задуматься над различием в отношении к религии, с одной стороны, философии, а с другой - богословия; а в условиях университета данное различие предстало в виде различия между философским и теологическим факультетами, между аналитически-критическим подходом к божественным предметам и текстам факультета философского и апологетически-догматическим подходом к ним факультета теологического.

Это не было еще замыслом «Спора факультетов» как реформы отношений между всеми факультетами университета, но было необходимой предпосылкой, зародышем будущей идеи. Первая и главная часть трактата начала вызревать.

И в этих условиях второе из вышеназванных обстоятельств оказалось решающим: карьера профессора завершена. Естественно было оглянуться на пройденный путь в его итоге и столь же естественно попытаться разглядеть, куда этот путь ведет дальше?

Такие размышления и приводят Канта к убеждению, что традиционная структура университета устарела, стала анахронизмом и более не отвечает уровню состояния наук, к которому они пришли в конце XVIII века, и тенденциям общественного развития.

Что представляла собой традиционная структура университета? С момента возникновения университетов - во второй половине XII века и особенно активно и широко в первой половине века XIII - они состояли из младшего, то есть пропедевтического, философского факультета и трех старших: теологического, юридического и медицинского факультетов, перечисленных

здесь по их старшинству. Студенты, прошедшие подготовительный философский факультет, который еще назывался факультетом свободных искусств вследствие того, что преподавание на нем было куда менее регламентированным со стороны правительства, чем на старших факультетах, и успешно усвоившие знаменитые тривиум (грамматику, риторику и диалектику) и квадравиум (музыку или поэзию, арифметику, геометрию и астрономию), имели право в соответствии со своими интересами и склонностями переходить на один из старших факультетов.

Кант оказался в числе первых, кто осознал, что эта структура пришла в противоречие с системой научного знания и общей культурой Европы в конце XVIII - начале XIX века. Он преподавал широкий круг как естественных, так и гуманитарных наук и мог сравнивать их уровень на протяжении почти 60 лет, поскольку вступил в университет в 1740 году. Как известно, наука развивается экспоненциально, то есть объем знаний умножается на какой-то постоянный коэффициент в равные промежутки времени. Вполне естественно, что Кант не мог не видеть того колоссального различия в состоянии науки, что она имела в 40-е и в 90-е годы XVIII века.

Процесс дифференциации наук происходил стремительно, на глазах Канта *натуральная философия* и так называемая *естественная история*, распадаясь на отдельные специальные области знания, уходили в прошлое. Наука превращалась в профессиональное занятие, способное изменить весь уклад жизни общества. Хотя и медленнее, но совершенно аналогичный процесс осуществлялся в области гуманитарных наук. И весь этот массив знания был достоянием философского факультета, тогда как старшие факультеты, по существу, не менялись (с некоторой оговоркой относительно факультета медицинского).

Следовательно, традиционное состояние и положение философского факультета никак не учитывает новой ситуации и становится тормозом в развитии как образования, так и самой науки. Наука становится важнейшим средством развития общества и приобретает самодовлеющее значение, она должна изучаться ради самой себя, ради своей необходимости, а не как

средство или условие для продолжения обучения и деятельности в традиционных областях, контролируемых властью. Занятие наукой стало совершенно самостоятельным. Отношения между факультетами в таких условиях должно быть решительно пересмотрено, и без «Спора факультетов» здесь не обойтись.

Из младшего - подготовительного - философский факультет должен стать самостоятельным. Но этого мало: он должен быть основой университетского образования, составляя не только его базис, но и направляя его, открывая новые горизонты как для вновь рождающихся наук, так и для традиционных областей практического знания, подлежащего сфере государственного контроля и регулирования, а именно: теологии, юриспруденции и медицины. Кант первым осознал методологическую роль философии в отношении научного знания, его теоретического характера и практического применения. С помощью *критики чистого разума*, которую Кант осуществил и для которой не должно было быть закрытых, запретных зон, он нашел фундаментальные методологические законы науки, морали и права, а при сведении сути религии к морали - и религии: «*метафизические начала естествознания*» и «*метафизические основания нравственности*».

Двигаясь в своих размышлениях дальше, Кант поставил вопрос об основанном на *априорных принципах* переходе от *метафизических начал к физике* (именно такое название собирался он дать последнему, как считал, и важнейшему своему труду, известному сейчас под именем «*Opus postumum*»), поняв фундаментальную, лидирующую роль физики среди всех других естественных наук. Поэтому встала перед ним задача отделения собственно философских - метафизических - положений, с необходимостью присутствующих в физическом знании, от теоретического знания самой физики, задача выделения того особого уровня физического знания, который, по мнению Канта, обеспечивает как единство всех разделов физики, так и вообще всего естественнонаучного знания, включающего, помимо собственно физического, еще химическое и биологическое, и играет важную эвристическую роль.

Мысль Канта в «Споре факультетов» не пошла так далеко, чтобы предложить создание нового (или новых) факультета - естественнонаучного, но слово было сказано вовремя. Уже в 30-е - 40-е годы XIX века начали происходить те изменения в строении университетской науки, которые предвосхищал великий кенигсбергский философ, а «Альбертина» не случайно выполняла одну из пионерских ролей в этом всеевропейском процессе.

История создания «Спора факультетов»

Мысль объединить общим замыслом три произведения, каждое из которых создавалось относительно самостоятельно, в разное время и по различным поводам, вызрела у Канта, согласно его собственному признанию, постепенно. Первоначально он этого генерирующего замысла не имел, но как только замысел родился, трактат был быстро завершен.

Первый раздел, получивший название «Спор философского факультета с теологическим», был составной частью и продолжением работы философа над «Религией в пределах только разума». Это видно из писем Канта профессору теологии из Геттингена К.Ф. Штойдлин^{*}, которому и будет посвящен по завершении весь труд, и Кизеветтеру^{**}, своему ученику, близкому к королю Фридриху Вильгельму II человеку, с которым он делился мыслью о необходимости свободы философского исследования. К моменту королевского рескрипта раздел был, видимо, готов, и именно ему Кант дал первоначально название «Спор факультетов», затем перенесенное на весь трактат, как только появилась идея расширения спора до прений со всеми тремя старшими факультетами. Кстати, идея была хороша еще и тем, что в известной мере сглаживала остроту конфликта вокруг проблем религии.

Второй раздел, получивший в законченном труде название «Спор философского факультета с юридическим», носил в мо-

---

^{*} Kant I. Briefwechsel. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1972. S. 687 - 689.

^{**} Kant I. Briefwechsel. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1972. S. 657.

мент создания заглавие, ставшее в результате подзаголовком: «Возобновление вопроса: Находится ли человеческий род в постоянном продвижении к лучшему?» Кант готовил его И.Э. Бистеру для «Берлинских листков» («Berliner Blätter»), издаваемых им, как и «Берлинский ежемесячник», столь ценимый Кантом. Последний попробовал получить разрешение на печать через берлинского городского главу Айзенберга (Eisenberg) 23 октября 1797 года, то есть еще при жизни введшего цензуру короля, но ему отказали в *imprimatur* - разрешении напечатать статью. И хотя 16 ноября 1792 года Фридрих Вильгельм II скончался и можно было бы возобновить хлопоты в берлинском оберконсistorиуме, с которого были сняты прежние ограничения, Кант более не хотел обращаться к берлинским цензорам и, посоветовавшись с юристом, принял решение ходатайствовать об *imprimatur* в Галле. В своем письме от 5 апреля 1798 года И.Х. Тиффрунку Кант сообщает: «Поскольку, как каждому известно, я добросовестно соблюдаю в моем писательстве рамки закона, но и выбрасывать на ветер трудоемкую работу тоже не желаю, я решил, после наведения справки у правоведа, послать этот труд, равно как и составленный Айзенберговой цензурой отказ, в Галле через моего издателя Николовиуса и искать там же с Вашими хлопотами цензуры, в которой, как я верю, мне не откажут, и постараюсь предпринять шаги с тем, чтобы оба очерка вошли в одну книгу как принадлежащие к одному целому»^{*}.

Однако как развивались события в Галле далее, осталось неизвестным. А тем временем философу пришла в голову идея присоединить еще и третий, уже написанный, очерк к двум первым. Очерк получил название «Спор философского факультета с медицинским». Работа приобретала завершенность и целостность и в таком виде куда большую значимость, чем три самостоятельных статьи, в которых единство мысли читатель не смог бы усмотреть ни при каких обстоятельствах.

Факты свидетельствуют, что к идее *спора факультетов* Кант подходил несколько раз, пока окончательно она ни оформилась

---

^{*} Kant I. Briefwechsel. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1972. S. 771.

в апреле 1798 года. Так, еще до окончания чтения лекций, видимо, пребывая в кругу идей, нашедших воплощение в «Религии в пределах только разума», а также в трактате «О поговорке: может быть это и хорошо в теории, но не годится для практики» (1793), и непрерывной разработки мыслей, позднее оформленных издателями Канта в труд под названием «Opus postumum», кенигсбергский философ размышлял о роли и отношениях философской теории - метафизики, с одной стороны, и конкретного теоретического и эмпирического знания в сфере природы, права, религии - с другой. А ведь это столкновение теории и практики с необходимостью принимало форму столкновения младшего факультета со старшими. И хотя Канта эта форма поначалу не привлекала в качестве самостоятельного предмета рассмотрения, она им тем не менее фиксировалась. Например, в письме С.Т. Зоммеррингу от 10 августа 1795 года* Кант благодарит его за присланный труд и сообщает о своей заметке по поводу труда Зоммерринга «Об органе души», которая была напечатана как приложение к этому труду в 1796 году и получила то же название. В ней Кант писал: «... искомый ответ может вызвать спор двух факультетов по вопросу о границах их компетенции (*forum competens*) - *медицинского*, к ведению которого относятся анатомия и физиология, и *философского*, к ведению которого относятся психология и метафизика. Как и во всех подобных *попытках коалиции* между теми, кто в основу всего кладет *эмпирические* принципы, и теми, кто прежде всего требует априорных оснований (примером чего все чаще могут служить попытки соединить учение о *чистом* праве с политикой в качестве *эмпирически обусловленного* учения, а также учение о чистой религии с религией откровения, т. е. тоже эмпирически обусловленной), и здесь легко могут возникнуть напряженности, связанные со спором двух факультетов о том, кому из них надлежит вынести решение по вопросу, предложенному в том или ином случае университету (как учреждению, являющему собой средоточие всей премудрости). Тот, кто в данном случае

---

* Ibid., S. 702.

удовлетворит *медиков* в качестве физиологов, вызовет недовольство *философов* в качестве метафизиков, и наоборот, кто понравится философам, заденет физиологов»*.

Как видим, структура университета сама по себе Канта еще не интересует, она попадает в поле его зрения потому, что имеет отношение к вопросу о связях и расхождении философско-теоретического уровня знаний и эмпирически-практического уровня. Однако вскоре ситуация изменяется: привходящий момент приобретает самостоятельное значение. Теперь мыслителя занимает не только внутренняя структура знания и отношение уровней в сущностном его строении, но и формальное существование наук в отношениях друг к другу в составе университета как научно-учебного учреждения.

Какова же история третьего очерка, завершившего создание всего труда? Это была статья, которую Кант подготовил для «Журнала практической медицины» Христофа Вильгельма Хуфеланда, надворного советника и профессора медицины в Иенском университете. Х. В. Хуфеланд выслал Канту 12 декабря 1796 года свой труд «Макробионика, или искусство продления человеческой жизни», сопроводив его письмом с выражением глубочайшего уважения и восхищения, обращаясь к Канту несколько высокопарно: «почтеннейший Нестор нашего поколения», но обнаруживая серьезное знакомство с идеями Канта, которыми Хуфеланд воспользовался в своем произведении. В связи с тем, что послание это было направлено морским путем через Любек, оно попало в руки адресата лишь в середине марта 1797 года. Философу, не избалованному выражением не одной только светской любезности, но деловым приложением его теоретического подхода к природе человека в области практической медицины, это явно польстило, и он откликнулся на просьбу написать о своем мнении по поводу затронутых в работе Хуфеланда проблем. В благодар-

---

* Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 219 - 220.

ственном письме Кант выразил свое полное одобрение «отважной и в то же время воодушевляющей идее о силе нравственного начала в человеке, вдыхающей жизнь в него даже как физическое создание»*. В последовавшем за первым письме от 19 апреля 1797 года он сообщил, что тема эта занимает его очень давно в связи с интересом к проблемам прагматической антропологии и что он намерен, не откладывая дело в долгий ящик, литературно обработать собственные наблюдения, сделанные над самим собой относительно роли диеты и режима, и результаты этого эксперимента сообщить заинтересованной публике, поскольку планируется опубликовать их в «Журнале практической медицины».

Кант выполнил свое обещание и прислал статью в январе 1798 года в Иену, где она без промедления и была опубликована в «Журнале практического лекарствоведения и врачевания», как всегда по-немецки точно названом и соблюдающем объявленную программу.

В то время когда кенигсбергский профессор переписывался с Хуфеландом, он, очевидно, почти сразу же после отсылки статьи принял решение о работе из трех частей с единым замыслом, быстро этот замысел реализовав. Как сам Кант заметил, в таком возрасте, каков *ego*, откладывать дел не стоит, ибо вполне можно и не успеть, особенно если дело имеет для людей значение и может оказать немалую пользу. Уже из письма издателю «Спора факультетов» Фридриху Николовиусу от 9 мая 1798 года** видно, что работа, которую Николовиус готовит к публикации, имеет завершённую структуру со всеми необходимыми добавлениями и исправлениями, преобразующими самостоятельные статьи в единое монографическое целое. Кант даёт здесь и свои рекомендации относительно деталей набора. Первого июля 1798 года Кант объявляет наконец свое-

---

* *Kant I. Briefwechsel.* Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1972. S. 722. (Письмо Канта от 15 марта 1797 г.)

** *Ibid.*, S. 772 - 773.

му «высоко ценимому другу» Штойдлину о выходе книги для книжной ярмарки Михаэлиса; но книга увидела свет лишь поздней осенью 1798 года, о чем можно судить из письма Кизеветтера от 25 ноября 1798 года, пришедшего из Берлина: «Ваш «Спор факультетов» и Ваша «Антропология» доставили мне нескончаемо большое удовольствие»*, а Штойдлин поблагодарил Канта за доставленный ему экземпляр лишь 9 декабря.

Религия разума или религия откровения?

Еще в 1781 году в предисловии к первому изданию «Критики чистого разума» Кант отметил: «Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все. *Религия* на основе своей *святости* и *законодательство* на основе своего *величия* хотя бы обыкновенно стоят вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрения и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед его свободным и открытым исследованием»**. Это заявление вполне могло бы быть эпиграфом к «Спору факультетов». Сама жизненная судьба мыслителя поставила его перед необходимостью размышлений о феномене веры и сущности религии, обусловив уважительное к ним отношение. Итогом размышлений оказалась идея *религии в пределах только разума*, но эта идея вовсе не требовала атеизма, хотя вполне могла повести к нему. Кант считал, что традиционная религия, религия откровения, выполняет в современном ему обществе очень важную позитивную роль носителя и утвердителя моральных ценностей, а сами служители церкви не всегда, но часто выступают прямым моральным примером, каким был для Канта пастор и профессор Ф. А. Шульц, только благодаря которому Кант и стал великим Кантом. Но и бед историческая религия причинила человечеству немало: чего

---

* Ibid., S. 782.

** *Кант II*. Критика чистого разума. М.: Наука, 1998. С. 24. - А XII.

стоят одни религиозные войны. Главный же недостаток традиционной религии заключается в том, что люди религиозные утрачивают способность различать реальность действительную и только мыслимую, фантастическую.

Философия религии, в значительной степени представленная во времена Канта лишь исторической и филологической критикой Библии, могла бы сыграть, по мысли Канта, очень важную роль. Во-первых, она могла бы примирить различные конфессиональные и канонические различия, существующие между различными церквями и христианскими сектами, если будет признано, что основная задача религии - проповедь морального совершенствования. Во-вторых, она могла бы выступить путеказателем, двигаясь в направлении которого религия откровения имеет шансы трансформироваться в разумную религию. Философия религии, принадлежащая философскому факультету, способна сыграть роль методологического ключа при решении этой задачи.

Спор теологического факультета за первенство над философским по мере распространения просвещения, по мере поступательного развития разума может причинить вред самому теологическому факультету: слишком очевидным будет расхождение научного и религиозного мировоззрений. Спор должен быть улажен, и улажен он может быть только так, что все положенные, противоречащие разуму в церковном и библейском учении *«должны быть истолкованы в пользу разума»**. А конечная цель университета: формирование образованного и морально совершенного общества - одна у обоих факультетов.

Церковная вера определяется уставными заповедями, почему оказывается много церквей и еще больше вер при одном Боге. Случайность, определенная произвольность таких уставов ведет фактически к многобожию, возвращает нас к древнему политеизму. Совсем иное дело - чистая, разумная религиозная вера, представляющая собой моральные заповеди, базирующиеся на

---

* Наст, произведение, с. 96.

общечеловеческом моральном законе, усматриваемом только разумом. Такой закон не может быть признан непосредственно присутствующим в душе человека или взят в исторически сформировавшейся Библии. Ведь без соответствующего критического исправления не может быть признан *законом морали* принцип, провозглашенный Христом: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом *закон* и пророки» (Матф., Гл. 7 - 12). Кант критикует этот носящий название *золотого правила морали* принцип в его латинской форме - *Quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris* (в Библии оно сформулировано в этой отрицательной форме несколько раз в Деяниях апостолов. - Деян. Гл. 15 - 20, 29). Оно правильно только как тривиальное, поскольку, чтобы соблюсти верность библейского закона, надо иметь *моральные* желания, то есть до практического применения золотого правила на основе содержательного морального принципа решить, морально ли то, чего ты хочешь себе. Библейское правило, таким образом, тривиально правильно только как следствие, выведенное из подлинного морального закона, а его-то в Библии и нет. За пределами такой тривиальности это положение ошибочно. Просто же любое твоё личное желание, любое хотение не может быть *основанием* для морали, поскольку желание это может быть каким угодно и даже очень далеким от морали. «Оно не может быть всеобщим законом, - пишет Кант, - так как не содержит в себе ни основания долга любви к другим (ведь некоторые охотно согласились бы, чтобы другие не делали им добра, лишь бы не надо было оказывать другим *благодетельств*), ни, наконец, основания долга из обязательства по отношению друг к другу; ведь преступник, исходя из этого, стал бы приводить доводы против своих карающих судей и т.д.»*. Это только один пример из многих и многих положений откровенной религии, способных размыть авторитет некритически, по старинке учащей теологии по мере роста образованности людей. Разумная рели-

---

* *Kant* И. Соч.: В 6 т. Т. 4(1). М.: Мысль, 1965. С. 271.

гия исключает разделение людей по религиозному признаку, служит важнейшим препятствием для развязывания религиозных войн и вообще всяких войн. Чистая религиозная вера, связанная с сознанием своей моральной свободы и ответственности, не производит ни малейшего насилия над совестью, тогда как церковная вера, опирающаяся на исторически сложившиеся уставные заповеди, с необходимостью влечет за собой такое насилие, поскольку каждая церковь (или секта) «пытается внести в церковную веру (либо исключить из нее) что-либо в пользу своего собственного мнения».

Упреждая современный экуменизм (движение христианских церквей к единству, возникшее в начале XX века), Кант пронизательно называет сторонников таких идей *синкретистами* и отмечает, что последние хуже сектантов, потому что они равнодушны к вере, а такое равнодушие дает возможность произвольно манипулировать верой в интересах тех или иных политических сил, особенно государства.

Обсуждая проблему наличия большого количества сект, Кант более подробно рассмотрел те из них, что имели существенное значение и были достаточно широко распространены в его родной Пруссии. Это пиетизм (родители Канта принадлежали к этой секте, были образцовыми пиетистами, и философ с молодых ногтей познакомился как с обрядовыми особенностями пиетизма, так, конечно, и с догматически-каноническими положениями) и моравианизм (особенно, видимо, в форме гернгутерства). Различие между ними философ усматривает лишь в различии процедуры спасения, очищения от скверны греха и внутреннего перерождения, чтобы сподобиться Царства Божия. Сами причины, обеспечивающие спасение, и в том и в другом случаях одни и те же - это всевышняя милость, которая в конечном счете всегда в руках Божьих, а не человеческих. В деле спасения человек лишен самостоятельности и может только молить о чуде. Это вообще свойство церковной откровенной веры и исторической религии: человек - игрушка в руках Бога, как блаженный Иов. Только вера в пределах разума делает человека вершителем собственной судьбы, награждая его за

твердость на пути нравственного совершенствования прочной надеждой на неизменное достоинство.

Чтобы очиститься и спастись, пиетист обязан, осознав скверну нечистой жизни, с помощью чуда, с ним произошедшего, переродиться и далее всю оставшуюся жизнь упорно и настойчиво поддерживать достигнутую святость. Путь к спасению у моравианиста прямо противоположный: он должен заслужить праведной воздержанной жизнью чудо конечного просветления. Милосердие Божие выпадает на его долю лишь в результате неустанного стремления к тому, чтобы его сподобиться.

Оба факультета - теологический и философский - должны прийти к правилам совместного совершенствования религии и прежде всего договориться о способах толкования и использования Священного Писания не как абсолютно достоверного и безукоризненного с логической точки зрения источника информации, но как о книге, которая несет в себе моральный интерес (не абсолютно совершенные моральные законы и правила) к нравственному очищению и совершенствованию человека и тем самым способствует достижению конечного состояния блаженного счастья. От задачи приближения к конечному всеобщему счастью не могут отказаться оба факультета, а это в то же время есть и цель государства.

Первый раздел «Спора факультетов» завершается приложением «О чистой мистике в религии». Оно представляет собой конспективное изложение Кантом диссертации К. А. Вилманса под названием «О сходстве между мистически чистой и Кантовой религиозными доктринами». Если ранее Кант, как правило, встречался с полным непониманием своих философских идей, то теперь он все чаще обнаруживает, что они начинают приносить плоды. Отказать себе в удовольствии продемонстрировать это «горе ду и миру» старый профессор не сумел и завершил первый раздел трактата диссертацией своего ученика. Конечно, Вилманс не сумел разобраться в ряде детальных тонкостей Кантовой доктрины, почему кенигсбергский профессор и вынужден был заметить, что полная идентичность взглядов его и Вилманса отсутствует, но это не лишает, однако, его диссертацию интереса и внимания.

Улучшается ли род человеческий?

Не случайно именно эту проблему Кант выбрал для решения спора за первенство между философским и юридическим факультетами. Философ жаждал общественного прогресса, верил в прогресс, был убежден, что движение человечества к *царству целей* - это не пустая мечта. В этом отношении он был подлинным сыном эпохи Просвещения, отличаясь лишь тем, что фундаментальные и наивные надежды просветителей на естественные, то есть самой природой данные, законы развития мира, которые сами собой приведут к прекрасному будущему, подверг беспощадной критике как пустые прекраснотушние фантазии и пришел к мысли, что будущая человеческая гармония, как и гармония человека с природой, - дело только ума, воли, рук самого человека. Будущее можно предсказать правильно в единственном случае: «если предсказатель сам *творит* и вызывает события, которые он предрекает»³. За примерами не надо ходить далеко: «Иудейским пророкам не трудно было предсказывать, что рано или поздно их государству предстоит не только упадок, но и полное исчезновение, ибо они сами были виновниками своей судьбы»^{**}.

И если будущее *царство целей* должно быть сотворено, то ситуация с позитивным правом, имеющая место на юридическом факультете, этому никак не способствует. Из поколения в поколение юристы овладевают имеющимися нормами, которые в свою очередь то ужесточаются по воле правительства, то ослабляются, предоставляя некоторые свободы, и так постоянно; это означает, что общество «пребывает в вечной неподвижности на данной ступени своего развития вместе со всем творением»⁴, делая то шаг вперед, то шаг назад.

---

* Наст, произведение, с. 190.

** Там же, с. 190.

*** Там же, с. 192.

Без философии морали и права - метафизики нравственности, как называл эту область философского знания Кант, - не обойтись, если мы хотим выйти из этого состояния *абдеритизма*, как бы вечного колебания. Только представители философского факультета, опираясь на найденные ими с помощью разума принципы, в состоянии указать практически достижимые цели и правовые средства их реализации. Необходима разработка системы моральных и правовых норм, целостной и непротиворечивой, способной служить средством продвижения человечества к лучшему будущему.

Любая аналогия страдает большими или меньшими несоответствиями, но ситуацию в области правовой эмпирики, которой руководствуется юридический факультет, и метафизики нравов как необходимой теории, являющейся достоянием философского факультета, можно сравнить с положением в астрономии: «Планеты, если наблюдать за ними с Земли, то движутся назад, то покоятся, то перемещаются вперед. Если же изменить точку зрения и наблюдать за ними с Солнца, что доступно только разуму, то окажется, что они постоянно равномерно движутся в соответствии с Коперниковой гипотезой»^{*}.

Вместе с тем Кант задается вопросом: можно ли человечеству в своем творчестве будущего опереться на какие-то обнадеживающие факты и тенденции? И отвечает: да, есть такие факты, и можно наблюдать содействующие прогрессу тенденции. Такова «революция духовно богатого народа, происходящая в эти дни на наших глазах, победит ли она, или потерпит поражение»^{**}, то есть французская буржуазная революция. Последнее замечание о возможном поражении не было случайным, поскольку Кант следил по газетам за делами Директории и ростом роялистских настроений, итальянским походом Наполеона Бонапарта 1796 - 1797 гг. и ему был неясен исход событий. Однако Канта вдохновляли не столько сами события революции, сколько мо-

---

^{*} Там же, с. 196, 198.

^{**} Там же, с. 202.

ральная поддержка ее общественным мнением Европы. Моральный энтузиазм народа давал ему возможность заключить, что главный результат революции - в значительно больших возможностях и ускорении морального и правового прогресса общества, в выходе к самостоятельной активной деятельности оказавшихся свободными четырех миллионов французских землевладельцев-крестьян, сбросивших вериги патернализма. Ведь сама суть Просвещения кенигсбергский мыслитель видел в способности человека руководствоваться собственным умом и самостоятельно обеспечивать себя средствами жизни, не ждать, когда кто-то облагодетельствует, накормит, напоит и спать положит, найти свое место в жизни по своему усмотрению и иметь достаточную силу воли, чтобы утвердиться в нем.

Философский факультет призван разрабатывать идеальные формы гражданского устройства общества, как это еще в античной древности делали Платон и Аристотель, и обращаться с пропагандой этого идеала к обществу через средства массовой информации. Правовое воспитание общества необходимо в качестве средства совершенствования его юридической системы. Общественные настроения и потребности сообщаются юристам-учителям и через них влияют на учеников и последующую их деятельность. Вот почему цензура вредна не только в делах свободы совести, но и в деле совершенствования политической свободы: *«Запрещение публичности препятствует продвижению народа к лучшему, даже в том, что касается наименьшего из требований, его естественного права»*^{*}. А таковым является, например, право человека на жизнь. Юридический факультет заинтересован в свободе слова не меньше философского, так как без этого трудно ожидать расширения сферы правового регулирования и утверждения правового общества. Главная же особенность такого общества, заслуживающая всякого поощрения, - возможность постепенного устранения агрессивных войн из жизни человечества.

---

^{*} См. наст. произведение, с. 212.

Быть здоровым и жить долго

Спор медицинского и философского факультетов, согласно Канту, не имеет той остроты, что наблюдается с двумя другими старшими факультетами. Эти факультеты достаточно близки друг к другу, так как речь идет здесь о здоровье, а оно предполагает прежде всего здоровье духа, а уже затем - здоровье тела. Что толку родиться абсолютно здоровым, если растратишь попусту это здоровье еще в молодости?

Этот раздел трактата необычайно интересен как Кантов опыт валеологии, столь модной в наше время. Философ проделал его над самим собой, добился выдающихся результатов и может рассчитывать на внимание и доверие потомков. Груз ответственности, явно ощущающийся в первых двух разделах трактата здесь исчезает, и Кант меняет тон: из иронического с вкраплениями явного сарказма он становится мягким и открытым, с иронией над самим собой и легким юмором. Ювеналов стиль сменяется на стиль Марциала более склонного смеяться над собой, чем над другими. Кто убежден в постоянной серьезности Канта будет приятно удивлен его шуткам, анекдотам, искрометным замечаниям. Чтение его доставит и удовольствие, и пользу всякому, кто не прочь «быть здоровым и жить долго».

Рассматривая принципы диететики, Кант полагает, что более всего человеку вредит стремление беречь свои силы и чувства не упражнять их в полную меру. Максимально полезна человеку энергично деятельная жизнь. Методологический, универсальный принцип диететики - *стоицизм*, то есть умение ограничивать себя и наслаждаться всем тем, что в твоих силах, руководствуясь долгом стремиться к собственному совершенству, отыскивая средства к этому прежде всего в самом себе. Этот принцип есть в равной мере принцип этики, принадлежащий к практической философии, и принцип *врачевания*, без которого медицина при всех ее лекарствах и аппаратах бессильна.

Наблюдения и выводы Канта, которые он делает в свои 74 года, имеют значение для любого возраста, но особенно ценны они для людей преклонных лет. Мудрец предостерегает от осо-

бой мнительности людей относительно своих болезней, от привычки прислушиваться к малейшей боли в организме и на этой основе давать волю воображению, дает рецепты, охраняющие от ипохондрии. Не последнюю роль играет умение наслаждаться свободной, интересной деятельностью, захватывающей всего человека и отвлекающей его сознание от болезненных ощущений, даже если они реальны, а не плод вышедшего из-под контроля воображения.

Канта занимают здесь вопросы продолжительности и характера сна, о еде и питье и их режиме, о правильном дыхании, об умении выбрать подходящий режим работы и отдыха, о поведении на прогулке в условиях кенигсбергского сырого и ветреного климата.

Он дает советы даже издателям относительно шрифтов, которые меньше всего утомляют глаза и делают приятным чтение в течение длительного времени.

Широкие духовные и общественные интересы человека способствуют его здоровью и долголетию. Активная работа души поддерживает все органы тела в максимально эффективном состоянии и регулирует их функционирование. Кант согласен с корреляцией состояния тела и духа: в здоровом теле - здоровый дух, но убежден, что счастливая судьба человека начинается со здоровья духа: это здоровый дух содействует здоровью тела, и никогда наоборот.

«Спор факультетов» в России

Интерес к Канту в России на протяжении XIX - XX столетий никогда не пропадал, но можно выделить три эпохи в истории духовной жизни нашей страны, когда этот интерес был преобладающим. Первая такая эпоха - это начало XIX века, первая его треть, когда не только в лекциях профессоров и специальных философских трудах, но и в литературных журналах, произведениях поэтов, в кружках и салонах имя кенигсбергского мудреца звучало чаще любого другого из великих

мыслителей. Вторая эпоха пришлась на конец XIX - начало XX века. Внимание к Канту в Европе было повсеместным. Лозунг неокантианцев «Назад к Канту!» вызвал жаркую полемику, в которой участвовали философы всех направлений и школ - от имманентистов до марксистов. В России всплеск интереса оказался столь велик, что были переведены и изданы почти все основные произведения Канта, в том числе знаменитые «Критики» были переведены в двух-трех вариантах. Последняя из эпох - заключительная четверть XX века, начавшаяся 250-летним юбилеем мыслителя в 1974 году. В эпицентре всех юбилейных событий оказался Калининград: во второй раз в истории Кенигсберг пребывает в составе России. За четверть века сложился калининградский центр кантоведения, калининградская кантоведческая школа.

В конце века лозунг его начала звучит не менее злободневно. Ведь начиная с 30-х годов XX века в Европе победили антикантианские умонастроения, установились этатистские режимы - далеко не только в Германии и России. Произошел поворот не к Канту, а от него. Задача освоения Кантовых гуманистических и социальных ценностей оказалась перенесенной в наше время, человечество потеряло фактически целый век и вынуждено наверстывать упущенное.

В отличие от других важнейших трудов Канта «Спору факультетов» в России не повезло, так как до настоящего момента он не был переведен полностью и издавался лишь фрагментарно. В последнем собрании сочинений Канта в 8 томах, вышедшем под редакцией профессора А.В. Гулыги в 1994 году к 270-летию философа, трактат представлен уже всеми тремя разделами, хотя ни предисловие, ни значительная часть важнейшего первого раздела объемом до трех печатных листов не были переведены и потому опущены в этом издании.

В общем история перевода «Спора факультетов» и знакомства с ним русской читающей публики заключается в следующем. Первый раздел трактата, представляющий собой обсуждение спора философского факультета с богословским с упомянутой обширной кушурой, был переведен Ц.Г. Арзаканяном

для первого на русском языке издания собраний сочинений Канта: *II. Кант. Собр. соч.*: В 6 т. М.: Мысль, 1963 - 1966. Фрагмент находится в т. 6 (М., 1966. С. 311 - 348).

Второй раздел, посвященный спору философского факультета с юридическим, был впервые переведен проф. И.Д. Копцевым, специалистом по грамматике и стилистике кантовских текстов, возглавляющим кафедру немецкой филологии Калининградского государственного университета. Перевод этого раздела опубликован в «Кантовском сборнике» (Вып. 6. Калининград, 1981. С. 96 - 111). Третий раздел, в котором обсуждаются отношения философского факультета с медицинским, был переведен М. И. Левиной и опубликован под первоначальным кантовским названием «О способности духа силою только воли побеждать болезненные ощущения» в кн.: *II. Кант. Трактаты и письма*. М.: Наука, 1980. С. 298 - 318. Перевод и второго и третьего разделов сверен А.А. Столяровым, специалистом по древним языкам и знатоком новых европейских языков, старшим научным сотрудником ИФ РАН.

Для настоящего издания проф. Копцев перевел все пропущенные фрагменты текста, и трактат «Спор факультетов» данным изданием представляется русскоязычной публике в полном объеме, в каком он вышел из рук творца. Произведение впервые увидело свет в 1798 году. Протекшие столетия не лишили его общественного интереса, так как за то же время только выросло значение творчества гениального кенигсбергского философа Иммануила Канта.

А.А. Калининков.

*Господину
Карлу Фридриху Штойдлину,
доктору и профессору
в Геттингене,
посвящается
автору*

*Dem Herrn
Carl Friedrich Stäudlin,
Doctor und Professor
in Göttingen,
zugeeignet
von dem Verfasser*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пусть настоящие заметки, выходящие сегодня с соизволения просвещенного, снимающего оковы с духа человеческого правительства, которое благодаря именно этой свободе мышления способно добиться тем большего послушания, послужат вместе с тем и оправданием той вольности, которую позволяет себе автор, предпосылая краткий исторический экскурс о том, как коснулись эти перемены его самого.

Король Фридрих Вильгельм II, храбрый, честный, человеколюбивый и – за исключением некоторых черт своего темперамента – весьма превосходный правитель, знавший меня лично и выказывавший мне время от времени свою благосклонность, издал в 1788 году по инициативе одного духовного лица, ставшего впоследствии министром департамента по делам религии¹ и движимого, по-видимому, не чем иным, как стремлением к благу, покоящемуся на внутреннем убеждении, *религиозный*, а вскоре затем и цензурный эдикт, весьма ограничивавший писательское поприще, а тем самым и усугубивший действие первого. Нельзя не отметить, что такой бурной реакции, последовавшей затем, предшествовали, по-видимому, определенные симптомы, наведшие правительство на мысль о необходимости реформ в той сфере, которую надлежало преобразовать путем скромного академического образования будущих публичных наставников народа, ибо последние, будучи начинающими проповедниками, задали своими речами с амвона такой тон, что люди, не лишённые чувства юмора, с помощью *подобных* учителей никогда не соглашались обратиться к вере.

И вот в то время, когда упомянутый религиозный эдикт оказывал свое действительное влияние как на местных,

VORREDE

Gegenwärtige Blätter, denen eine aufgeklärte, den menschlichen Geist seiner Fesseln entschlagende und eben durch diese Freiheit im Denken desto bereitwilligern Gehorsam zu bewirken geeignete Regierung jetzt den Ausflug verstatet, – mögen auch zugleich die Freiheit verantworten, die der Verfasser sich nimmt, von dem, was bei diesem Wechsel der Dinge ihn selbst angeht, eine kurze Geschichtserzählung voran zu schicken.

König Friedrich Wilhelm II., ein tapferer, redlicher, menschenliebender und – von gewissen Temperamenteigenschaften abgesehen – durchaus vortrefflicher Herr, der auch mich persönlich kannte und von Zeit zu Zeit Äußerungen seiner Gnade an mich gelangen ließ, hatte auf Anregung eines Geistlichen, nachmals zum Minister im geistlichen Departement erhobenen Mannes, dem man billigerweise auch keine andere, als auf seine innere Überzeugung sich gründende gut gemeinte Absichten unterzulegen Ursache hat, -im Jahr 1788 ein *Religionsedict*, bald nachher ein die Schriftstellerei überhaupt sehr einschränkendes, mithin auch jenes mit schärfendes Censuredict ergehen lassen. Man kann nicht in Abrede ziehen: daß gewisse Vorzeichen, die der Explosion, welche nachher erfolgte, vorhergingen, der Regierung die Nothwendigkeit einer Reform in jenem Fache anrätlich machen mußten; welches auf dem stillen Wege des akademischen Unterrichts künftiger öffentlicher Volkslehrer zu erreichen war: denn diese hatten als junge Geistliche ihren Kanzelvortrag auf solchen Ton gestimmt, daß, wer Scherz versteht, sich durch *solche* Lehrer eben nicht wird bekehren lassen.

Indessen daß nun das Religionsedict auf einheimische sowohl als auswärtige Schriftsteller lebhaften Einfluß hatte, kam auch meine

так и на других писателей, вышло мое сочинение под заглавием «Религия в пределах только разума»^{*}. А так как я во избежание обвинений в нечестности подписываю все свои сочинения своим именем, то в 1794 году я получил нижеследующий королевский рескрипт; необычно в этой связи то, что, так как я поведал о нем лишь своему самому верному другу², он был предан публичной огласке лишь теперь.

Мы, Божьей милостью *король Пруссии,*
Фридрих Вильгельм и т.д.

Вначале наше Вам всемилостивейшее приветствие. Досточтимый, высокопросвещенный, дорогой верноподданный! Вот уже довольно длительное время наша высочайшая особа следит за тем, как Вы, злоупотребляя Вашей философией, искажаете и дискредитируете важнейшие основоположения Священного Писания и Христианства; как Вы, в частности, делаете это в Вашей книге «Религия в пределах только разума», а также в ряде других Ваших менее значительных сочинений. Мы ожидали от Вас большего. Вам и самим надлежало бы понимать, как опрометчиво Вы, будучи наставником молодежи, действуете вопреки Вашему долгу и Вашей хорошо нам известной благосклонности к отечеству. Мы требуем от Вас незамедлительно проявления надлежащей ответственности и ожидаем от Вас во избежание нашей высочайшей немилости, что Вы впредь не повторите ничего подобного, а в соответствии со своим долгом употребите Ваш авторитет и Ваши таланты на то,

^{*} Этот заголовок был специально сформулирован таким образом, чтобы данное сочинение нельзя было истолковать так, будто речь идет о религии только из разума (без откровения). Ибо это было бы слишком большой дерзостью, потому что могло быть и так, что ее учения происходили от людей, инспирированных сверхъестественными силами. Напротив, я хотел показать, но только в связи с тем, что то, что в тексте принимается за откровение религии, Библию, может быть понято также и посредством *одного лишь разума*.

Abhandlung unter dem Titel: «Religion innerhalb den Gränzen der bloßen Vernunft» heraus^{*}, und da ich, um keiner Schleichwege beschuldigt zu werden, allen meinen Schriften meinen Namen vorsetze, so erging an mich im Jahr 1794 folgendes Königl. Rescript, von welchem es merkwürdig ist, daß es, da ich nur meinem vertrautesten Freunde die Existenz desselben bekannt machte, auch nicht eher als jetzt öffentlich bekannt wurde.

Von Gottes Gnaden *Friedrich Wilhelm,*
König von Preußen etc. etc.

Unsern gnädigen Gruß zuvor. Würdiger und Hochgelahrter, lieber Getreuer! Unsere höchste Person hat schon seit geraumer Zeit mit großem Mißfallen ersehen: wie Ihr eure Philosophie zu Entstellung und Herabwürdigung mancher Haupt – und Grundlehren der heiligen Schrift und des Christenthums mißbraucht; wie Ihr dieses namentlich in Eurem Buch: «Religion innerhalb der Gränzen der bloßen Vernunft», desgleichen in anderen, kleineren Abhandlungen gethan habt. Wir haben uns zu Euch eines Besseren versehen, da Ihr selbst einsehen müsset, wie unverantwortlich Ihr dadurch gegen Eure Pflicht als Lehrer der Jugend und gegen Unsere Euch sehr wohl bekannte landesväterliche Absichten handelt. Wir verlangen des ehsten Eure gewissenhafteste Verantwortung und gewärtigen uns von Euch bei Vermeidung Unserer höchsten Ungnade, daß Ihr Euch künftighin Nichts dergleichen werdet zu Schulden kommen lassen, sondern vielmehr Eurer Pflicht gemäß Euer Ansehen und Eure Talente dazu anwenden,

^{*} Diese Betitelung war absichtlich so gestellt, damit man jene Abhandlung nicht dahin deutete: als sollte sie die Religion *aus* bloßer Vernunft (ohne Offenbarung) bedeuten; denn das wäre zuviel Anmaßung gewesen: weil es doch sein konnte, daß die Lehren derselben von übernatürlich inspirirten Männern herrührten; sondern daß ich nur dasjenige, was im Text der für geoffenbart geglaubten Religion, der Bibel, *auch durch bloße Vernunft* erkannt werden kann, hier in einem Zusammenhange vorstellig machen wollte.

чтобы все более способствовать осуществлению наших отеческих намерений. В противном случае и при дальнейших проявлениях непокорности в Ваш адрес незамедлительно последуют весьма неприятные для Вас распоряжения.

С благосклонной милостью к Вам

Берлин, 1-го октября 1794 г.
По специальному всемилостивейшему приказу Его Королевского Величества – *Веллнер*.

Специально: Достоянному и высокопросвещенному Нашему профессору и дороговому верноподданному Канту.

Кенигсберг в Пруссии.

Вручено – 12 октября 1794 г.

На это послание мною был отправлен следующий верноподданнейший ответ:

Всемилоостивейший и пр., и пр.

Вашего Королевского Величества всевысочайшее Повеление, направленное в мой адрес 1 октября и доведенное до меня 12 октября, вменяет мне в покорнейшую обязанность впредь не допускать: *во-первых*, «в связи со злоупотреблением мною своей философией, искажающей и умаляющей основы Священного Писания и учения Христианства, как это имело место, в частности, в моей книге «Религия в пределах только разума», а также в других моих менее значительных сочинениях, а тем самым и падающей на меня вины, состоящей в том, что я, будучи наставником молодежи, нарушаю свои долг, не прививая ей, вопреки мне хорошо известным высочайшим и имеющим в виду благо отечества намерениям, должной ответственности». И, *во-вторых*, «моей обязанности не допускать в будущем ничего подобного». – Относительно упомянутых выше двух пунктов я испытываю настоящую потребность положить к Вашим стопам нижеследующее доказательство моего всеверноподданнейшего послушания Вашему Королевскому Величеству:

daß Unsere landesväterliche Intention je mehr und mehr erreicht werde; widrigenfalls Ihr Euch bei fortgesetzter Renitenz unfehlbar unangenehmer Verfügungen zu gewärtigen habt.

Sind Euch mit Gnade gewogen.

Berlin, den 1. October 1794.

Auf Sciner Königl. Majestät allergnädigsten Specialbefehl.

Woellner.

ab extra – Dem würdigen und hochgelahrten, Unserem Professor, auch lieben, getreuen Kant

zu

Königsberg

in Preußen.

praesentat. d. 12. Oct. 1794.

Worauf meinerseits folgende allerunterthänigste Antwort abgestattet wurde.

Allergnädigster etc. etc.

Ew. Königl. Maj. allerhöchster den 1 sten October c. an mich ergangener und den 12 ten eiusd. mir gewordener Befehl legt es mir zur devotesten Pflicht auf: *Erstlich* «wegen des Mißbrauchs meiner Philosophie in Entstellung und Herabwürdigung mancher Haupt – und Grundlehren der heil. Schrift und des Christenthums, namentlich in meinem «Religion innerhalb den Gränzen der bloßen Vernunft,» desgleichen in anderen, kleineren Abhandlungen und der hierdurch auf mich fallenden Schuld der Übertretung meiner Pflicht als Lehrer der Jugend und gegen die höchste, mir sehr wohl bekannte landesväterliche Absichten eine gewissenhafte Verantwortung beizubringen». *Zweitens* auch, «nichts dergleichen künftighin mir zu Schulden kommen zu lassen.» – In Ansehung beider Stücke ermangle nicht den Beweis meines allerunterthänigsten Gehorsams Ew. Königl. Maj. in folgender Erklärung zu Füßen zu legen:

Относительно *первого* выдвинутого против меня обвинения мой искренний ответ состоит в следующем:

То, что я, будучи *наставником молодежи*, т. е., как я это понимаю, никогда не допускал и не мог допустить в своих лекциях в университете высказываний о Священном Писании и о Христианстве, доказывают взятые мною за основу учебники *Баумгартена*³, могущие единственно иметь какое-то отношение к подобному содержанию, ибо в последних не содержится ни одного параграфа о Библии и Христианстве и не может ничего содержаться, кроме философии, и менее всего мне может быть поставлен в упрек опрометчивый выход за рамки обсуждаемой науки или смешение границ указанных наук, мне, всегда критиковавшему его за это и предупреждавшему его от этого.

То, что я, являясь не кем иным, *как учителем народа*, также никогда не выступал в своих сочинениях, и в частности в своей книге «Религия в пределах только разума», против высочайших известных мне и имеющих в виду *благо отечества* намерений, то есть никогда не подрывал устои *официальной религии* страны; последнее может быть усмотрено хотя бы из того, что упомянутая книга совершенно не пригодна для этого, а является, напротив, непонятным и недоступным публике сочинением, в котором речь идет о дискуссии между факультетскими учеными, до которой народу нет никакого дела, но в связи с которой самим факультетам предоставлена свобода судить публично и по совести; результаты указанной публичной дискуссии, санкционированной властями страны, должны быть обязательны только для находящихся на службе учителей (в школах и на кафедрах) и, в частности, потому, что власти не *сами* избрали свою религиозную веру, а пришли к ней одним и тем же путем, а именно путем проверок и поправок, произведенных компетентными в этом деле факультетами (теологическим и философским), следовательно, власти должны не только допускать их, но и требовать от них, чтобы все то, что они (факультеты) найдут полезным для укрепления господствующей в стране религии, доводилось с помощью их сочинений до сведения правительства.

Was das *Erste*, nämlich die gegen mich erhobene Anklage, betrifft, so ist meine gewissenhafte Verantwortung folgende:

Daß ich *als Lehrer der Jugend*, d. i., wie ich es verstehe, in akademischen Vorlesungen, niemals Beurtheilung der heil. Schrift und des Christenthums eingemischt habe, noch habe einmischen können, würden schon die von mir zum Grunde gelegten Handbücher *Baumgartens*, als welche allein einige Beziehung auf einen solchen Vortrag haben dürften, beweisen: weil in diesen nicht einmal ein Titel von Bibel und Christenthum enthalten ist und als bloßer Philosophie auch nicht enthalten sein kann; der Fehler aber, über die Gränzen einer vorhabenden Wissenschaft auszuschweifen, oder sie in einander laufen zu lassen, mir, der ich ihn jederzeit gerügt und dawider gewarnt habe, am wenigsten wird vorgeworfen werden können.

Daß ich auch nicht etwa als *Volkslehrer*, in Schriften, namentlich nicht im Buche: «Religion innerhalb den Gränzen etc.» mich gegen die allerhöchste, mir bekannte *landesväterliche* Absichten vergangen, d. i. der öffentlichen *Landesreligion* Abbruch gethan habe; welches schon daraus erhellt, daß jenes Buch dazu gar nicht geeignet, vielmehr für das Publicum ein unverständliches, verschlossenes Buch und nur eine Verhandlung zwischen Facultätsgelehrten vorstellt, wovon das Volk keine Notiz nimmt; in Ansehung deren aber die Facultäten selbst frei bleiben, nach ihrem besten Wissen und Gewissen öffentlich zu urtheilen, und nur die eingesetzte Volkslehrer (in Schulen und auf Kanzeln) an dasjenige Resultat jener Verhandlungen, was die Landesherrschaft zum öffentlichen Vortrage für diese sanctionirt, gebunden werden, und zwar darum, weil die letztere sich ihren eigenen Religionsglauben auch nicht *selbst* ausgedacht, sondern ihn nur auf demselben Wege, nämlich der Prüfung und Berichtigung durch dazu sich qualificirende Facultäten (die theologische und philosophische) hat überkommen können, mithin die Landesherrschaft diese nicht allein zuzulassen sondern auch von ihnen zu fordern berechtigt ist, alles, was sie einer öffentlichen Landesreligion zuträglich finden, durch ihre Schriften zur Kenntniß der Regierung gelangen zu lassen.

Так как в упомянутой выше книге не содержится *возвеличения* Христианства, то меня нельзя обвинить и в его *умалении*, ибо она воздает, собственно, должное всего лишь естественной религии. Единственным поводом к указанному недоразумению могли послужить цитаты из библейских источников, приводившиеся для подтверждения некоторых положений религии из чистого разума. Но уже почивший господин *Михаэлис*⁴, проделавший в своей философии морали то же самое, объяснял, что это продиктовано не стремлением внести в философию библейское [содержание] или извлечь из Библии философское [содержание], а единственно только тем, чтобы придать своим разумным принципам с помощью истинных или мнимо согласующихся с ними суждений других [писателей и ораторов] ясность и подтверждение. – Если же разум говорит при этом так, как будто он сам по себе достаточен, а учение об откровении становится, следовательно, тем самым излишним (что при таком его объективном толковании действительно должно быть сочтено за умаление Христианства), то последнее есть не что иное, как знак возвеличения разумом самого себя, но не с точки зрения его способности, а с точки зрения того, что он предписывает делать, поскольку из него только единственно и следует *всеобщность, единство и необходимость* вероучений, что составляет сущность всякой религии вообще, состоящую в морально-практическом (в том, что мы *должны* делать), в то время как то, во что мы верим в силу исторических причин (ибо здесь *долженствование* не имеет силы), то есть откровение как в себе случайное вероучение рассматривается как несущественное, но однако не как нечто вовсе ненужное или излишнее; потому что оно служит восполнению *теоретической* недостаточности веры из чистого разума, которую последний не отрицает, например, в вопросах о происхождении зла, перехода от него к добру, уверенности человека в том, что он находится в этом последнем состоянии, и тому подобное и, будучи удовлетворением разумной потребности, вносит в нее свой посильный, обусловленный различиями эпох и лиц вклад.

Daß ich dem genannten Buche, weil es gar keine *Würdigung* des Christenthums enthält, mir auch keine *Abwürdigung* desselben habe zu Schulden kommen lassen: denn eigentlich enthält es nur die Würdigung der natürlichen Religion. Die Anführung einiger biblischer Schriftstellen zur Bestätigung gewisser reiner Vernunftlehren der Religion kann allein zu diesem Mißverstände Veranlassung gegeben haben. Aber der sel. *Michaelis*, der in seiner philosophischen Moral eben so verfuhr, erklärte sich schon hierüber dahin, daß er dadurch weder etwas Biblisches in die Philosophie hinein, noch etwas Philosophisches aus der Bibel heraus zu bringen gemeint sei, sondern nur seinen Vernunftätzen durch wahre oder vermeinte Einsimmung mit Anderer (vielleicht Dichter und Redner) Urtheile Licht und Bestätigung gäbe. – Wenn aber die Vernunft hiebei so spricht, als ob sie für sich selbst hinlänglich, die Offenbarungslehre also überflüssig wäre (welches, wenn es objectiv so verstanden werden sollte, wirklich für Abwürdigung des Christenthums gehalten werden müßte), so ist dieses wohl nichts, als der Ausdruck der Würdigung ihrer selbst; nicht nach ihrem Vermögen, nach dem, was sie als zu thun vorschreibt, sofern aus ihr allein *Allgemeinheit, Einheit* und *Nothwendigkeit* der Glaubenslehren hervorgeht, die das Wesentliche einer Religion überhaupt ausmachen, welches im Moralisch – Praktischen (dem, was wir thun *sollen*) besteht, wogegen das, was wir auf historische Beweisgründe zu glauben Ursache haben (denn hiebei gilt kein *Sollen*), d. i. die Offenbarung als an sich zufällige Glaubenslehre, für außerwesentlich, darum aber doch nicht für unnöthig und überflüssig angesehen wird; weil sie den *theoretischen* Mangel des reinen Vernunftglaubens, den dieser nicht abläugnet, z. B. in den Fragen über den Ursprung des Bösen, den Übergang von diesem zum Guten, die Gewißheit des Menschen im letzteren Zustande zu sein u. dgl. zu ergänzen dienlich und als Befriedigung eines Vernunftbedürfnisses dazu nach Verschiedenheit der Zeitumstände und der Personen mehr oder weniger beizutragen behülflich ist.

Далее я доказал свое большое уважение к библейскому вероучению в Христианстве, воздав, в частности, хвалу Библии как наилучшему из имеющихся средств публичного воспитания религиозности, годному для внедрения и сохранения на необозримую перспективу действительно возвышающей душу государственной религии. Именно поэтому мною порицалось и рассматривалось как безобразие проявление нескромности по отношению к теоретическому, содержащему тайну учению ее в школах и на кафедрах или попытки в публичных трудах (ведь на факультетах это не возбраняется) возбудить возражения против нее и сомнение; однако это еще далеко не является достаточным проявлением уважения к Христианству. Ибо приводившееся в ней совпадение его с наичистейшим моральным верованием из разума и есть наивысшая и непреходящая хвала ему. Потому что именно благодаря этому, а не историческому многознанию всякий раз восстанавливалось столь часто вырождавшееся Христианство и, следовательно, благодаря единственно этому в случае наступления подобных событий в будущем оно может быть только и возрождено.

И, наконец, подобно тому, как я постоянно рекомендовал другим верующим не выказывать всякий раз ничего большего, кроме искренней честности, и не навязывать другим большей религиозности, чем они сами в себе имеют, точно так же и я сам при написании своих трудов ношу подобного судью в самом себе, и в мыслях он постоянно помогает мне избежать всякого, и не только разлагающего душу, заблуждения, но и малейшей неосторожности в выражении, способной вызвать неудовольствие. Вот почему теперь, на 71-м году своей жизни, когда невольно посещает мысль о том, что, возможно, скоро мне придется держать за все ответ перед всевышним, знающим душу судьей, я спокойно могу предоставить настоящий, требуемый от меня в связи с моим учением, отчет, составленный с полнейшей *добросовестностью*.

Относительно второго пункта, гласящего, что я не должен впредь допускать подобного (вменяемого мне в вину) искажения и умаления Христианства, то, во избежание даже самого

Daß ich ferner meine große Hochachtung für die biblische Glaubenslehre im Christenthum unter anderen auch durch die Erklärung in demselben obbenannten Buche bewiesen habe, daß die Bibel, als das beste vorhandene, zur Gründung und Erhaltung einer wahrhaftig seelenbessernden Landesreligion auf unabsehbare Zeiten taugliche Leitmittel der öffentlichen Religionsunterweisung darin von mir angepriesen und daher auch die Unbescheidenheit gegen die theoretische, Geheimnißenthaltende Lehren derselben in Schulen oder auf Kanzeln, oder in Volksschriften (denn in Facultäten muß es erlaubt sein), Einwürfe und Zweifel dagegen zu erregen von mir getadelt und für Unfug erklärt worden; welches aber noch nicht die größte Achtungsbezeugung für das Christenthum ist. Denn die hier aufgeführte Zusammenstimmung desselben mit dem reinsten moralischen Vernunftglauben ist die beste und dauerhafteste Lobrede desselben: weil eben dadurch, nicht durch historische Gelehrsamkeit das so oft entartete Christenthum immer wieder hergestellt worden ist und ferner bei ähnlichen Schicksalen, die auch künftig nicht ausbleiben werden, allein wiederum hergestellt werden kann.

Daß ich endlich, so wie ich anderen Glaubensbekennern jederzeit und vorzüglich gewissenhafte Aufrichtigkeit, nicht mehr davon vorzugeben und anderen als Glaubensartikel aufzudringen, als sie selbst davon gewiß sind, empfohlen, ich auch diesen Richter in mir selbst bei Abfassung meiner Schriften jederzeit als mir zur Seite stehend vorgestellt habe, um mich von jedem nicht allein seelenverderblichen Irrthum, sondern selbst jeder Anstoß erregenden Unbehutsamkeit im Ausdruck entfernt zu halten; weshalb ich auch jetzt in meinem 71sten Lebensjahre, wo der Gedanke leicht aufsteigt, es könne wohl sein, daß ich für alles dieses in Kurzem einem Weltrichter als Herzenskündiger Rechenschaft geben müsse, die gegenwärtige mir wegen meiner Lehre abgeforderte Verantwortung als mit völliger *Gewissenhaftigkeit* abgefaßt freimüthig einreichen kann.

Was den zweiten Punkt betrifft, mir keine dergleichen (angeschuldigte) Entstellung und Herabwürdigung des Christenthums künftighin zu Schulden kommen zu lassen:

малейшего подозрения в этом, я, как *преданнейший Вашему Королевскому Величеству подданный**, считаю самым правильным сделать следующее публичное заявление: «Обещаю впредь полностью воздерживаться от публичных выступлений, имеющих отношение к религии, к естественной религии или религии откровения, как в лекциях, так и в своих трудах».

С глубочайшей покорностью и благоговением и т.д.

Дальнейшая история непрерывного дрейфа в сторону все более и более удаляющейся от разума веры известна.

Экзамен кандидатов на духовные должности был доверен *комиссии по делам веры*, в основе его лежала схема, созданная по образцу пиетизма, которая отлучила большое число совестливых кандидатов теологии от духовной карьеры и привела к перенаселению юридического факультета, своего рода эмиграции, которая случайным образом имела побочный положительный эффект. Чтобы получить хотя бы некое представление об атмосфере в этой комиссии, можно привести следующий пример: помимо крайней степени унижения, с необходимостью предшествовавшего помилованию, требовалось демонстрировать глубокое *чувство раскаяния* (*maeror animi*)⁵, и относительно последнего спрашивалось, может ли человек сам вызвать его у себя? *Quod negandum ac pernegandum*⁶ – давался ответ, т. е. полный раскаяния грешник должен был выпросить его специально у неба. И тут становится очевидным, что тот, кто еще должен просить о *раскаянии*, в действительности не раскаивается в своем поступке, что также содержит противоречие, подобно тому, как о *молитве* говорят, что для того, чтобы она была услышана, необходима вера. В самом деле, если молящийся обладает верой, то ему не нужно просить об этом, если же он не обладает ею, то он и не может быть услышан.

* Именно такое выражение я предусмотрительно выбрал для того, чтобы отказаться от моей свободы суждения в области религиозных процессов не *навсегда*, а только на время жизни Его Королевского Величества.

so halte ich, um auch dem mindesten Verdachte darüber vorzubeugen, für das Sicherste, hiemit, *als Ew. Königl. Maj. getreuester Unterthan**, feierlichst zu erklären: daß ich mich fernerhin aller öffentlichen Vorträge die Religion betreffend, es sei die natürliche oder geoffenbarte, sowohl in Vorlesungen als in Schriften gänzlich enthalten werde.

In tiefster Devotion ersterbe ich etc. Die weitere Geschichte des fortwährenden Treibens zu einem sich immer mehr von der Vernunft entfernenden Glauben ist bekannt.

Die Prüfung der Candidaten zu geistlichen Ämtern ward nun einer *Glaubenscommission* anvertraut, der ein Schema Examinationis nach pietistischem Zuschnitte zum Grunde lag, welche gewissenhafte Candidaten der Theologie zu Schaaren von geistlichen Ämtern verscheuchte und die Juristenfacultät übervölkerte; eine Art von Auswanderung, die zufälligerweise nebenbei auch ihren Nutzen gehabt haben mag. – Um einen kleinen Begriff vom Geiste dieser Commission zu geben: so ward nach der Forderung einer vor der Begnadigung nothwendig vorhergehenden Zerknirschung noch ein tiefer reuiger *Gram* (*maeror animi*) erfordert und von diesem nun gefragt, ob ihn der Mensch sich auch selbst geben könne. *quod negandum ac pernegandum*, war die Antwort; der reuevolle Sünder muß sich diese Reue besonders vom Himmel erbitten. – Nun fällt ja in die Augen: daß den, welcher um *Reue* (über seine Übertretung) noch bitten muß, seine That wirklich nicht reuet; welches eben so widersprechend aussieht, als wenn es vom *Gebet* heißt: es müsse, wenn es erhörlich sein soll, im Glauben geschehen. Denn wenn der Beter den Glauben hat, so braucht er nicht darum zu bitten: hat er ihn aber nicht, so kann er nicht erhörlich bitten.

* Auch diesen Ausdruck wählte ich vorsichtig, damit ich nicht der Freiheit meines Urtheils in diesem Religionsproceß *auf immer*, sondern nur so lange Se. Maj. am Leben wäre, entsagte.

Но теперь этому неблагоприятному обстоятельству положен конец. Недавно произошло счастливое событие, пошедшее на пользу не только гражданскому обществу вообще, для которого религия есть наиважнейшая государственная потребность, но и особенно на благо наукам, для развития которых была образована коллегия высшей школы, а именно: мудрое земельное правительство избрало просвещенного государственного деятеля⁷, который не только в силу одной стороны склонности к определенной сфере деятельности правительства (теологии), но и учитывая широкие интересы всего учительского сословия, обладает призванием, талантом и волей, чтобы способствовать его процветанию, и который тем самым сможет обеспечить прогресс культуры в сфере науки вопреки всяким новым попыткам вмешательства со стороны обскурантов.

* * *

Под общим названием «Спор факультетов» выходят в свет три сочинения, написанные мною по различным поводам и в различное время, но представляющие тем не менее единство и пригодные для того, чтобы составить одно произведение. Лишь позднее я понял, что они как спор *нижнего* факультета с тремя *высшими* (во избежание разрозненности) вполне могут быть объединены в одну книгу.

Diesem Unwesen ist nunmehr gesteuert. Denn nicht allein zum bürgerlichen Wohl des gemeinen Wesens überhaupt, dem Religion ein höchst wichtiges Staatsbedürfnis ist, sondern besonders zum Vortheil der Wissenschaften vermittelst eines diesen zu befördern eingesetzten Oberschulcollegiums – hat sich neuerdings das glückliche Eräugnis zugetragen, daß die Wahl einer weisen Landesregierung einen erleuchteten Staatsmann getroffen hat, welcher nicht durch einseitige Vorliebe für ein besonderes Fach derselben (die Theologie), sondern in Hinsicht auf das ausgebreitete Interesse des ganzen Lehrstandes zur Beförderung desselben Beruf, Talent und Willen hat und so das Fortschreiten der Cultur im Felde der Wissenschaften wider alle neue Eingriffe der Obscuranten sichern wird.

* * *

Unter dem allgemeinen Titel: «der Streit der Facultäten» erscheinen hier drei in verschiedener Absicht, auch zu verschiedenen Zeiten von mir abgefaßte, gleichwohl aber doch zur systematischen Einheit ihrer Verbindung in einem Werk geeignete Abhandlungen, von denen ich nur späterhin inne ward, daß sie als der Streit der *unteren* mit den drei *oberen* (um der Zerstreung vorzubeugen) schicklich in Einem Bande sich zusammen finden können.

СОДЕРЖАНИЕ

Первый раздел

Спор философского факультета с теологическим

<i>Введение</i>	46
О подразделении факультетов вообще	50
I.	
<i>Об отношениях между факультетами</i>	
<i>Первый раздел.</i> Понятие и деление высших факультетов ...	54
Особенность теологического факультета	58
Особенность юридического факультета	62
Особенность медицинского факультета	64
<i>Второй раздел.</i> Понятие и подразделение низшего факультета	68
<i>Третий раздел.</i> О неправомерном споре высших факультетов с низшим	74
<i>Четвертый раздел.</i> О правомерном споре высших факультетов с низшим	80
<i>Результат</i>	88
II.	
Поясняющее приложение к спору факультетов на примере такового между теологическим и философским	
I. Предмет спора	90

INHALT

Erster Abschnitt

Der Streit der philosophischen Facultät mit der theologischen

<i>Einleitung</i>	47
Eintheilung der Facultäten überhaupt	51
I.	
<i>Vom Verhältnisse der Facultäten überhaupt</i>	
<i>Erster Abschnitt.</i> Begriff und Eintheilung der oberen Facultäten	55
Eigenthümlichkeit der theologischen Facultät	59
Eigenthümlichkeit der Juristenfacultät	63
Eigenthümlichkeit der medicinischen Facultät	65
<i>Zweiter Abschnitt.</i> Begriff und Eintheilung der unteren Facultät	69
<i>Dritter Abschnitt.</i> Vom gesetzwidrigen Streit der oberen Facultäten mit der unteren	75
<i>Vierter Abschnitt.</i> Vom gesetzmäßigen Streit der oberen Facultäten mit der unteren	81
<i>Resultat</i>	89
II.	
<i>Anhang</i> einer Erläuterung des Streits der Facultäten durch das Beispiel desjenigen zwischen der theologischen und philosophischen	
I. Materie des Streits.	91

II. Философские основоположения толкования Писания с целью улаживания спора	96
III. Возражения, касающиеся принципов толкования Священного Писания, и ответы на них	110
<i>Общее замечание.</i> О религиозных сектах	118
<i>Заключение мира</i> и прекращение спора факультетов	150
<i>Приложение библейско-исторических вопросов</i> о практическом использовании и возможной долговечности этой Священной Книги	168
<i>Приложение</i> о чистой мистике в религии	172

Второй раздел

Спор философского факультета с юридическим

<i>Возврат к вопросу:</i> находится ли род человеческий на пути неуклонного прогресса к лучшему	188
<i>Заключение</i>	222

Третий раздел

Спор философского факультета с медицинским

<i>О способности духа</i> с помощью одного лишь намерения справиться со своими болезненными ощущениями. Ответное письмо господину придворному советнику и профессору Хуфеланду	224
Основоположения диететики	232
<i>Заключение</i>	260
<i>Послесловие</i>	266

II. Philosophische Grundsätze der Schriftauslegung zur Beilegung des Streits	97
III. Einwürfe und Beantwortung derselben, die Grundsätze der Schriftauslegung betreffend	111
<i>Allgemeine Anmerkung.</i> Von Religionssecten	119
<i>Friedens – Abschluß</i> und Beilegung des Streits der Facultäte ...	151
<i>Anhang biblisch – historischer Fragen</i> über die praktische Benutzung und muthmaßliche Zeit der Fortdauer dieses heiligen Buchs	169
<i>Anhang</i> von einer reinen Mystik in der Religion	173

Zweiter Abschnitt

Der Streit der philosophischen Facultät mit der juristischen

<i>Erneuerte Frage:</i> Ob das menschliche Geschlecht im beständigen Fortschreiten zum Besseren sei	189
<i>Beschluß</i>	223

Dritter Abschnitt

Der Streit der philosophischen Facultät mit der medicinischen

<i>Von der Macht des Gemüths</i> durch den bloßen Vorsatz seiner krankhaften Gefühle Meister zu sein. – Ein Antwortschreiben an Hrn. Hofr. und Prof. Hufeland	225
Grundsätze der Diätetik	233
<i>Beschluß</i>	261
<i>Nachschrift</i>	267

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

СПОР ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА С ТЕОЛОГИЧЕСКИМ

Введение

Неплохо придумал тот, кто впервые предложил осуществить пришедшую ему в голову мысль поступить со всей совокупностью науки (собственно, с посвятившими себя ей учеными мужами), как *на фабрике*, по принципу разделения труда, при котором сколько существует отраслей науки, столько же имеется оплачиваемых казной учителей, *профессоров*, в качестве хранителей этих наук, которые вместе составляют некое ученое общество, называемое *университетом* (а также высшей школой), имеющим свою автономию (ведь судить об ученых как таковых могут только ученые). Университет должен поэтому иметь право собственной властью принимать через свои *факультеты** (небольшие сообщества, образующиеся в соответствии

---

* Из которых каждый имеет своего *декана* как управляющего факультетом. Это звание, заимствованное из астрологии и обозначающее первоначально одного из трех астральных духов, стоящих перед зодиакальным знаком (30°), каждый из которых составляет 10°, сначала было спущено с небес в военные лагеря (ab astris ad castra. vid. Salmasius. De annis climacteriis, p. 561)⁸ и наконец вошло в университеты, но не связывалось с числом 10 (профессоров). Нельзя осуждать ученых за то, что они, придумавшие почти все почетные звания, которыми ныне украшают свои имена государственные мужи, не забыли также и себя.

ERSTER ABSCHNITT

DER STREIT DER PHILOSOPHISCHEN FACULTÄT MIT DER THEOLOGISCHEN

Einleitung

Es war kein übler Einfall desjenigen, der zuerst den Gedanken faßte und ihn zur öffentlichen Ausführung vorschlug, den ganzen Inbegriff der Gelehrsamkeit (eigentlich die derselben gewidmeten Köpfe) gleichsam *fabrikenmäßig*, durch Vertheilung der Arbeiten, zu behandeln, wo, so viel es Fächer der Wissenschaften giebt, so viel öffentliche Lehrer, *Professoren*, als Depositeure derselben angestellt würden, die zusammen eine Art von gelehrtem gemeinen Wesen, *Universität* (auch hohe Schule) genannt, ausmachten, die ihre Autonomie hätte (denn über Gelehrte als solche können nur Gelehrte urtheilen); die daher vermittelst ihrer *Facultäten** (kleiner, nach Verschiedenheit der Hauptfächer der Gelehrsamkeit,

---

* Deren jede ihren *Decan* als Regenten der Facultät hat. Dieser aus der Astrologie entlehnte Titel, der ursprünglich einen der 3 Astralgeister bedeutete, welche einem Zeichen des Thierkreises (von 30 Grad) vorstehen, deren jeder 10 Grade anführt, ist von den Gestirnen zuerst auf die Feldläger (ab astris ad castra. Vid. Salmasius de annis climacteriis pag. 561) und zuletzt gar auf die Universitäten gezogen worden; ohne doch hiebei eben auf die Zahl 10 (der Professoren) zu sehen. Man wird es den Gelehrten nicht verdenken, daß sie, von denen fast alle Ehrentitel, mit denen sich jetzt Staatsleute ausschmücken, zuerst ausgedacht sind, sich selbst nicht vergessen haben.

с основными отраслями науки, к которым принадлежат университетские ученые) учащихся из народных школ и присваивать после предварительного экзамена свободным (не входящим в состав университета) учителям, называемым *докторами*, общепринятые звания (степени), т. е. официально *избирать* их.

Кроме этих *профессиональных* ученых могут быть также *непрофессиональные* ученые, не принадлежащие к *университету*; разрабатывая лишь часть великой совокупности наук, они либо составляют те или иные свободные корпорации (*академии* или *ученые общества*, как их называют), в лоне которых они трудятся либо пребывают, так сказать, в естественном состоянии учености, и каждый из них сам, без публичных предписаний и правил, занимается развитием или распространением наук в качестве *любителя*.

От ученых в собственном смысле следует отличать *просто образованных людей*. Правительство назначает их на должности, чтобы использовать их в своих целях (а не для блага наук); хотя они получили образование в университете, но многое (что касается теории) они могли забыть; достаточно, если в памяти у них удерживается ровно столько, сколько нужно для отправления гражданской должности, которая по своим основоположениям может исходить только от ученых, а именно – эмпирическое знание должностных уставов (что, следовательно, относится к практике); их можно поэтому называть *деловыми людьми* или практиками науки. Поскольку они, как орудия правительства (духовенство, служители правосудия, врачи), имеют опирающееся на закон влияние на публику и составляют особый класс образованных людей, которые не свободны применять свою ученость на службе по своему разумению, а должны в этом быть под надзором факультетов, и так как они непосредственно обращаются к народу, который состоит из невежд (как обращается к мирянам духовенство), – то они должны в своей области обладать хотя и не законодательной властью, но отчасти властью исполнительной, а правительство должно держать их в строгости, чтобы они не пренебрегали принадлежащей факультетам направляющей властью.

in welche sich die Universitätsgelehrte theilen, verschiedener Gesellschaften) theils die aus niedern Schulen zu ihr aufstrebende Lehrlinge aufzunehmen, theils auch freie (keine Glieder derselben ausmachende) Lehrer, *Doctoren* genannt, nach vorhergehender Prüfung aus eigner Macht mit einem von jedermann anerkannten Rang zu versehen (ihnen einen Grad zu ertheilen), d. i. sie zu *creiren*, berechtigt wäre.

Außer diesen *zünftigen* kann es noch *zunfstfreie* Gelehrte geben, die nicht zur *Universität* gehören, sondern, indem sie bloß einen Theil des großen Inbegriffs der Gelehrsamkeit bearbeiten, entweder gewisse freie Corporationen (*Akademien*, auch *Societäten der Wissenschaften* genannt) als so viel Werkstätten ausmachen, oder gleichsam im Naturzustande der Gelehrsamkeit leben und jeder für sich ohne öffentliche Vorschrift und Regel sich mit Erweiterung oder Verbreitung derselben als *Liebhaber* beschäftigen.

Von den eigentlichen Gelehrten sind noch die *Litteraten* (Studirte) zu unterscheiden, die als Instrumente der Regierung, von dieser zu ihrem eigenen Zweck (nicht eben zum besten der Wissenschaften) mit einem Amte bekleidet, zwar auf der Universität ihre Schule gemacht haben müssen, allenfalls aber Vieles davon (was die Theorie betrifft) auch können vergessen haben, wenn sie nur so viel, als zu Führung eines bürgerlichen Amtes, das seinen Grundlehren nach nur von Gelehrten ausgehen kann, erforderlich ist, nämlich empirische Kenntniß der Statuten ihres Amtes (was also die Praxis angeht), übrig behalten haben; die man also *Geschäftsleute* oder *Werkkundige* der Gelehrsamkeit nennen kann. Diese, weil sie als Werkzeuge der Regierung (Geistliche, Justizbeamte und Ärzte) aufs Publicum gesetzlichen Einfluß haben und eine besondere Klasse von Litteraten ausmachen, die nicht frei sind, aus eigener Weisheit, sondern nur unter der Censur der Facultäten von der Gelehrsamkeit öffentlichen Gebrauch zu machen, müssen, weil sie sich unmittelbar ans Volk wenden, welches aus Idioten besteht (wie etwa der Klerus an die Laiker), in ihrem Fache aber zwar nicht die gesetzgebende, doch zum Theil die ausübende Gewalt haben, von der Regierung sehr in Ordnung gehalten werden, damit sie sich nicht über die richtende, welche den Facultäten zukommt, wegsetzen.

О подразделении факультетов вообще

По заведенному обычаю факультеты делятся на два класса: на *три высших факультета* и один *низший*. Ясно, что этим делением и наименованием мы обязаны не сословию ученых, а правительству, ибо к высшим факультетам отнесены только те, учения которых интересуют само правительство, независимо от того, сформулированы ли они так или иначе и следует ли их излагать публично; факультет же, который должен заботиться только об интересах науки, назван низшим, ибо он может обращаться со своими принципами, как он считает нужным. Правительство же интересуется прежде всего тем, при помощи чего оно может оказать наиболее сильное и длительное влияние на народ, а именно таковы предметы высших факультетов. Вот почему правительство сохраняет за собой право самому *санкционировать* учения высших факультетов; учения же низшего оно предоставляет собственному разумению ученых. – Но хотя правительство санкционирует учения, однако само не *учит*, а желает лишь, чтобы некоторые учения были приняты соответствующими факультетами для *публичного изложения*, а учения, противоречащие им, были исключены. В самом деле, правительство не учит, а лишь отдает распоряжения тем, кто учит (с истиной дело может обстоять как угодно), так как при вступлении в должность* они заключили

* Следует признать, что правило парламента Великобритании, согласно которому тронную речь короля следует рассматривать как сочинение королевского министра (ведь если бы королю ставили в упрек заблуждение, незнание или ложь, то это унизило бы его достоинство, между тем парламент должен иметь право обсуждать содержание его речи, рассматривать и оспаривать его), – это правило, говорю я, очень тонкое и правильное. Точно так же выбор определенных учений, которые правительство санкционирует исключительно для публичного изложения, должен быть предоставлен ученым, потому что такой выбор должен рассматриваться как результат действия не монарха, а назначенного для этой цели государственного чиновника, который – это вполне допустимо – может неверно понять волю своего господина или даже извратить ее.

Eintheilung der Facultäten überhaupt

Nach dem eingeführten Brauch werden sie in zwei Klassen, die der *drei obern Facultäten* und die einer *untern*, eingetheilt. Man sieht wohl, daß bei dieser Eintheilung und Benennung nicht der Gelehrtenstand, sondern die Regierung befragt worden ist. Denn zu den obern werden nur diejenigen gezählt, deren Lehren, ob sie so oder anders beschaffen sein, oder öffentlich vorgetragen werden sollen, es die Regierung selbst interessirt; da hingegen diejenige, welche nur aus Interesse der Wissenschaft zu besorgen hat, die untere genannt wird, weil diese es mit ihren Sätzen halten mag, wie sie es gut findet. Die Regierung aber interessirt das am allermeisten, wodurch sie sich den stärksten und daurendsten Einfluß aufs Volk verschafft, und dergleichen sind die Gegenstände der oberen Facultäten. Daher behält sie sich das Recht vor, die Lehren der oberen selbst zu *sanctioniren*; die der untern überläßt sie der eigenen Vernunft des gelehrten Volks. – Wenn sie aber gleich Lehren sanctionirt, so *lehrt* sie (die Regierung) doch nicht selbst; sondern will nur, daß gewisse Lehren von den respectiven Facultäten in ihren *öffentlichen Vortrag* aufgenommen und die ihnen entgegengesetzte davon ausgeschlossen werden sollen. Denn sie lehrt nicht, sondern befiehlt nur die, welche lehren (mit der Wahrheit mag es bewandt sein, wie es wolle), weil sie sich bei Antretung ihres Amts* durch

* Man muß es gestehen, daß der Grundsatz des großbritannischen Parlaments: die Rede ihres Königes vom Thron sei als ein Werk seines Ministers anzusehen (da es der Würde eines Monarchen zuwider sein würde, sich Irrthum, Unwissenheit oder Unwahrheit vorrücken zu lassen, gleichwohl aber das Haus über ihren Inhalt zu urtheilen, ihn zu prüfen und anzufechten berechtigt sein muß), daß, sage ich, dieser Grundsatz sehr fein und richtig ausgedacht sei. Eben so muß auch die Auswahl gewisser Lehren, welche die Regierung zum öffentlichen Vortrage ausschließlich sanctionirt, der Prüfung der Gelehrten ausgesetzt bleiben, weil sie nicht als das Product des Monarchen, sondern eines dazu befahligen Staatsbeamten, von dem man annimmt, er könne auch wohl den Willen seines Herrn nicht Recht verstanden oder auch verdreht haben, angesehen werden muß.

об этом соглашение с правительством. – Правительство, которое занималось бы учениями, следовательно, и развитием и усовершенствованием наук, разыгрывало бы из себя ученого высшего звания и таким педантством лишилось бы того уважения, которого оно заслуживает, и ниже его достоинства ставить себя на одну доску с народом (с его ученым сословием), который шутки не понимает и стрижет под одну гребенку всех, кто занимается наукой.

В ученом сообществе, в университете, обязательно должен существовать еще один факультет, который, будучи в отношении своих учений независимым от правительственных приказов*, должен иметь свободу не отдавать распоряжения, а обсуждать все распоряжения, касающиеся интересов науки, т. е. истины, когда разум должен быть вправе говорить публично, так как без такой свободы истина (в ущерб самому правительству) никогда не станет известной, а ведь разум по своей природе свободен и не принимает никаких приказов считать что-то истинным (не *crede*, а только свободное *credo*)⁹. – Но то, что такой факультет, несмотря на большое преимущество (свободу), все же именуется низшим, объясняется особенностями человеческой природы: тот, кто может приказывать, хотя бы он был смиренным слугой другого, воображает себя более важным, чем другой, который, правда, свободен, но не может никому приказывать.

* Один французский министр вызвал к себе несколько наиболее именитых купцов и попросил их высказать свои соображения относительно того, как улучшить торговлю, как будто он и в самом деле мог бы выбрать лучшее из предложенного. После того как один предложил одно, другой – другое, старый купец, который до этого молчал, сказал: «Постройте хорошие дороги, тратьте с умом деньги, создайте надлежащее вексельное право и тому подобное, а в общем, предоставьте нам действовать!»¹⁰ Таким примерно должен быть ответ философского факультета, если бы правительство спросило его об учениях, которые оно вообще должно предписывать ученым: только не препятствуйте развитию взглядов и наук!

einen Vertrag mit der Regierung dazu verstanden haben. – Eine Regierung, die sich mit den Lehren, also auch mit der Erweiterung oder Verbesserung der Wissenschaften befaßte, mithin selbst in höchster Person den Gelehrten spielen wollte, würde sich durch diese Pedanterei nur um die ihr schuldige Achtung bringen, und es ist unter ihrer Würde, sich mit dem Volk (dem Gelehrtenstande desselben) gemein zu machen, welches keinen Scherz versteht und alle, die sich mit Wissenschaften bemengen, über einen Kamm schiert.

Es muß zum gelehrten gemeinen Wesen durchaus auf der Universität noch eine Facultät geben, die, in Ansehung ihrer Lehren vom Befehle der Regierung unabhängig*, keine Befehle zu geben, aber doch alle zu beurtheilen die Freiheit habe, die mit dem wissenschaftlichen Interesse, d. i. mit dem der Wahrheit, zu thun hat, wo die Vernunft öffentlich zu sprechen berechtigt sein muß: weil ohne eine solche die Wahrheit (zum Schaden der Regierung selbst) nicht an den Tag kommen würde, die Vernunft aber ihrer Natur nach frei ist und keine Befehle etwas für wahr zu halten (kein *crede*, sondern nur ein freies *credo*) annimmt. – Daß aber eine solche Facultät unerachtet dieses großen Vorzugs (der Freiheit) dennoch die untere genannt wird, davon ist die Ursache in der Natur des Menschen anzutreffen: daß nämlich der, welcher befehlen kann, ob er gleich ein demüthiger Diener eines andern ist, sich doch vornehmer dünkt als ein anderer, der zwar frei ist, aber niemandem zu befehlen hat.

* Ein französischer Minister berief eine der angesehensten Kaufleute zu sich und verlangte von ihnen Vorschläge, wie dem Handel aufzuhelfen sei: gleich als ob er darunter die beste zu wählen verstände. Nachdem einer dies, der andere das in Vorschlag gebracht hatte, sagte ein alter Kaufmann, der so lange geschwiegen* hatte: Schafft gute Wege, schlägt gut Geld, gebt ein promptes Wechselrecht u. dgl. übrigens aber «laßt uns machen»! Dies wäre ungefähr die Antwort, welche die philosophische Facultät zu geben hätte, wenn die Regierung sie um die Lehren befrüge, die sie den Gelehrten überhaupt vorzuschreiben habe: den Fortschritt der Einsichten und Wissenschaften nur nicht zu hindern.

I

Об отношениях между факультетами

Первый раздел

Понятие и деление высших факультетов

Можно допустить, что все искусственно созданные людьми учреждения, имеющие в своей основе некую идею разума (как, например, идею правительства), которая должна быть практически доказана на каком-нибудь предмете опыта (такова вся нынешняя сфера учености), были подвергнуты испытанию не чисто случайным подбором и произвольным сопоставлением подвергнувшихся случаев, а заложенным в разуме, хотя и не ясным, принципом и основанным на нем планом, который делает необходимым определенного рода деление.

На этом основании можно признать, что организация университета, если иметь в виду его классы и факультеты, не зависела целиком от случая и что правительство, не придумав ранее никакой собственной мудрости и учености, но ощутив потребность (воздействовать на народ через посредство определенных учений), должно было прийти а priori к принципу деления, который в общем-то, кажется, эмпирического происхождения и удачно совпадает с ныне принятым принципом, и я, пожалуй, не буду говорить об этом делении, как если бы оно было свободно от ошибок.

Согласно разуму (т.е. объективно), побудительные причины, которые может использовать правительство для [достижения] своих целей, идут в следующем порядке: сначала *вечное* благополучие каждого, затем *гражданское благополучие* [каждого] как члена общества и, наконец, *физическое благополучие* (жить долго и быть здоровым). При помощи публичных наставлений относительно *вечного благополучия* правительство может приобрести огромное влияние на сокровенные мысли и скрытые желания подданных, угадывая первые и направляя вторые. Посредством гласных наставлений относительно *гражданского благополучия* правительство может держать внешнее поведение

I

Vom Verhältnisse der Facultäten

Erster Abschnitt

Begriff und Eintheilung der oberen Facultäten

Man kann annehmen, daß alle künstlichen Einrichtungen, welche eine Vernunftidee (wie die von einer Regierung ist) zum Grunde haben, die sich an einem Gegenstande der Erfahrung (dergleichen das ganze gegenwärtige Feld der Gelehrsamkeit) praktisch beweisen soll, nicht durch bloß zufällige Aufsammlung und willkürliche Zusammenstellung vorkommender Fälle, sondern nach irgend einem in der Vernunft, wenn gleich nur dunkel, liegenden Princip und darauf gegründetem Plan versucht worden sind, der eine gewisse Art der Eintheilung nothwendig macht.

Aus diesem Grunde kann man annehmen, daß die Organisation einer Universität in Ansehung ihrer Klassen und Facultäten nicht so ganz vom Zufall abgehangen habe, sondern daß die Regierung, ohne deshalb eben ihr frühe Weisheit und Gelehrsamkeit anzudichten, schon durch ihr eignes gefühltes Bedürfniß (vermittelt gewisser Lehren aufs Volk zu wirken) a priori auf ein Princip der Eintheilung, was sonst empirischen Ursprungs zu sein scheint, habe kommen können, das mit dem jetzt angenommenen glücklich zusammentrifft; wiewohl ich ihr darum, als ob sie fehlerfrei sei, nicht das Wort reden will.

Nach der Vernunft (d. h. objectiv) würden die Triebfedern, welche die Regierung zu ihrem Zweck (auf das Volk Einfluß zu haben) benutzen kann, in folgender Ordnung stehen: zuerst eines jeden *ewiges* Wohl, dann das *bürgerliche* als Glied der Gesellschaft, endlich das *Leibeswohl* (lange leben und gesund sein). Durch die öffentlichen Lehren in Ansehung des *ersten* kann die Regierung selbst auf das Innere der Gedanken und die verschlossensten Willensmeinungen der Unterthanen, jene zu entdecken, diese zu lenken, den größten Einfluß haben; durch die, so sich aufs *zweite* beziehen, ihr äußeres Verhalten

подданных в узде публичных законов. *Физическим благополучием* правительство может обеспечить для себя существование сильного и многочисленного народа, годного для [осуществления] его намерений. – Итак, согласно *разуму*, должна существовать общепринятая иерархия среди высших факультетов, а именно: сначала *теологический факультет*, затем *юридический* и, наконец, *медицинский*. Согласно же *природному* инстинкту, самое важное лицо для человека – врач, ибо он продлевает ему *жизнь*, лишь затем идет юрист, который обещает сохранить за ним то, что *принадлежит* ему случайно, и только в последнюю очередь (чаще всего, когда человек чувствует приближение смерти), хотя дело идет о блаженстве, человек посылает за духовным лицом; ведь само духовное лицо, как бы оно ни восхваляло блаженство загробного мира, не видя его реальности, страстно желает при помощи врача подольше задержаться в земной юдоли.

* * *

Все три высших факультета подкрепляют вверенные им правительством учения *печатным словом*, да иначе и не может быть, когда речь идет о народе, руководимом ученостью, так как без печатного слова не может быть никакой постоянной, доступной каждому нормы, с которой народ мог бы образовать свои действия. Само собой разумеется, что такое печатное слово (или такая книга) должно содержать *уставы*, т. е. исходящие из воли начальства наставления (сами не имеющие своего источника в разуме), иначе оно не могло бы требовать санкционированного правительством беспрекословного подчинения. То же можно сказать даже о своде законов в отношении тех подлежащих обнародованию наставлений, которые могли быть выведены из *разума*, чему, однако, свод законов не придает значения, полагая в основу повеление высшего законодателя. – От свода законов как от канона совершенно отличаются те книги, которые составляются факультетами и в качестве экстракта духа (якобы) всего свода

unter dem Zügel öffentlicher Gesetze halten; durch die *dritte* sich die Existenz eines starken und zahlreichen Volks sichern, welches sie zu ihren Absichten brauchbar findet. – Nach der *Vernunft* würde also wohl die gewöhnlich angenommene Rangordnung unter den oberen Facultäten Statt finden; nämlich zuerst die *theologische*, darauf die der *Juristen*, und zuletzt die *medizinische Facultät*. Nach dem *Naturinstinkt* hingegen würde dem Menschen der Arzt der wichtigste Mann sein, weil dieser ihm sein *Leben* fristet, darauf auf allererst der Rechtserfahrene, der ihm das zufällige *Seine* zu erhalten verspricht, und nur zuletzt (fast nur, wenn es zum Sterben kommt), ob es zwar um die Seligkeit zu thun ist, der Geistliche gesucht werden: weil auch dieser selbst, so sehr er auch die Glückseligkeit der künftigen Welt preiset, doch, da er nichts von ihr vor sich sieht, sehulich wünscht, von dem Arzt in diesem Jammerthal immer noch einige Zeit erhalten zu werden.

* * *

Alle drei obere Facultäten gründen die ihnen von der Regierung anvertraute Lehren auf *Schrift*, welches im Zustande eines durch Gelchrsamkeit geleiteten Volks auch nicht anders sein kann, weil ohne diese es keine beständige, für jedermann zugängliche Norm, darnach es sich richten könnte, geben würde. Daß eine solche Schrift (oder Buch) *Statute*, d. i. d. i. von der Willkür eines Obern ausgehende (für sich selbst nicht aus der Vernunft entspringende) Lehren, enthalten müsse, versteht sich von selbst, weil diese sonst nicht als von der Regierung sanctionirt schlechthin Gehorsam fordern könnte, und dieses gilt auch von dem Gesetzbuche selbst in Ansehung derjenigen öffentlich vorzutragenden Lehren, die zugleich aus der *Vernunft* abgeleitet werden könnten, auf deren Ansehen aber jenes keine Rücksicht nimmt, sondern den Befehl eines äußeren Gesetzgebers zum Grunde legt. – Von dem Gesetzbuch, als dem Kanon, sind diejenigen Bücher, welche als (vermeintlich) vollständiger Auszug des Geistes des Gesetzbuchs

законов для более ясного понимания и более уверенного применения в обществе (учеными и неучеными), как, например, *символические книги*¹⁷. Они могут лишь желать, чтобы их считали *органом* для облегчения доступа к своду законов, и не пользуются никаким авторитетом. Они не приобретают авторитета даже тогда, когда лучшие ученые, специалисты своего дела, единодушно признают такую книгу для своего факультета в качестве нормы, хотя никто не давал им на это право; они могут ее рекомендовать временно как метод обучения, который, однако, изменяется в зависимости от обстоятельств и вообще может касаться только формальной стороны изложения, но не имеет решительно никакого значения для содержания законодательства.

Вот почему основывающийся на Библии богослов (как принадлежащий высшему факультету) черпает свои наставления не из разума, а из *Библии*, юрист – не из *естественного права*, а из земского права, врач черпает *свой применяемый на практике* способ лечения не из физиологии человеческого тела, а из *руководства по медицине*. – Как только один из этих факультетов осмеливается внести нечто заимствуемое из разума, он тем самым наносит ущерб авторитету повелевающего через этот факультет правительства и вмешивается в дела философского факультета, который беспощадно выщипывает все его яркие заимствованные от разума перья и обращается с ним как свободный и равный. – Поэтому высшие факультеты должны больше всего заботиться о том, чтобы не вступать в неравный брак с низшим факультетом, а держаться от него на почтительном расстоянии, дабы авторитет их уставов не терпел ущерба от вольных умствований низшего факультета.

А.

Особенность теологического факультета

Свое доказательство бытия Бога основывающийся на Библии богослов строит на том, что Бог говорил в Библии, где

zum faßlichern Begriff und sicherern Gebrauch des gemeinen Wesens (der Gelehrten und Ungelehrten) von den Facultäten abgefaßt werden, wie etwa die *symbolischen Bücher*, gänzlich unterschieden. Sie können nur verlangen als *Organon*, um den Zugang zu jenem zu erleichtern, angesehen zu werden und haben gar keine Autorität; selbst dadurch nicht, daß sich etwa die vornehmsten Gelehrten von einem gewissen Fache darüber geeinigt haben, ein solches Buch statt Norm für ihre Facultät gelten zu lassen, wozu sie gar nicht befugt sind, sondern sie einstweilen als Lehrmethode einzuführen, die aber nach Zeitumständen veränderlich bleibt und überhaupt auch nur das Formale des Vortrags betreffen kann, im Materialen der Gesetzgebung aber schlechterdings nichts ausmacht.

Daher schöpft der biblische Theolog (als zur obern Facultät gehörig) seine Lehren nicht aus der Vernunft, sondern aus der *Bibel*, der Rechtslehrer nicht aus dem Naturrecht, sondern aus dem *Landrecht*, der Arzneigelehrte *seine ins Publicum gehende Heilmethode* nicht aus der Physik des menschlichen Körpers, sondern aus der *Medicinalordnung*. – So bald eine dieser Facultäten etwas als aus der Vernunft Entlehntes einzumischen wagt: so verletzt sie die Autorität der durch sie gebietenden Regierung und kommt ins Gehege der philosophischen, die ihr alle glänzende von jener geborgte Federn ohne Verschonen abzieht und mit ihr nach dem Fuß der Gleichheit und Freiheit verfährt. – Daher müssen die obern Facultäten am meisten darauf bedacht sein, sich mit der untern ja nicht in Mißheirath einzulassen, sondern sie fein weit in ehrerbietiger Entfernung von sich abzuhalten, damit das Ansehen ihrer Statute nicht durch die freien Vernünfteilen der letzteren Abbruch leide.

А.

Eigenthümlichkeit der theologischen Facultät

Daß ein Gott sei, beweiset der biblische Theolog daraus, daß er in der Bibel geredet hat, worin

имеются высказывания о Его природе (даже такого рода, что разум иногда не поспевает за Священным Писанием; например, когда речь идет о непостижимой тайне единого Бога в трех лицах). Но основывающийся на Библии богослов не может и не смеет доказывать, что в Библии говорит действительно Бог – ибо это факт, который носит исторический характер; это относится к компетенции философского факультета. Стало быть, богослов будет даже для ученого обосновывать это как дело веры на некоем (разумеется, недоказуемом и необъяснимом) *ощущении* божественности Библии, но он вовсе не должен публично излагать народу вопрос о божественности (в буквальном смысле) происхождения Библии, ибо народ вообще не разбирается в этом, поскольку это дело учености и только ввергло бы его в дерзкое умствование и сомнения. С гораздо большим основанием можно рассчитывать на доверие народа к своим наставникам. – Основывающийся на Библии богослов не правомочен приписывать изречениям Писания моральный смысл, не содержащийся прямо в тексте. И поскольку нет никакого уполномоченного Богом толкователя Писания, то основывающийся на Библии богослов должен скорее рассчитывать на сверхъестественное раскрытие смысла приводящим к истине духом, чем признавать, что здесь вмешивается разум и дает свое толкование (которого недостает всякому высшему авторитету). – Наконец, что касается исполнения заповедей Божьих нашей волей, то основывающийся на Библии богослов должен рассчитывать не на природу, т. е. на собственную моральную способность человека (на добродетель), а на милость (на сверхъестественное, но вместе с тем и моральное воздействие), которой, однако, человек может стать причастным не иначе как посредством искренней веры, но самой веры можно ожидать от той же милости. – Если же основывающийся на Библии богослов, толкуя одно из этих положений, прибегает к помощи разума, полагая, что разум с величайшей искренностью и серьезностью стремится к той же цели, то он перепрыгивает (как брат Ромула¹²) стену церковной веры, единственной дарующей

diese auch von seiner Natur (selbst bis dahin, wo die Vernunft mit der Schrift nicht Schritt halten kann, z.B. vom unerreichbaren Geheimniß seiner dreifachen Persönlichkeit) spricht. Daß aber Gott selbst durch die Bibel geredet habe, kann und darf, weil es eine Geschichtssache ist, der biblische Theolog als ein solcher nicht beweisen; denn das gehört zur philosophischen Facultät. Er wird es also als Glaubenssache auf ein gewisses (freilich nicht erweisliches oder erklärliches) *Gefühl* der Göttlichkeit derselben selbst für den Gelehrten gründen, die Frage aber wegen dieser Göttlichkeit (im buchstäblichen Sinne genommen) des Ursprungs derselben im öffentlichen Vortrage ans Volk gar nicht aufwerfen müssen: weil dieses sich darauf als eine Sache der Gelehrsamkeit doch gar nicht versteht und hiedurch nur in vorwitzige Grübeleien und Zweifel verwickelt werden würde; da man hingegen hierin weit sicherer auf das Zutrauen rechnen kann, was das Volk in seine Lehrer setzt. – Den Sprüchen der Schrift einen mit dem Ausdruck nicht genau zusammentreffenden, sondern etwa moralischen Sinn unterzulegen, kann er auch nicht befugt sein, und da es keinen von Gott autorisirten menschlichen Schriftausleger giebt, muß der biblische Theolog eher auf übernatürliche Eröffnung des Verständnisses durch einen in alle Wahrheit leitenden Geist rechnen, als zugeben, daß die Vernunft sich darin menge und ihre (aller höheren Autorität ermangelnde) Auslegung geltend mache. – Endlich was die Vollziehung der göttlichen Gebote an unserem Willen betrifft, so muß der biblische Theolog ja nicht auf die Natur, d.i. das eigne moralische Vermögen des Menschen (die Tugend), sondern auf die Gnade (eine übernatürliche, dennoch zugleich moralische Einwirkung) rechnen, deren aber der Mensch auch nicht anders, als vermittelt eines inniglich das Herz umwandelnden Glaubens theilhaftig werden, diesen Glauben selbst aber doch wiederum von der Gnade erwarten kann. – Bemengt der biblische Theolog sich in Ansehung irgend eines dieser Sätze mit der Vernunft, gesetzt daß diese auch mit der größten Aufrichtigkeit und dem größten Ernst auf dasselbe Ziel hinstrebte, so überspringt er (wie der Bruder des Romulus) die Mauer des allein seligmachenden Kirchenglaubens

спасение, и попадает на открытое, свободное поле собственных суждений и собственной философии, и здесь он, избегнув церковной власти, подвергается опасности анархии. – Следует, однако, заметить, что здесь я говорю о *чистом* (purus, putus) основывающемся на Библии богослове, не приобретаем еще дурную славу духом свободы разума и философии. Ведь коль скоро мы смешиваем два различного рода дела и пронизываем их друг другом, мы не можем составить никакого определенного понятия об особенностях каждого из них в отдельности.

В.

Особенность юридического факультета

Юрист-законник ищет законы, гарантирующие *Мое* и *Твое* (когда он действует – как и надлежит – в качестве должностного лица правительства), не в своем разуме, а в обнародованном и санкционированном высшими властями своде законов. От него нельзя по справедливости требовать доказательства истинности и правомерности этих законов, так же как и защиты от высказываемых разумом возражений против них. В самом деле, только повеления указывают, что соответствует праву, и вопрос о том, соответствуют ли праву сами повеления, юрист должен отвергнуть как нелепый¹³. Было бы смешно уклоняться от подчинения внешней и высшей воле на том основании, что она будто бы не согласуется с разумом. Ведь престиж правительства заключается именно в том, что оно предоставляет своим подданным свободу судить о правом и неправом не по их собственным понятиям, а согласно предписаниям законодательной власти.

Однако в этом отношении с юридическим факультетом дело в области практики обстоит лучше, чем с богословским, а именно: юридический факультет имеет реального толкователя законов либо в лице судьи, либо при подаче апелляции в лице той или иной законодательной комиссии, либо (как высшей инстанции) самого законодателя, что

und verläuft sich in das offene, freie Feld der eigenen Beurtheilung und Philosophie, wo er, der geistlichen Regierung entlaufen, allen Gefahren der Anarchie ausgesetzt ist. – Man muß aber wohl merken, daß ich hier vom *reinen* (purus, putus) biblischen Theologen Rede, der von dem verschriebenen Freiheitsgeist der Vernunft und Philosophie noch nicht angesteckt ist. Denn so bald wir zwei Geschäfte von verschiedener Art vermengen und in einander laufen lassen, können wir uns von der Eigenthümlichkeit jedes einzelnen derselben keinen bestimmten Begriff machen.

В.

Естественность der Juristenfacultät

Der schriftgelehrte *Jurist* sucht die Gesetze der Sicherung des *Mein* und *Dein* (wenn er, wie er soll, als Beamter der Regierung verfährt) nicht in seiner Vernunft, sondern im öffentlich gegebenen und höchsten Orts sanctionirten Gesetzbuch. Den Beweis der Wahrheit und Rechtmäßigkeit derselben, ingleichen die Vertheidigung wider die dagegen gemachte Einwendung der Vernunft kann man billigerweise von ihm nicht fordern. Denn die Verordnungen machen allererst, daß etwas recht ist, und nun nachzufragen, ob auch die Verordnungen selbst recht sein mögen, muß von den Juristen als ungereimt gerade zu abgewiesen werden. Es wäre lächerlich, sich dem Gehorsam gegen einen äußern und obersten Willen darum, weil dieser angeblich nicht mit der Vernunft übereinstimmt, entziehen zu wollen. Denn darin besteht eben das Ansehen der Regierung, daß sie den Unterthanen nicht die Freiheit läßt, nach ihren eigenen Begriffen, sondern nach Vorschrift der gesetzgebenden Gewalt über Recht und Unrecht zu urtheilen.

In einem Stücke aber ist es mit der Juristenfacultät für die Praxis doch besser bestellt, als mit der theologischen: daß nämlich jene einen sichtbaren Ausleger der Gesetze hat, nämlich entweder an einem Richter, oder in der Appellation von ihm an einer Gesetzcommission und (in der höchsten) am Gesetzgeber selbst,

не так просто в отношении подлежащих толкованию изречений той или иной священной книги богословского факультета. С другой стороны, это преимущество, однако, уравнивается не меньшим по значению недостатком: светские своды законов всегда подвержены изменениям, после того как опыт дает большее и лучшее понимание, в то время как священная книга не допускает никаких изменений (уменьшения или увеличения) и считается раз и навсегда данной. Основывающиеся на Библии богословы не могут сетовать, как это делают юристы, на то, что нет почти никакой надежды установить точно определенную норму отправления правосудия (*ius certum*)¹⁴. В самом деле, основывающийся на Библии богослов отклоняет всякую претензию относительно того, что его догматика не содержит такой ясной и определенной для всех случаев нормы. Если, кроме того, юристы-практики (адвокаты или судьи) дали клиенту плохой совет и тем самым причинили ему ущерб, но не желают нести за это ответственность (*ob consilium nemo tenetur*)¹⁵, то практики богословия (проповедники и духовники) без колебания берут на себя такую ответственность и ручаются за то, что на том свете все будет решаться в зависимости от того, какое решение они вынесли на этом свете; хотя если бы от них потребовали ясного ответа, осмелятся ли они ручаться своей душой за истинность всего того, во что следует, по их мнению, верить, основываясь на авторитете Библии, то они, по всей вероятности, уклонились бы от такого ответа. При всем том природа принципов этих наставников народа такова, что нельзя сомневаться в истинности их заверений, и они могут так действовать тем увереннее, что им не нужно бояться в этой жизни опровержения своих принципов опытом.

C.

Особенность медицинского факультета

Врач – искусник, который, однако, поскольку его искусство заимствовано непосредственно от природы и потому

welches in Ansehung der auszulegenden Sprüche eines heiligen Buchs der theologischen Facultät nicht so gut wird. Doch wird dieser Vorzug andererseits durch einen nicht geringeren Nachtheil aufgewogen, nämlich daß die weltlichen Gesetzbücher der Veränderung unterworfen bleiben müssen, nachdem die Erfahrung mehr oder bessere Einsichten gewährt, dahingegen das heilige Buch keine Veränderung (Verminderung oder Vermehrung) statuiert und für immer geschlossen zu sein behauptet. Auch findet die Klage der Juristen, daß es beinah vergeblich sei, eine genau bestimmte Norm der Rechtspflege (*ius certum*) zu hoffen, beim biblischen Theologen nicht statt. Denn dieser läßt sich den Anspruch nicht nehmen, daß seine Dogmatik nicht eine solche klare und auf alle Fälle bestimmte Norm enthalte. Wenn überdem die juristischen Praktiker (Advocaten oder Justizcommissarien), die dem Clienten schlecht gerathen und ihn dadurch in Schaden versetzt haben, darüber doch nicht verantwortlich sein wollen (*ob consilium nemo tenetur*), so nehmen es doch die theologischen Geschäftsmänner (Prediger und Seelsorger) ohne Bedenken auf sich und stehen dafür, nämlich dem Tone nach, daß alles so auch in der künftigen Welt werde abgeurtheilt werden, als sie es in dieser abgeschlossen haben; obgleich, wenn sie aufgefordert würden, sich förmlich zu erklären, ob sie für die Wahrheit alles dessen, was sie auf biblische Autorität geglaubt wissen wollen, mit ihrer Seele Gewähr zu leisten sich getraueten, sie wahrscheinlicher Weise sich entschuldigen würden. Gleichwohl liegt es doch in der Natur der Grundsätze dieser Volkslehrer, die Richtigkeit ihrer Versicherung keineswegs bezweifeln zu lassen, welches sie freilich um desto sicherer thun können, weil sie in diesem Leben keine Widerlegung derselben durch Erfahrung befürchten dürfen.

C.

Eigenthümlichkeit der medicinischen Facultät

Der Arzt ist ein Künstler, der doch, weil seine Kunst von der Natur unmittelbar entlehnt und um

должно быть выведено из науки о природе, подчинен как ученый тому факультету, на котором он учился, и должен покориться его оценке. – Но так как правительство обязательно проявляет большой интерес к способу, каким врач лечит население, оно вправе устанавливать надзор за публичной деятельностью врачей через *высшую медицинскую коллегия* и медицинские предписания, равно как и через совет избранных специалистов факультета (практикующих врачей). Однако ввиду специфической особенности этого факультета от врачей требуется, чтобы они в отличие от богословов и юристов заимствовали свои правила не из приказов начальства, а из самой природы вещей (поэтому медицинская мудрость первоначально должна была принадлежать философскому факультету, взятому в самом широком смысле слова) – не столько в отношении того, что врачи делают, сколько в отношении того, чего они не должны делать, а именно: *во-первых*, требуется, чтобы для публики вообще существовали врачи, и, *во-вторых*, чтобы не было никаких шарлатанов (не было никакого *ius impune occidenti*¹⁶ по принципу *fiat experimentum in corpore vili*¹⁷). А так как правительство, согласно первому принципу, заботится об *общественной безопасности* (в отношении состояния здоровья населения) и так как и тем и другим ведаёт *полиция*, то наблюдение за порядком в медицине будет, собственно, делом лишь *медицинской полиции*.

Этот факультет, стало быть, намного свободнее, чем первые два высших, и очень близок философскому факультету. Что касается учений этого факультета, на основе которых врачи получают свое *образование*, то факультет совершенно свободен, так как он пользуется книгами, не утвержденными высшим авторитетом, а черпающими [свои познания] только из природы; для него нет и законов в собственном смысле слова (если под законом понимать неизменную волю законодателя), для него существуют лишь предписания (*эдикты*), и знание их не требует учености, нуждающейся в систематическом своде учений, которым факультет, правда, обладает, но который правительство не правомочно утверждать,

deswillen von einer Wissenschaft der Natur abgeleitet werden muß, als Gelehrter irgend einer Facultät untergeordnet ist, bei der er seine Schule gemacht haben und deren Beurtheilung er unterworfen bleiben muß. – Weil aber die Regierung an der Art, wie er die Gesundheit des Volks behandelt, nothwendig großes Interesse nimmt: so ist sie berechtigt durch eine Versammlung ausgewählter Geschäftsleute dieser Facultät (praktischer Ärzte) über das öffentliche Verfahren der Ärzte durch ein *Obersanitätscollegium* und Medicinalverordnungen Aufsicht zu haben. Die letzteren aber bestehen wegen der besonderen Beschaffenheit dieser Facultät, daß sie nämlich ihre Verhaltensregeln nicht, wie die vorigen zwei obern, von Befehlen eines Oberen, sondern aus der Natur der Dinge selbst hernehmen muß – weshalb ihre Lehren auch ursprünglich der philosophischen Facultät, im weitesten Verstande genommen, angehören müßten –, nicht sowohl in dem, was die Ärzte thun, als was sie unterlassen sollen: nämlich *erstlich*, daß es fürs Publicum überhaupt Ärzte, *zweitens*, daß es keine Afterärzte gebe (kein *ius impune occidenti* nach dem Grundsatz: *fiat experimentum in corpore vili*). Da nun die Regierung nach dem ersten prinzip *für die öffentliche Bequemlichkeit*, nach dem zweiten *für die öffentliche Sicherheit* (in der Gesundheitsangelegenheit des Volks) sorgt, diese zwei Stücke aber eine *Polizei* ausmachen, so wird alle Medicinalordnung eigentlich nur die *medicinische Polizei* betreffen.

Diese Facultät ist also viel freier als die beiden ersten unter den obern und der philosophischen sehr nahe verwandt; ja was die Lehren derselben betrifft, wodurch Ärzte *gebildet* werden, gänzlich frei, weil es für sie keine durch höchste Autorität sanctionirte, sondern nur aus der Natur geschöpfte Bücher geben kann, auch keine eigentlichen Gesetze (wenn man darunter den unveränderlichen Willen des Gesetzgebers versteht), sondern nur Verordnungen (*Edicte*), welche zu kennen nicht Gelehrsamkeit ist, als zu der ein systematischer Inbegriff von Lehren erfordert wird, den zwar die Facultät besitzt, welchen aber (als in keinem *Gesetzbuch* enthalten) die Regierung zu sanctioniren nicht Befugniß hat,

а должно оставлять на усмотрение факультета; задача правительства – через фармакопею и устройство больниц оказывать содействие специалистам-медикам в их врачебной практике.

Второй раздел

Понятие и подразделение низшего факультета

Низшим факультетом можно назвать тот отдел университета, который имеет дело только с учениями, принятыми для руководства не по приказу какого-нибудь начальника. И все же может случиться так, что тому или иному практическому учению следуют, повинаясь приказу. Однако не только объективно (как суждение, которое не *должно* было бы быть), но и субъективно (как суждение, которое ни один человек не *может* высказать) это учение абсолютно невозможно признать истинным только потому, что оно предписано (*de par le Roi*)¹⁸. Ведь тот, кто хочет ввести в заблуждение, в действительности не заблуждается и на самом деле не принимает ложное суждение за истинное, а лишь ложно выдает за истину то, чего он сам не признает таковой. – Следовательно, если речь идет об *истинности* тех или иных учений, которые должны быть изложены публично, то учитель в данном случае не может ссылаться на высочайший приказ или утверждать, что он по приказу верит в истинность этого учения; так он может говорить только тогда, когда речь идет о *поступках*. Но в этом случае он должен на основе *свободного* суждения признать, что такой приказ действительно издан и что он обязан или по крайней мере полномочен повиноваться ему; без такого признания принятие [им приказа] будет пустой отговоркой и ложью. – Способность судить автономно, т. е. свободно (сообразно с принципами мышления вообще), называют разумом. Стало быть, философский факультет, поскольку он обязан ручаться за *истинность* учений, которые он принимает или хотя бы допускает, должно мыслить как свободный,

sondern jener überlassen muß, indessen sie durch Dispensatorien und Lazarethanstalten den Geschäftsleuten derselben ihre Praxis im öffentlichen Gebrauch nur zu befördern bedacht ist. – Diese Geschäftsmänner (die Ärzte) aber bleiben in Fällen, welche als die medicinische Polizei betreffend die Regierung interessiren, dem Urtheile ihrer Facultät unterworfen.

Зweiter Abschnitt

Begriff und Eintheilung der untern Facultät

Man kann die untere Facultät diejenige Klasse der Universität nennen, die oder so fern sie sich nur mit Lehren beschäftigt, welche nicht auf den Befehl eines Oberen zur Richtschnur angenommen werden. Nun kann es zwar geschehen, daß man eine praktische Lehre aus Gehorsam befolgt; sie aber darum, weil es befohlen ist (*de par le roi*), für wahr anzunehmen, ist nicht allein objectiv (als ein Urtheil, das nicht sein *sollte*), sondern auch subjectiv (als ein solches, welches kein Mensch fällen *kann*) schlechterdings unmöglich. Denn der irren will, wie er sagt, irrt wirklich nicht und nimmt das falsche Urtheil nicht in der That für wahr an, sondern giebt nur ein Fürwahrhalten fälschlich vor, das in ihm doch nicht anzu-treffen ist. – Wenn also von der *Wahrheit* gewisser Lehren, die in öffentlichen Vortrag gebracht werden sollen, die Rede ist, so kann sich der Lehrer desfalls nicht auf höchsten Befehl berufen, noch der Lehrling vorgeben, sie auf Befehl geglaubt zu haben, sondern nur wenn vom *Thun* geredet wird. Alsdann aber muß er doch, daß ein solcher Befehl wirklich ergangen, imgleichen daß er ihm zu gehorchen verpflichtet oder wenigstens befugt sei, durch ein *freies* Urtheil erkennen, widrigenfalls seine Annahme ein leeres Vorgeben und Lüge ist. – Nun nennt man das Vermögen, nach der Autonomie, d. i. frei (Principien des Denkens überhaupt gemäß), zu urtheilen, die Vernunft. Also wird die philosophische Facultät darum, weil sie für die *Wahrheit* der Lehren, die sie aufnehmen oder auch nur einräumen soll, stehen muß, in so fern als frei

подчиненный только законодательству разума, а не законодательству правительства.

В каждом университете должно быть и такое отделение, т. е. философский факультет. Он служит для того, чтобы контролировать три высших факультета и тем самым быть полезным им, ибо важнее всего *истина* (существенное и первое условие учености вообще); *полезность* же, которую обещают правительству высшие факультеты, есть лишь второстепенный момент. – Можно в крайнем случае согласиться с гордым притязанием богословского факультета на то, что философский факультет его служанка (при этом все же остается открытым вопрос: *несет* ли эта служанка *перед* милостивой госпожой *факел* или *шлейф позади нее*), лишь бы не закрыли философский факультет и не зажали ему рот; ведь именно эта непритязательность, стремление быть свободным, а также не мешать другим свободно отыскивать истину на пользу всем наукам и поставлять ее для любого применения высшим факультетам – все это должно быть для правительства достаточным основанием, чтобы считать философский факультет вне всякого подозрения и, более того, безусловно необходимым.

Философский факультет имеет два отделения: отделение *исторического познания* (к которому относятся история, география, языкознание, гуманистика со всем, что дает природоведение, опирающееся на эмпирическое знание) и отделение *чистого познания разумом* (чистой математики и чистой философии, метафизики природы и нравов); между обоими отделениями существует взаимная связь. Именно поэтому философский факультет включает все области человеческого знания (стало быть, исторически и высшие факультеты), но делает все эти области (а именно – специфические учения или предписания высших факультетов) не содержанием, а лишь предметом своего исследования и своей критики, имея целью пользу всех наук.

Философский факультет может, следовательно, претендовать на право проверять истинность всех учений. Правительство не может наложить запрет на философский факультет,

und nur unter der Gesetzgebung der Vernunft, nicht der der Regierung stehend gedacht werden müssen.

Auf einer Universität muß aber auch ein solches Departement gestiftet, d. i. es muß eine philosophische Facultät sein. In Ansehung der drei obern dient sie dazu, sie zu controlliren und ihnen eben dadurch nützlich zu werden, weil auf *Wahrheit* (die wesentliche und erste Bedingung der Gelehrsamkeit überhaupt) alles ankommt; die *Nützlichkeit* aber, welche die oberen Facultäten zum Behuf der Regierung versprechen, nur ein Moment vom zweiten Range ist. – Auch kann man allenfalls der theologischen Facultät den stolzen Anspruch, daß die philosophische ihre Magd sei, einräumen (wobei doch noch immer die Frage bleibt: ob diese ihrer gnädigen Frau *die Fackel vorträgt* oder *die Schleppe nachträgt*), wenn man sie nur nicht verjagt, oder ihr den Mund zubindet; denn eben diese Anspruchslosigkeit, blos frei zu sein, aber auch frei zu lassen, blos die Wahrheit zum Vortheil jeder Wissenschaft auszumitteln und sie zum beliebigen Gebrauch der oberen Facultäten hinzustellen, muß sie der Regierung selbst als unverdächtig, ja als unentbehrlich empfehlen.

Die philosophische Facultät enthält nun zwei Departemente, das eine der *historischen Erkenntniß* (wozu Geschichte, Erdbeschreibung, gelehrte Sprachkenntniß, Humanistik mit allem gehört, was die Naturkunde von empirischem Erkenntniß darbietet), das andere der *reinen Vernunftkenntnisse* (reinen Mathematik und der reinen Philosophie, Metaphysik der Natur und der Sitten) und beide Theile der Gelehrsamkeit in ihrer wechselseitigen Beziehung auf einander. Sie erstreckt sich eben darum auf alle Theile des menschlichen Wissens (mithin auch historisch über die obern Facultäten), nur daß sie nicht alle (nämlich die eigenthümlichen Lehren oder Gebote der obern) zum Inhalte, sondern zum Gegenstande ihrer Prüfung und Kritik in Absicht auf den Vortheil der Wissenschaften macht.

Die philosophische Facultät kann also alle Lehren in Anspruch nehmen, um ihre Wahrheit der Prüfung zu unterwerfen. Sie kann von der Regierung,

не действуя вразрез со своими истинными, существенными целями, а высшие факультеты должны благосклонно принимать те возражения и сомнения, которые философский факультет высказывает открыто, хотя, конечно, они вправе считать это обременительным, так как без критиков они могли бы безмятежно пользоваться приобретенным ими достоинством, под каким бы наименованием оно ни выступало, и вдобавок еще деспотически командовать. – Только политическим деятелям высших факультетов (священникам, юристам и врачам) может быть запрещено противоречить учениям, доверенным им правительством для изложения при отправлении их служебных обязанностей, и пытаться играть роль философов; ведь это может быть позволено факультетам, но не назначенным правительством служащим, ибо эти последние черпают свои знания из факультетов. Например, если проповедники или служители правосудия позволяют себе обращаться к народу со своими возражениями и подозрениями против духовного или светского законодательства, то тем самым они подстрекают народ к выступлениям против правительства. Факультеты же направляют свои возражения и сомнения только друг против друга как ученые, о чем народ практически ничего не знает, если даже об этом доходят до него сведения, так как народ скромно полагает, что умствование не его дело, и считает себя обязанным придерживаться лишь того, что ему сообщают назначенные для этого служащие правительства. – И эта свобода, которая не должна быть ограничена для низшего факультета, приводит к тому, что высшие факультеты (лучше осведомленные) все больше направляют служащих на путь истины, которые со своей стороны, лучше понимая свои обязанности, не усматривают препятствий к изменению своего изложения, поскольку оно служит лишь лучшему пониманию средств для достижения той же цели, и такое понимание может быть прекрасно достигнуто без полемических и возбуждающих беспокойство нападок на существовавшие до сих пор методы обучения с полным сохранением их материалов.

ohne daß diese ihrer eigentlichen, wesentlichen Absicht zuwider handle, nicht mit einem Interdict belegt werden, und die obern Facultäten müssen sich ihre Einwürfe und Zweifel, die sie öffentlich vorbringt, gefallen lassen, welches jene zwar allerdings lästig finden dürften, weil sie ohne solche Kritiker in ihrem, unter welchem Titel es auch sei, einmal inne habenden Besitz ungestört ruhen und dabei noch despotisch hätten befehlen können. – Nur den Geschäftsleuten jener oberen Facultäten (den Geistlichen, Rechtsbeamten und Ärzten) kann es allerdings verwehrt werden, daß sie den ihnen in Führung ihres respectiven Amts von der Regierung zum vortrage anvertrauten Lehren nicht öffentlich widersprechen und den Philosophen zu spielen sich erkühnen; denn das kann nur den Facultäten, nicht den von der Regierung bestellten Beamten erlaubt sein: weil diese ihr Wissen nur von jenen her haben. Die letztern nämlich, z.B. Prediger und Rechtsbeamte, wenn sie ihre Einwendungen und Zweifel gegen die geistliche oder weltliche Gesetzgebung ans Volk zu richten sich gelüsten ließen, würden es dadurch gegen die Regierung aufwiegeln; dagegen die Facultäten sie nur gegen einander, als Gelehrte, richten, wovon das Volk praktischerweise keine Notiz nimmt, selbst wenn sie auch zu seiner Kenntniß gelangen, weil es sich selbst bescheidet, daß Vernünfteln nicht seine Sache sei, und sich daher verbunden fühlt, sich nur an dem zu halten, was ihm durch die dazu bestellte Beamte der Regierung verkündigt wird. – Diese Freiheit aber, die der untern Facultät nicht geschmälert werden darf, hat den Erfolg, daß die obern Facultäten (selbst besser belehrt) die Beamte immer mehr in das Gleis der Wahrheit bringen, welche dann ihrerseits, auch über ihre Pflicht besser aufgeklärt, in der Abänderung des Vortrags keinen Anstoß finden werden; da er nur ein besseres Verständniß der Mittel zu eben demselben Zweck ist, welches ohne polemische und nur Unruhe erregende Angriffe auf bisher bestandene Lehrweisen mit völliger Beibehaltung des Materialien derselben gar wohl geschehen kann.

Третий раздел

О неправомерном споре высших факультетов с низшим

Незаконно публичное столкновение мнений, стало быть ученый спор либо о *содержании*, если не дозволено спорить об официальном положении, потому что вообще не дозволено открыто судить об этом положении и о положении, противоположном ему; либо спор только о *форме*, когда способ ведения спора состоит не в объективных доводах, обращенных к разуму противника, а в субъективных мотивах, определяющих суждение на основе *склонностей*, чтобы хитростью (сюда относится и подкуп) или насилием (угрозами) склонить противника к согласию.

Спор факультетов ведется за влияние на народ, и добиться этого влияния они могут лишь в той мере, в какой каждому из них удастся убедить народ в своей способности наилучшим образом содействовать его благополучию. При этом, однако, способы, какими эти факультеты намереваются его достигнуть, прямо противоположны друг другу.

Но народ усматривает свое благополучие не в свободе, а прежде всего в своих естественных целях, стало быть, в трех вещах: в *блаженстве* после смерти, в том, чтобы при жизни среди своих ближних иметь гарантию *своей собственности*, основанную на публичных законах, и, наконец, в физическом наслаждении *жизнью* самой по себе (т. е. в здоровье и долгой жизни).

Однако философский факультет, который может судить об этих желаниях только на основе предписаний, заимствованных им от разума, и, стало быть, привержен принципу свободы, придерживается лишь того, что человек сам может и должен делать: жить *честно*, ни с кем не поступать *несправедливо*, быть *умеренным* в наслаждении, терпеливым в болезни и прежде всего рассчитывать на самопомощь организма; для всего этого, конечно, не требуется особой учености, и к тому же можно было бы в большинстве случаев вообще

Dritter Abschnitt

Vom gesetzwidrigen Streit der oberen Facultäten mit der unteren

Gesetzwidrig ist ein öffentlicher Streit der Meinungen, mithin ein gelehrter Streit entweder der *Materie* wegen, wenn es gar nicht erlaubt wäre, über einen öffentlichen Satz zu *streiten*, weil es gar nicht erlaubt ist, über ihn und seinen Gegensatz öffentlich zu urtheilen; oder blos der *Form* wegen, wenn die Art, wie er geführt wird, nicht in objectiven Gründen, die auf die Vernunft des Gegners gerichtet sind, sondern in subjectiven, sein Urtheil durch *Neigung* bestimmenden Bewegursachen besteht, um ihn durch List (wozu auch Bestechung gehört) oder Gewalt (Drohung) zur Einwilligung zu bringen.

Nun wird der Streit der Facultäten um den Einfluß aufs Volk geführt, und diesen Einfluß können sie nur bekommen, so fern jede derselben das Volk glauben machen kann, daß sie das Heil desselben am besten zu befördern verstehe, dabei aber doch in der Art, wie sie dieses auszurichten gedenken, einander gerade entgegengesetzt sind.

Das Volk aber setzt sein Heil zu oberst nicht in der Freiheit, sondern in seinen natürlichen Zwecken, also in diesen drei Stücken: nach dem Tode *selig*, im Leben unter andern Mitmenschen des *Seinen* durch öffentliche Gesetze gesichert, endlich des physischen Genusses des *Lebens* an sich selbst (d. i. der Gesundheit und langen Lebens) gewärtig zu sein.

Die philosophische Facultät aber, die sich auf alle diese Wünsche nur durch Vorschriften, die sie aus der Vernunft entlehnt, einlassen kann, mithin dem Prinzip der Freiheit anhänglich ist, hält sich nur an das, was der Mensch selbst hinzuthun kann und soll: *rechtschaffen* zu leben, keinem *Unrecht* zu thun, sich *mäßig* im Genusse und duldend in Krankheiten und dabei vornehmlich auf die Selbsthülfe der Natur rechnend zu verhalten; zu welchem Allem es freilich nicht eben großer Gelehrsamkeit bedarf, wobei man dieser aber auch größtentheils

обойтись без нее, если бы люди умели обуздывать свои склонности и доверять руководство ими разуму, что народ вряд ли сумеет сделать собственными усилиями.

Народ (который в вышеуказанных учениях осуждается за свою склонность к наслаждениям и за свое нежелание прилагать к этому усилия) требует от трех высших факультетов более приемлемых предложений и предъявляет ученым такие претензии: то, что вы, философы, болтаете, я сам знаю уже давно; я бы хотел узнать от вас, от ученых, как бы мне, прожившему нечестивую жизнь, все же в последний момент получить позволение войти в царство небесное; как бы мне, если даже я неправ, выпрять тяжбу и как бы мне остаться здоровым и долго прожить, если даже я полностью исчерпал свои телесные силы для наслаждения и даже злоупотреблял ими? Вы ведь для того и учились, чтобы знать больше, чем кто-либо из нас (которых вы называете неучами), притязающих только на здравый рассудок и ни на что больше. – Здесь, однако, получается, что народ обращается к ученому, словно к прорицателю и волшебнику, сведущему в сверхъестественных делах. Ведь неученый охотно создает себе преувеличенное представление об ученом, когда он чего-то требует от него. Поэтому естественно ожидать, что если у кого хватает наглости выдавать себя за такого чудотворца, то народ будет обращаться к нему и с презрением отвернется от философов.

Однако практические деятели трех высших факультетов оказываются такими чудотворцами всякий раз, когда философскому факультету не позволяют публично возражать им – не для подрыва их учений, а лишь для оспаривания той магической силы, которую суеверно приписывает им и связанным с ними обычаям публика, считающая, что если пассивно отдаться во власть таких искусных наставников, она избавится от необходимости самостоятельно действовать и ее с великими удобствами приведут к указанным выше целям.

Если высшие факультеты принимают такие принципы (к которым совсем не предназначены), то они находятся и

entbehren kann, wenn man nur seine Neigungen bändigen und seiner Vernunft das Regiment anvertrauen wollte, was aber als Selbstbemühung dem Volk gar nicht gelegen ist.

Die drei obern Facultäten werden nun vom Volk (das in obigen Lehren für seine Neigung zu genießen und Abneigung sich darum zu bearbeiten schlechten Ernst findet) aufgefordert, ihrerseits Propositionen zu thun, die annehmlicher sind; und da lauten die Ansprüche an die Gelehrten, wie folgt: Was ihr Philosophen da schwatzet, wußte ich längst von selbst; ich will aber von euch als Gelehrten wissen: wie, wenn ich auch *ruchlos* gelebt hätte, ich dennoch kurz vor dem Thorschlusse mir ein Einlaßbillet ins Himmelreich verschaffen, wie, wenn ich auch *Unrecht* habe, ich doch meinen Proceß gewinnen, und wie, wenn ich auch meine körperlichen Kräfte nach Herzenslust benutzt und *mißbraucht* hätte, ich doch gesund bleiben und lange leben könne. Dafür habt ihr ja studirt, daß ihr mehr wissen müßt als unser einer (von euch Idioten genannt), der auf nichts weiter als auf gesunden Verstand Anspruch macht. – Es ist aber hier, als ob das Volk zu dem Gelehrten wie zum Wahrsager und Zauberer ginge, der mit übernatürlichen Dingen Bescheid weiß; denn der Ungelehrte macht sich von einem Gelehrten, dem er etwas zumuthet, gern übergroße Begriffe. Daher ist es natürlicherweise vorauszusehen, daß, wenn sich jemand für einen solchen Wundermann auszugeben nur dreust genug ist, ihm das Volk zufallen und die Seite der philosophischen Facultät mit Verachtung verlassen werde.

Die Geschäftsleute der drei oberen Facultäten sind aber jederzeit solche Wundermänner, wenn der philosophischen nicht erlaubt wird, ihnen öffentlich entgegen zu arbeiten, nicht um ihre Lehren zu stürzen, sondern nur der magischen Kraft, die ihnen und den damit verbundenen Observanzen das Publicum abergläubisch beilegt, zu widersprechen, als wenn es bei einer passiven Übergebung an solche kunstreiche Führer alles Selbstthuns überhoben und mit großer Gemächlichkeit durch sie zu Erreichung jener angelegenen Zwecke schon werde geleitet werden.

Wenn die obern Facultäten solche Grundsätze annehmen (welches freilich ihre Bestimmung nicht ist), so sind und

всегда будут находиться в споре с низшим факультетом. Но этот спор также *незаконен*, так как они не только не видят в нарушении законов какого-либо препятствия, но считают это нарушение желанным поводом показать свое великое искусство и способность делать все хорошо, и даже лучше, чем это могло бы быть сделано без их участия.

Народ желает быть *ведомым*, т. е. (на языке демагогов) *обманутым*. Но он хочет, чтобы им руководили не ученые факультетов (ведь их мудрость для него слишком высока), а их практические деятели, знающие всю механику (*savoir faire*)¹⁹: священники, юристы, врачи; они, как практики, имеют наилучшую репутацию. А это вводит само правительство, которое может влиять на народ только через них, в *искушение* навязать факультетам теорию, не имеющую своим источником чистое разумение ученых этих факультетов, а рассчитанную на влияние, которое могут через нее иметь их практические деятели на народ, так как народ большей частью следует тому, что требует от него меньше всего усилий и применения собственного разума, и тогда долг может наилучшим образом быть приведен в согласие со склонностями. Так, в области богословия полагают, что «вера» в самом узком смысле без изучения (даже без надлежащего понимания) того, во что следует верить, сама по себе спасительна и что совершением тех или иных согласных с предписаниями обрядов можно искупить преступления; или в области права – что соблюдение буквы закона избавляет от [необходимости] исследовать замыслы законодателя.

Здесь перед нами серьезный, никогда не прекращающийся незаконный спор между высшими и низшим факультетами, так как принцип законодательства для первых, который внушают правительству, может оказаться освященным им самим беззаконием. – В самом деле, так как *склонность* и вообще то, что каждый считает полезным для своих *личных целей*, не может стать законом, следовательно, не может проповедоваться высшими факультетами как закон, то правительство,

bleiben sie ewig im Streit mit der unteren; dieser Streit aber ist auch *gesetzwidrig*, weil sie die Übertretung der Gesetze nicht allein als kein Hinderniß, sondern wohl gar als erwünschte Veranlassung ansehen, ihre große Kunst und Geschicklichkeit zu zeigen, alles wieder gut, ja noch besser zu machen, als es ohne dieselbe geschehen würde.

Das Volk will *geleitet*, d. i. (in der Sprache der Demagogen) es will *betrogen* sein. Es will aber nicht von den Facultätsgelehrten (denn deren Weisheit ist ihm zu hoch), sondern von den Geschäftsmännern derselben, die das Machwerk (*savoir faire*) verstehen, von den Geistlichen, Justizbeamten, Ärzten, geleitet sein, die als Praktiker die vortheilhafteste Vermuthung für sich haben; dadurch dann die Regierung, die nur durch sie aufs Volk wirken kann, selbst *verleitet* wird, den Facultäten eine Theorie aufzudringen, die nicht aus der reinen Einsicht der Gelehrten derselben entsprungen, sondern auf den Einfluß berechnet ist, den ihre Geschäftsmänner dadurch aufs Volk haben können, weil dieses natürlicherweise dem am meisten anhängt, wobei es am wenigsten nöthig hat, sich selbst zu bemühen und sich seiner eigenen Vernunft zu bedienen, und wo am besten die Pflichten mit den Neigungen in Verträglichkeit gebracht werden können; z. B. im theologischen Fache, das buchstäblich «Glauben», ohne zu untersuchen (selbst ohne einmal recht zu verstehen), was geglaubt werden soll, für sich heilbringend sei und daß durch Begehung gewisser vorschriftmäßigen Formalien unmittelbar Verbrechen können abgewaschen werden; oder im juristischen, daß die Befolgung des Gesetzes nach dem Buchstaben der Untersuchung des Sinnes des Gesetzgebers überhebe.

Hier ist nun ein wesentlicher, nie beizulegender gesetzwidriger Streit zwischen den obern und der untern Facultät, weil das Prinzip der Gesetzgebung für die ersteren, welches man der Regierung unterlegt, eine von ihr autorisirte Gesetzlosigkeit selbst sein würde. – Denn da *Neigung* und überhaupt das, was jemand seiner *Privatabsicht* zuträglich findet, sich schlechterdings nicht zu einem Gesetze qualificirt, mithin auch nicht als ein solches von den obern Facultäten vorgetragen werden kann, so würde eine Regierung,

которое утверждает его и тем самым вступает в противоречие с разумом, вовлекает высшие факультеты в спор с философским – спор, который вообще недопустим, так как он совершенно уничтожает философский факультет, что, правда, представляет собой кратчайший, но вместе с тем (по выражению врачей) смертельно опасный *героический* путь завершения спора.

Четвертый раздел

О правомерном споре
между высшими факультетами и низшим

Каково бы ни было содержание учений, которые правительство правомочно утверждать для публичного преподавания высшими факультетами, учения эти можно рассматривать и почитать лишь как уставы, исходящие от правительственной воли, и как человеческую мудрость, которую нельзя считать непогрешимой. Истинность этих учений ни в коей мере не должна быть безразличной правительству; в отношении ее ему необходимо оставаться в подчинении разуму (интересы которого должен оберегать философский факультет); но это возможно, только если предоставляется полная свобода публичной проверки учений. Вот почему спор между высшими факультетами и низшим, во-первых, неизбежен, ибо произвольные, пусть даже утвержденные высшей инстанцией, положения не всегда могут сами по себе быть согласованными с учениями, которые разум считает необходимыми; во-вторых, этот спор будет *законным*, и не только право, но и долг философского факультета – если и не высказывать публично *всю* истину, то хотя бы стремиться к тому, чтобы *все*, что выставляется, так сказать, в качестве принципа, было истинно.

Если источник некоторых утвержденных учений *исторический*, то как бы их ни рекомендовали как священные тем,

welche dergleichen sanctionirte, indem sie wider die Vernunft selbst verstößt, jene obere Facultäten mit der philosophischen in einen Streit versetzen, der gar nicht geduldet werden kann, indem er diese gänzlich vernichtet, welches freilich das kürzeste, aber auch (nach dem Ausdruck der Ärzte) ein in Todesgefahr bringendes *heroisches* Mittel ist, einen Streit zu Ende zu bringen.

Vierter Abschnitt

Vom gesetzmäßigen Streit
der oberen Facultäten mit der unteren

Welcherlei Inhalts auch die Lehren immer sein mögen, deren öffentlichen Vortrag die Regierung durch ihre Sanction den obern Facultäten aufzulegen befugt sein mag, so können sie doch nur als Statute, die von ihrer Willkür ausgehen, und als menschliche Weisheit, die nicht unfehlbar ist, angenommen und verehrt werden. Weil indessen die Wahrheit derselben ihr durchaus nicht gleichgültig sein darf, in Ansehung welcher sie der Vernunft (deren Interesse die philosophische Facultät zu besorgen hat) unterworfen bleiben müssen, dieses aber nur durch Verstattung völliger Freiheit einer öffentlichen Prüfung derselben möglich ist, so wird, weil willkürliche, obzwar höchsten Orts sanctionirte, Satzungen mit den durch die Vernunft als nothwendig behaupteten Lehren nicht so von selbst immer zusammenstimmen dürften, erstlich zwischen den obern Facultäten und der untern der Streit unvermeidlich, zweitens aber auch *gesetzmäßig* sein, und dieses nicht blos als Befugniß, sondern auch als Pflicht der letzteren, wenn gleich nicht die *ganze* Wahrheit öffentlich zu sagen, doch darauf bedacht zu sein, daß *alles*, was, so gesagt, als Grundsatz aufgestellt wird, wahr sei.

Wenn die Quelle gewisser sanctionirter Lehren *historisch* ist, so mögen diese auch noch so sehr als heilig

кто, не задумываясь, высказывает послушание догматам веры, философский факультет вправе, более того – обязан – проверять этот источник критически. Если источник *рациональный*, хотя он и представлен в виде некоего исторического знания (как откровение), то ему (низшему факультету) не возбраняется выискивать разумные основания законодательства в историческом исследовании и, кроме того, определять, каковы они – технически-практические или морально-практические. Если, наконец, источник провозглашающего себя законом учения не более чем *эстетический*, т.е. основанный на связанном с каким-нибудь учением чувстве (поскольку чувство не служит объективным принципом, оно значимо лишь субъективно и не может лечь в основу общего закона; оно может быть разве что благочестивым ощущением некоего сверхъестественного внушения), то философскому факультету должно быть дозволено беспристрастно проверять происхождение и содержание такого мнимого основания наставления и давать ему оценку, не страшась святости самого предмета, который будто бы чувствуют, и решительно свести это мнимое чувство к понятиям. – Изложенное ниже содержит формальные принципы ведения такого спора и вытекающие отсюда следствия.

1) Этот спор не может и не должен быть улажен посредством мирной сделки (*amicabilis composito*)²⁰, а нуждается (как процесс) в *приговоре*, т.е. в имеющем законную силу решении судьи (разума); ведь этот спор можно уладить, только если идти по нечестному пути, по пути умалчивания причин распри и по пути уговаривания, но такого рода максимы противны духу *философского факультета*, задача которого – публичное изложение истины.

2) Спор никогда не может прекратиться, и именно философский факультет должен быть всегда готов к нему. Ведь статутарные предписания правительства в отношении публично проповедуемых учений всегда будут иметь место, так как неограниченная свобода преподнесения публике своего мнения

dem unbedenklichen Gehorsam des Glaubens anempfohlen werden: die philosophische Facultät ist berechtigt, ja verbunden, diesem Ursprunge mit kritischer Bedenklichkeit nachzuspüren. Ist sie *rational*, ob sie gleich im Tone einer historischen Erkenntniß (als Offenbarung) aufgestellt worden, so kann ihr (der untern Facultät) nicht gewehrt werden, die Vernunftgründe der Gesetzgebung aus dem historischen Vortrage herauszusuchen und überdem, ob sie technisch- oder moralisch-praktisch sind, zu würdigen. Wäre endlich der Quell der sich als Gesetz ankündigenden Lehre gar nur *ästhetisch*, d.i. auf ein mit einer Lehre verbundenes Gefühl gegründet (welches, da es kein objectives Princip abgiebt, nur als subjectiv gültig, ein allgemeines Gesetz daraus zu machen untauglich, etwa frommes Gefühl eines übernatürlichen Einflusses sein würde), so muß es der philosophischen Facultät frei stehen, den Ursprung und Gehalt eines solchen angeblichen Belehrungsgrundes mit kalter Vernunft öffentlich zu prüfen und zu würdigen, ungeschreckt durch die Heiligkeit des Gegenstandes, den man zu fühlen vorgiebt, und entschlossen dieses vermeinte Gefühl auf Begriffe zu bringen. – Folgendes enthält die formale Grundsätze der Führung eines solchen Streits und die sich daraus ergebende Folgen.

1) Dieser Streit kann und soll nicht durch friedliche Übereinkunft (*amicabilis composito*) beigelegt werden, sondern bedarf (als Proceß) einer *Sentenz*, d.i. des rechtskräftigen Spruchs eines Richters (der Vernunft); denn es könnte nur durch Unlauterkeit, Verheimlichung der Ursachen des Zwistes und Beredung geschehen, daß er beigelegt würde, dergleichen *Maxime* aber dem Geiste einer *philosophischen Facultät*, als der auf öffentliche Darstellung der Wahrheit geht, ganz zuwider ist.

2) Er kann nie aufhören, und die philosophische Facultät ist diejenige, die dazu jederzeit gerüstet sein muß. Denn statuarische Vorschriften der Regierung in Ansehung der öffentlich vorzutragenden Lehren werden immer sein müssen, weil die unbeschränkte Freiheit, alle seine Meinungen ins *Publicum* zu schreien,

неизбежно становится опасной отчасти для правительства, отчасти же для самой публики. А так как все постановления правительства исходят от людей или, по крайней мере, утверждаются ими, то всегда есть опасность, что они могут быть ошибочными или нецелесообразными. Стало быть, это касается и санкции правительства, которую оно дает высшим факультетам. Следовательно, философский факультет не может складывать оружия ввиду опасности, грозящей истине, защита которой возложена на него, потому что высшие факультеты никогда не умерят свое страстное желание господствовать.

3) Этот спор не может нанести ущерб престижу правительства. Ведь это не спор факультетов с правительством, а спор факультетов между собой, и правительство может спокойно наблюдать за ним, хотя оно и берет под свою защиту некоторые положения высших факультетов, предписывая практикам их публичное изложение, однако оно берет под свою защиту высшие факультеты не как ученые сообщества, [т. е.] не ради истинности публично излагаемых ими учений, мнений или утверждений, а только ради собственной выгоды, ибо было бы несовместимо с его достоинством решать вопрос об истинности внутреннего содержания этих факультетов и тем самым играть роль ученого. – Высшие факультеты, собственно говоря, ответственны перед правительством только за те инструкции и наставления, которые они дают своим *практическим деятелям* для публичного сообщения; эти последние выступают перед публикой как перед *гражданским* обществом, и поэтому они зависят от санкции правительства, поскольку могут нанести ущерб влиянию правительства на эту публику. Учения же и мнения, относительно которых факультеты в качестве теоретиков должны договариваться между собой, обращены к публике другого рода, а именно к *ученой* публике, занимающейся науками; народ скромно полагает, что он в этих науках ничего не смыслит, правительство же считает неприличным для себя ввязываться в ученые

theils der Regierung, theils aber auch diesem Publicum selbst gefährlich werden müßte. Alle Satzungen der Regierung aber, weil sie von Menschen ausgehen, wenigstens von diesen sanctionirt werden, bleiben jederzeit der Gefahr des Irrthums oder der Zweckwidrigkeit unterworfen; mithin sind sie es auch in Ansehung der Sanction der Regierung, womit diese die obere Facultäten versieht. Folglich kann die philosophische Facultät ihre Rüstung gegen die Gefahr, womit die Wahrheit, deren Schutz ihr aufgetragen ist, bedroht wird, nie ablegen, weil die obere Facultäten ihre Begierde zu herrschen nie ablegen werden.

3) Dieser Streit kann dem Ansehen der Regierung nie Abbruch thun. Denn er ist nicht ein Streit der Facultäten mit der Regierung, sondern einer Facultät mit der andern, dem die Regierung ruhig zusehen kann; weil, ob sie zwar gewisse Sätze der obern in ihren besonderen Schutz genommen hat, so fern sie solche der letzteren ihren Geschäftsleuten zum öffentlichen Vortrage vorschreibt, so hat sie doch nicht die Facultäten, als gelehrten Gesellschaften, wegen der Wahrheit dieser ihrer öffentlich vorzutragenden Lehren, Meinungen und Behauptungen, sondern nur wegen ihres (der Regierung) eigenen Vortheils in Schutz genommen, weil es ihrer Würde nicht gemäß sein würde, über den innern Wahrheitsgehalt derselben zu entscheiden und so selbst den Gelehrten zu spielen. – Die obere Facultäten sind nämlich der Regierung für nichts weiter verantwortlich als für die Instruction und Belehrung, die sie ihren *Geschäftsleuten* zum öffentlichen Vortrage geben; denn die laufen ins Publicum als *bürgerliches* gemeines Wesen und sind daher, weil sie dem Einfluß der Regierung auf dieses Abbruch thun könnten, dieser ihrer Sanction unterworfen. Dagegen gehen die Lehren und Meinungen, welche die Facultäten unter dem Namen der Theoretiker unter einander abzumachen haben, in eine andere Art von Publicum, nämlich in das eines *gelehrten* gemeinen Wesens, welches sich mit Wissenschaften beschäftigt; wovon das Volk sich selbst bescheidet, daß es nichts davon versteht, die Regierung aber mit gelehrten Händeln sich zu befassen für sich nicht

споры^{*}. Класс высших факультетов (как правое крыло парламента ученых) защищает правительственные установления, но в то же время при свободном государственном устройстве, каковым ему и следует быть, когда дело идет об истине, должна существовать некая оппозиционная партия (левое крыло) – место философского факультета, ибо без его строгой проверки и возражений у правительства не будет достаточно ясного понятия о том, что ему самому полезно или вредно. – Однако если практические деятели факультетов вздумают по собственному усмотрению вносить изменения в предписания, данные им для публичного изложения, то правительство вправе считать их опасными для себя *неологами*, но решение о них оно должно принимать не непосредственное, а через всеподданнейший арбитраж, созданный высшим факультетом, так как эти практические деятели могли быть назначены

---

^{*} Если же спор ведется перед гражданским обществом (открыто, например с кафедры), как пытаются поступать представители факультетов (под именем практиков), то он неправомочно выносится на суд народа (которому не дано судить об ученых делах) и перестает быть ученым спором; в этом случае наступает упомянутое выше состояние спора, когда учения излагаются соответственно склонностям народа и зароняются семена возмущения и крамолы, представляющие опасность для правительства. Эти самозванные народные трибуны тем самым исключают себя из сословия ученых, нарушают права гражданского устройства (вторгаются в политику) и образуют породу *неологов*, справедливо ненавистное имя которых часто понимается совершенно неверно, когда неологом называют каждого обновителя учений или систем обучения (и действительно, почему старое всегда должно считаться лучшим?). Наоборот, этим именем следует заклеить тех, кто вводит совершенно другую форму правления или, вернее, отсутствие всякого правления (анархию), причем они отдают дела ученых на суд народа, суждениями которого они управляют по своему усмотрению, влияя на его привычки, чувства и склонности, и тем самым могут лишить законное правительство влияния на народ.

anständig findet^{*}. Die Classe der obern Facultäten (als die rechte Seite des Parlaments der Gelahrtheit) vertheidigt die Statute der Regierung, indessen daß es in einer so freien Verfassung, als die sein muß, wo es um Wahrheit zu thun ist, auch eine Oppositionspartei (die linke Seite) geben muß, welche die Bank der philosophischen Facultät ist, weil ohne deren strenge Prüfung und Einwürfe die Regierung von dem, was ihr selbst ersprißlich oder nachtheilig sein dürfte, nicht hinreichend belehrt werden würde. – Wenn aber die Geschäftsleute der Facultäten in Ansehung der für den öffentlichen Vortrag gegebenen Verordnung für ihren Kopf Änderungen machen wollten, so kann die Aufsicht der Regierung diese als *Neuerer*, welche ihr gefährlich werden könnten, in Anspruch nehmen und doch gleichwohl über sie nicht unmittelbar, sondern nur nach dem von der obern Facultät eingezogenen allerunterthänigsten Gutachten absprechen, weil diese Geschäftsleute

---

^{*} Dagegen, wenn der Streit vor dem bürgerlichen gemeinen Wesen (öffentlich, z. B. auf Kanzeln) geführt würde, wie es die Geschäftsleute (unter dem Namen der Praktiker) gern versuchen, so wird er unbefugterweise vor den Richterstuhl des Volks (dem in Sachen der Gelehrsamkeit gar kein Urtheil zusteht) gezogen und hört auf, ein gelehrter Streit zu sein; da dann jener Zustand des gesetzwidrigen Streits, wovon oben Erwähnung geschehen, eintritt, wo Lehren den Neigungen des Volks angemessen vorgetragen werden und der Same des Aufruhrs und der Factionen ausgestreut, die Regierung aber dadurch in Gefahr gebracht wird. Diese eigenmächtig sich selbst dazu aufwerfende Volkstribunen treten so fern aus dem Gelehrtenstande, greifen in die Rechte der bürgerlichen Verfassung (Welthändel) ein und sind eigentlich die *Neologen*, deren mit Recht verhaßter Name aber sehr mißverstanden wird, wenn er jede Urheber einer Neuigkeit in Lehren und Lehrformen trifft (Denn warum sollte das Alte eben immer das Bessere sein?) Dagegen jejenige eigentlich damit gebrandmarkt zu werden verdienen, welche eine ganz andere Regierungsform oder vielmehr eine Regierungslosigkeit (Anarchie) einführen, indem sie das, was eine Sache der Gelehrsamkeit ist, der Stimme des Volks zur Entscheidung übergeben, dessen Urtheil sie durch Einfluß auf seine Gewohnheiten, Gefühle und concors ist also kein Krieg, d. i. keine Zwietracht aus der Entgegensetzung der Endabsichten in Ansehung des gelehrten Mein und Dein, Neigungen nach Belieben lenken und so einer gesetzmäßigen Regierung den Einfluß abgwinen können.

правительством для изложения тех или иных учений только через факультет.

4) Этот спор вполне совместим с согласием между ученым и гражданским обществом, будучи в максимах, следование которым должно способствовать постоянному совершенствованию обоих факультетских классов, и в конечном итоге подготавливает отмену всяких ограничений свободы общественного мнения со стороны правительственной воли.

Так могло бы наступить время, когда последние стали бы первыми (низший факультет высшим), правда, не в смысле господства, а в смысле способности советовать властям (правительству); в этом случае свобода философского факультета и вытекающая отсюда свобода воззрений будут лучшим средством для достижения целей правительства, чем его собственный абсолютный авторитет.

Результат

Итак, этот антагонизм, т. е. спор двух связанных друг с другом общностью конечной цели сторон (*concordia discors, discordia concors*)²¹, не есть война, т. е. не распри, возникающие из противопоставления конечных целей *Моего* и *Твоего* ученых, которое, как и политическое *Мое* и *Твое*, состоит из свободы и собственности, где свобода как условие необходимо должна предшествовать собственности. Следовательно, низшему факультету должно быть предоставлено такое же, как и высшим, право высказывать свои критические суждения перед ученой публикой.

nur durch die Facultät von der Regierung zu dem Vortrage gewisser Lehren haben angewiesen werden können.

4) Dieser Streit kann sehr wohl mit der Eintracht des gelehrten und bürgerlichen gemeinen Wesens in Maximen zusammen bestehen, deren Befolgung einen beständigen Fortschritt beider Classen von Facultäten zu größerer Vollkommenheit bewirken muß und endlich zur Entlassung von allen Einschränkungen die Freiheit des öffentlichen Urtheils durch die Willkür der Regierung vorbereitet.

Auf diese Weise könnte es wohl dereinst dahin kommen, daß die Letzten die Ersten (die untere Facultät die obere) würden, zwar nicht in der Machthabung, aber doch in Berathung des Machthabenden (der Regierung), als welche in der Freiheit der philosophischen Facultät und der ihr daraus erwachsenden Einsicht besser als in ihrer eigenen absoluten Autorität Mittel zu Erreichung ihrer Zwecke antreffen würde.

Resultat

Dieser Antagonism, d. i. Streit zweier mit einander zu einem gemeinschaftlichen Endzweck vereinigten Parteien, (*concordia discors, discordia concors*) ist also kein Krieg, d. i. keine Zwietracht aus der Entgegensetzung der Endabsichten in Ansehung des gelehrten *Mein* und *Dein*, welches so wie das politische aus *Freiheit* und *Eigenthum* besteht, wo jene als Bedingung nothwendig vor diesem vorhergehen muß; folglich den oberen Facultäten kein Recht verstatet werden kann, ohne daß es der unteren zugleich erlaubt bleibe, ihre Bedenklichkeit über dasselbe an das gelehrte Publicum zu bringen.

II

**Поясняющее приложение
к спору факультетов на примере такового
между теологическим и философским**

I

Предмет спора

Основывающийся на Библии богослов есть, собственно, *знаток Священного Писания для церковной веры*, покоящейся на уставах, т. е. на законах, исходящих от воли другого. Рациональный же богослов есть *знаток разума для религиозной веры*, следовательно, для веры, покоящейся на внутренних законах, которые могут быть развиты из собственного разума каждого человека. Что это так, т. е. что религия не может основываться на установлениях (какого бы высокого происхождения они ни были), явствует из самого понятия религии. Религия – это не совокупность определенных учений как божественных откровений (такая совокупность называется богословием), а совокупность всех наших обязанностей вообще как *велений Божьих* (и субъективно – совокупность максим соблюдения их как таковых). Религия²² ничем не отличается от морали по своему содержанию, т. е. объекту, ибо она касается долга вообще; ее отличие от морали лишь формальное, т. е. религия есть законодательство разума, призванное придать морали влияние на человеческую волю для исполнения человеком его долга при помощи созданной самим разумом идеи Бога. Но именно поэтому есть только одна религия; нет различных религий, есть лишь различные виды веры в божественное откровение и установленные ими учения, которые не могут возникать на основе разума, т. е. существуют различные формы чувственного способа представления о божественной воле для обеспечения ее влияния на умы людей; среди всех этих форм христианство, насколько нам известно, наиболее подходящая.

II

**Anhang
einer Erläuterung des Streits der Facultäten
durch das Beispiel desjenigen zwischen
der theologischen und philosophischen**

I

Materie des Streits

Der biblische Theolog ist eigentlich der *Schriftgelehrte* für den *Kirchenglauben*, der auf Statuten, d. i. auf Gesetzen beruht, die aus der Willkür eines andern ausfließen; dagegen ist der rationale der *Vernunftgelehrte* für den *Religionsglauben*, folglich denjenigen, der auf innern Gesetzen beruht, die sich aus jedes Menschen eigener Vernunft entwickeln lassen. Daß dieses so sei, d. i. daß die Religion nie auf Satzungen (so hohen Ursprungs sie immer sein mögen) gegründet werden könne, erhellt selbst aus dem Begriffe der Religion. Nicht der Inbegriff gewisser Lehren als göttlicher Offenbarungen (denn der heißt Theologie), sondern der aller unserer Pflichten überhaupt als göttlicher *Gebote* (und subjectiv der Maxime sie als solche zu befolgen) ist Religion. Religion unterscheidet sich nicht der Materie, d. i. dem Object, nach in irgend einem Stücke von der Moral, denn sie geht auf Pflichten überhaupt, sondern ihr Unterschied von dieser ist bloß formal, d. i. eine Gesetzgebung der Vernunft, um der Moral durch die aus dieser selbst erzeugte Idee von Gott auf den menschlichen Willen zu Erfüllung aller seiner Pflichten Einfluß zu geben. Darum ist sie aber auch nur eine einzige, und es giebt nicht nur verschiedene Religionen, aber wohl verschiedene Glaubensarten an göttliche Offenbarung und deren statuarische Lehren, die nicht aus der Vernunft entspringen können, d. i. verschiedene Formen der sinnlichen Vorstellungsart des göttlichen Willens, um ihm Einfluß auf die Gemüther zu verschaffen, unter denen das Christenthum, so viel wir wissen, die schicklichste Form ist.

Христианство содержится в Библии и состоит из двух частей: одна – канон, другая – органон, или средство религии; первую можно назвать чистой *религиозной верой* (без уставов, основанной только на разуме), а вторую – *церковной верой*, покоящейся всецело на уставах, нуждающихся в откровении для того, чтобы считаться священным учением и предписаниями для жизни. – Но так как долг человека – пользоваться этим направляющим средством для указанной цели, если мы можем признать его божественным откровением, то отсюда ясно, почему, когда говорят о религиозной вере, обычно подразумевают вместе с ней и опирающуюся на Священное Писание церковную веру.

Основывающийся на Библии богослов говорит²³: ищите в Писании, в котором вы полагаете найти вечную жизнь. Но вечную жизнь ни один человек не найдет ни в каком писании, разве что он привнесет ее туда сам, так как условие ее только одно – моральное совершенствование, которое человек как бы вкладывает в Писание, ибо необходимым для этого понятиям и принципам нельзя, собственно, научиться у других, они, когда этого требует изложение, должны быть развиты из собственного разума преподавателя. Писание же содержит больше того, что само по себе нужно для вечной жизни, а именно то, что принадлежит исторической вере, и хотя с точки зрения религиозной веры может быть полезным только как чувственное средство (для того или иного лица, для той или другой эпохи), но не принадлежит ей необходимо. И вот основывающийся на Библии богословский факультет настаивает на этом как на божественном откровении так, как если бы историческая вера принадлежала религии. Философский же факультет выступает против такого допускаемого богословским факультетом смещения и выявляет то, что историческая вера содержит истинного о подлинной религии.

К этому средству (т. е. к тому, что присовокупляется к религиозной вере) относится также *метод обучения*, который нужно рассматривать как [ничто] предоставленное самим апостолам,

Dies findet sich nun in der Bibel aus zwei ungleichartigen Stücken zusammengesetzt, dem einen, welches den Kanon, dem andern, was das Organon oder Vehikel der Religion enthält, wovon der erste der reine *Religionsglaube* (ohne Statuten auf bloßer Vernunft gegründet), der andere der *Kirchenglaube*, der ganz auf Statuten beruht, genannt werden kann, die einer Offenbarung bedurften, wenn sie für heilige Lehre und Lebensvorschriften gelten sollten. – Da aber auch dieses Leitzeug zu jenem Zweck zu gebrauchen Pflicht ist, wenn es für göttliche Offenbarung angenommen werden darf, so läßt sich daraus erklären, warum der sich auf Schrift gründende Kirchenglaube bei Nennung des Religionsglaubens gemeinlich mit verstanden wird.

Der biblische Theolog sagt: suchet in der Schrift, wo ihr meint das ewige Leben zu finden. Dieses aber, weil die Bedingung desselben keine andere als die moralische Besserung des Menschen ist, kann kein Mensch in irgend einer Schrift finden, als wenn er sie hineinlegt, weil die dazu erforderlichen Begriffe und Grundsätze eigentlich nicht von irgend einem andern gelernt, sondern nur bei Veranlassung eines Vortrages aus der eigenen Vernunft des Lehrers entwickelt werden müssen. Die Schrift aber enthält noch mehr, als was an sich selbst zum ewigen Leben erforderlich ist, was nämlich zum Geschichtsglauben gehört und in Ansehung des Religionsglaubens als bloßes sinnliches Vehikel zwar (für diese oder jene Person, für dieses oder jenes Zeitalter) zuträglich sein kann, aber nicht nothwendig dazu gehört. Die biblisch-theologische Facultät dringt nun darauf als göttliche Offenbarung in gleichem Maße, als wenn der Glaube desselben zur Religion gehörte. Die philosophische aber widerstreitet jener in Ansehung dieser Vermengung und dessen, was jene über die eigentliche Religion Wahres in sich enthält.

Zu diesem Vehikel (d. i. dem, was über die Religionslehre noch hinzukommt) gehört auch noch die *Lehrmethode*, die man als den Aposteln selbst überlassen

а не как божественное откровение, и можно считать значимым для образа мыслей тогдашних времен (*κατ' ἀνθρώπων*)²⁴, а не как учения сами по себе (*κατ' ἀληθειαν*)²⁵, а именно: или негативно, только как допущение некоторых господствовавших тогда, самих по себе ошибочных, мнений, дабы не идти против господствующего, но по существу не оспаривающего религию тогдашнего заблуждения (например, против заблуждения одержимых)²⁶, или положительно, дабы использовать предпочтение, оказанное народом своей старой церковной вере, с которой следует покончить, для того чтобы ввести новую (например, истолкование истории Ветхого Завета как прообраза того, что произошло в Новом Завете, и если эту историю в виде иудаизма ошибочно включают в вероучение как его часть, то она может вызвать у нас сожаление: *nunc istae reliquiae nos exercent. Cicero*²⁷).

По этой причине библейская ученость сталкивается с некоторыми затруднениями в искусстве толкования, и по вопросу о нем и его принципе высший факультет (основывающийся на Библии богослов) должен вступить в спор с низшим, причем первый, как заботящийся преимущественно о теоретическом библейском знании, подозревает низший факультет в том, что он своей философией отвергает все учения, которые следует считать подлинными учениями откровения и потому принять их буквально, и что он ложно приписывает им какой угодно смысл. Наоборот, низший факультет, как обращающий больше внимания на практическое, т. е. больше на религию, чем на церковную веру, обвиняет богословский факультет в том, что он таким образом совершенно упускает из виду конечную цель, которая, как внутренняя религия, должна быть моральной и покоиться на разуме. Вот почему разум, имеющий своей целью истину, стало быть философия, притязает в случае спора на преимущественное право определять смысл тех или иных мест Писания. Ниже мы излагаем философские принципы толкования Священного Писания; но мы вовсе не считаем, что толкование должно быть

und nicht als göttliche Offenbarung betrachten darf, sondern beziehungsweise auf die Denkungsart der damaligen Zeiten (*κατ' ἀνθρώπων*) und nicht als Lehrstücke an sich selbst (*κατ' ἀληθειαν*) geltend annehmen kann, und zwar entweder negativ als bloße Zulassung gewisser damals herrschender, an sich irriger Meinungen, um nicht gegen einen herrschenden, doch im wesentlichen gegen die Religion nicht streitenden damaligen Wahn zu verstoßen (z. B. das von den Besessenen), oder auch positiv, um sich der Vorliebe eines Volks für ihren alten Kirchenglauben, der jetzt ein Ende haben sollte, zu bedienen, um den neuen zu introduciren. (Z. B. die Deutung der Geschichte des alten Bundes als Vorbilder von dem, was in neuen geschah, welche als Judaism, wenn sie irrigerweise in die Glaubenslehre als ein Stück derselben aufgenommen wird, uns wohl den Seufzer ablocken kann: *nunc istae reliquiae nos exercent. Cicero.*)

Um deswillen ist eine Schriftgelehrsamkeit des Christenthums manchen Schwierigkeiten der Auslegungskunst unterworfen, über die und deren Princip die obere Facultät (der biblische Theolog) mit der unteren in Streit gerathen muß, indem die erstere als für die theoretische biblische Erkenntniß vorzüglich besorgt die letztere in Verdacht zieht, alle Lehren, die als eigentliche Offenbarungslehren und also buchstäblich angenommen werden müßten, wegzuphilosophiren und ihnen einen beliebigen Sinn unterzuschieben, diese aber als mehr aufs Praktische, d. i. mehr auf Religion als auf Kirchenglauben, sehend umgekehrt jene beschuldigt durch solche Mittel den Endzweck, der als innere Religion moralisch sein muß und auf der Vernunft beruht, ganz aus den Augen zu bringen. Daher die letztere, welche die Wahrheit zum Zweck hat, mithin die Philosophie im Falle des Streits über den Sinn einer Schriftstelle sich das Vorrecht anmaßt, ihn zu bestimmen. Folgendes sind die philosophischen Grundsätze der Schriftauslegung, wodurch nicht verstanden werden will, daß die Auslegung

философским (имеющим целью расширение философии); мы имеем в виду, что так должны быть сформулированы лишь *принципы* толкования, так как все принципы, касаются ли они историко-критического или грамматически-критического толкования, также должны всегда диктоваться разумом, а здесь в особенности, поскольку речь идет о том, что можно найти в Писании для *религии* (которая может быть только предметом разума).

II

Философские основоположения толкования Писания с целью улаживания спора

I. Места в Писании, содержащие *теоретические*, объявленные священными учения, которые *выше* всех (даже моральных) понятий разума, *могут*, а те места в Писании, которые содержат положения, противоречащие практическому разуму, *должны* быть истолкованы в пользу разума. – Приведем несколько примеров.

а) Из учения о Святой Троице, если принимать его буквально, решительно *ничего* нельзя вывести для сферы *практического*, даже когда полагают, что понимают его, а еще менее – когда убеждены, что оно выше всех наших понятий. – Ученик с одинаковой легкостью поверит на слово в то, что мы должны почитать в Боге три лица или десять лиц, потому что у него вообще нет никакого понятия о Боге во многих лицах (ипостасях), а еще больше потому, что он из этой многоликости не может извлечь какие-либо правила для своего поведения. Другое дело, когда догматам придают моральный смысл (как я попытался сделать в своем сочинении «*Религия в пределах только разума*»); в этом случае они содержат не бесполезную, а относящуюся к нашему моральному назначению понятную веру. Именно так обстоит дело с учением о вочеловечении Божества. Действительно, если этого Богочеловека представляют не как от века заложенную в Боге идею человечества во всем угодном Богу

philosophisch (zur Erweiterung der Philosophie abzielt), sondern daß bloß die *Grundsätze* der Auslegung so beschaffen sein müssen: weil alle Grundsätze, sie mögen nun eine historisch- oder grammatisch-kritische Auslegung betreffen, jederzeit, hier aber besonders, weil, was aus Schriftstellen für die *Religion* (die bloß ein Gegenstand der Vernunft sein kann) auszumitteln sei, auch von der Vernunft dictirt werden müssen.

II

Philosophische Grundsätze der Schriftauslegung zu Beilegung des Streits

I. Schriftstellen, welche gewisse *theoretische*, für heilig angekündigte, aber allen (selbst den moralischen) Vernunftbegriff *übersteigende* Lehren enthalten, *dürfen*, diejenige aber, welche der praktischen Vernunft widersprechende Sätze enthalten, *müssen* zum Vortheil der letzteren ausgelegt werden. – Folgendes enthält hiezu einige Beispiele.

а) Aus der Dreieinigkeitslehre, nach dem Buchstaben genommen, läßt sich schlechterdings *nichts fürs Praktische machen*, wenn man sie gleich zu verstehen glaubte, noch weniger aber wenn man inne wird, daß sie gar alle unsere Begriffe übersteigt. – Ob wir in der Gottheit drei oder zehn Personen zu verehren haben, wird der Lehrling mit gleicher Leichtigkeit aufs Wort annehmen, weil er von einem Gott in mehreren Personen (Hypostasen) gar keinen Begriff hat, noch mehr aber, weil er aus dieser Verschiedenheit für seinen Lebenswandel gar keine verschiedene Regeln ziehen kann. Dagegen wenn man in Glaubenssätzen einen moralischen Sinn hereinträgt (wie ich es: *Religion innerhalb den Grenzen etc.* versucht habe), er nicht einen folgeleeren, sondern auf unsere moralische Bestimmung bezogenen verständlichen Glauben enthalten würde. Eben so ist es mit der Lehre der Menschwerdung einer Person der Gottheit bewandt. Denn wenn dieser Gottmensch nicht als die in Gott von Ewigkeit her liegende Idee der Menschheit in ihrer ganzen ihm wohlgefälligen

моральном совершенстве* (см. там же, с. 73, сноска)¹, а как «воплощенное» в реальном человеке Божество, действующее в нем как вторая природа, то из такой тайны мы не извлечем для себя ничего практического, так как мы не можем требовать от себя, чтобы мы действовали подобно Богу, следовательно, в этом смысле он не может стать для нас примером; кроме того, возникло бы затруднение: почему, если такое совмещение возможно, Божество не наделило им всех людей, и тогда они все без исключения стали бы ему угодными. – То же можно сказать про повествование о воскресении Христа и его вознесении.

С практической точки зрения нам совершенно безразлично, будет ли в загробном мире только наша душа, или для установления подлинности нашей личности на том свете потребуется та же материя, из которой состояло наше тело здесь, на Земле; следовательно, душа не есть особая субстанция и само наше тело должно быть воскрешено; а кому свое тело столь мило, чтобы тащить его с собой в мир вечности, если можно от него избавиться? Стало быть, вывод апостола: «Если Христос не воскрес

---

* Фанатизм жившего в XVI в. в Венеции *Постеля*²⁸ в этом пункте есть фанатизм именно такого весьма оригинального рода и служит хорошим примером того, в какие заблуждения можно впасть, и притом неистовствовать с помощью *разума*, когда наглядное объяснение какой-либо чистой идеи разума превращают в представление о предмете чувств. В самом деле, если под такой идеей подразумевают не отвлеченное понятие человечества, а человека, то этот человек должен принадлежать к какому-то полу. Если этот Богом порожденный мужского пола (сын) и если он обладал людской слабостью и взял на себя грехи людей, то ведь слабости и грехи противоположного пола специфически отличаются от слабостей и грехов мужского пола, и не без основания хочется допустить, что мужской пол должен возыметь свою особую заместительницу (нечто вроде божественной сестры) как примирительницу. И Постель полагал, что он нашел такую божественную дочь в лице одной скромной венецианской девицы.

¹ I. Kant, AA, Bd. VI, S. 73f.

moralischen Vollkommenheit* (ebendasselbst S. 73 f.)¹, sondern als die in einem wirklichen Menschen «leibhaftig wohnende» und als zweite Natur in ihm wirkende Gottheit vorgestellt wird: so ist aus diesem Geheimnisse gar nichts Praktisches für uns zu machen, weil wir doch von uns nicht verlangen können, daß wir es einem Gotte gleich thun sollen, er also in so fern kein Beispiel für uns werden kann, ohne noch die Schwierigkeit in Anregung zu bringen, warum, wenn solche Vereinigung einmal möglich ist, die Gottheit nicht alle Menschen derselben hat theilhaftig werden lassen, welche alsdann unausbleiblich ihm alle wohlgefällig geworden wären. – Ein Ähnliches kann von der Auferstehungs- und Himmelfahrtsgeschichte eben desselben gesagt werden.

Ob wir künftig blos der Seele nach leben, oder ob dieselbe Materie, daraus unser Körper hier Bestand, zur Identität unserer Person in der andern Welt erforderlich, die Seele also keine besondere Substanz sei, unser Körper selbst müsse auferweckt werden, das kann uns in praktischer Absicht ganz gleichgültig sein; denn wem ist wohl sein Körper so lieb, daß er ihn gern in Ewigkeit mit sich schleppen möchte, wenn er seiner entübrigt sein kann? Des Apostels Schluß also: «Ist Christus nicht auferstanden

---

* Die Schwärmerci des *Postellus* in Venedig über diesen Punkt im 16ten Jahrhundert ist von so originaler Art und dient so gut zum Beispiel, in welche Verirrungen, und zwar mit *Vernunft* zu rasen, man gerathen kann, wenn man die Versinnlichung einer reinen Vernunftidee in die Vorstellung eines Gegenstandes der Sinne verwandelt. Denn wenn unter jener Idee nicht das Abstractum der Menschheit, sondern ein Mensch verstanden wird, so muß dieser von irgend einem Geschlecht sein. Ist dieser von Gott Gezeugte männlichen Geschlechts (ein Sohn), hat die Schwachheit der Menschen getragen und ihre Schuld auf sich genommen so sind die Schwachheiten sowohl als die Übertretungen des anderen Geschlechts doch von denen des männlichen specifisch unterschieden, und man wird nicht ohne Grund versucht anzunehmen, daß dieses auch seine besondere Stellvertreterin (gleichsam eine göttliche Tochter) als Versöhnerin werde bekommen haben; und diese glaubte Postell in der Person einer frommen Jungfrau in Venedig gefunden zu haben.

¹ I. Kant, AA, Bd. VI, S. 73f.

(не ожил телесно), то и мы никогда не воскреснем (не будем жить после смерти)» – неубедителен. Но пусть он будет неубедительным (нельзя ведь в основу аргументации положить внушение), этим он хотел только сказать, что у нас есть основание верить в то, что Христос еще жив и что наша вера была бы ложной, если бы такой совершенный человек не остался жить после (телесной) смерти. Эта вера, внушенная ему (как всем людям) разумом, побудила его к исторической вере в общее дело, которое он искренне принял за истинное и в котором он нуждался для доказательства моральной веры в загробную жизнь, не понимая, что он вряд ли поверил бы в эту легенду без моральной веры. При этом моральная цель была достигнута, хотя способ представления нес на себе отпечаток школьных понятий, в которых он воспитывался. – Впрочем, против этого имеются серьезные возражения: таинство причастия (печальной беседы) в память о Христе похоже на прощание навсегда (а не только в надежде на скорое свидание). Мольба на кресте выражает неудавшееся намерение (Христа привести евреев к истинной религии еще при его жизни), в то время как следовало бы ожидать радости по поводу исполненного желания. – Наконец, слова учеников Христа в Евангелии от Луки: «Мы думали, он спасет Израиль»²⁹, – не дают нам основания заключить, что они были подготовлены к ожидавшемуся через три дня возвращению Христа, и еще меньше основания заключить, что они что-нибудь слышали о его воскресении. – Но почему мы должны историческую легенду постоянно ставить на место религии (среди второстепенных вещей) и таким образом впутываться в такое множество ученых исследований и споров, когда речь идет о религии, для которой в практическом отношении вполне достаточно веры, внушаемой нам разумом.

б) При истолковании тех мест Писания, в которых форма выражения противоречит нашему разумному понятию о природе и воле Бога, библейские теологи уже давно взяли за правило: то, что выражено человеческим способом (*ανθρωποπαθως*)³⁰, должно быть истолковано в богодостойном смысле (*θεοπρεπως*)³¹; на основе этого они совершенно

(dem Körper nach lebendig geworden), so werden wir auch nicht auferstehen (nach dem Tode gar nicht mehr leben)» ist nicht bündig. Er mag es aber auch nicht sein (denn dem Argumentiren wird man doch nicht auch eine Inspiration zum Grunde legen), so hat er doch hiemit nur sagen wollen, daß wir Ursache haben zu glauben, Christus lebe noch, und unser Glaube sei eitel, wenn selbst ein so vollkommner Mensch nicht nach dem (leiblichen) Tode leben sollte, welcher Glaube, den ihm (wie allen Menschen) die Vernunft eingab, ihn zum historischen Glauben an eine öffentliche Sache bewog, die er treuherzig für wahr annahm und sie zum Beweisgrunde eines moralischen Glaubens des künftigen Lebens brauchte, ohne inne zu werden, daß er selbst dieser sage ohne den letzteren schwerlich würde Glauben beigemessen haben. Die moralische Absicht wurde hiebei erreicht, wenn gleich die Vorstellungsart das Merkmal der Schulbegriffe an sich trug, in denen er war erzogen worden. – Übrigens stehen jener Sache wichtige Einwürfe entgegen: die Einsetzung des Abendmahls (einer traurigen Unterhaltung) zum andenknen an ihn sieht einem förmlichen Abschied (nicht blos aufs baldige Wiedersehen) ähnlich. Die klagende Worte am Kreuz drücken eine fehlgeschlagene Absicht aus (die Juden noch bei seinem Leben zur wahren Religion zu bringen), da doch eher das Frohsein über eine vollzogene Absicht hätte erwartet werden sollen. Endlich der Ausdruck der Jünger bei dem Lucas: «Wir dachten, er solle Israel erlösen» läßt auch nicht abnehmen, daß sie auf ein in drei Tagen erwartetes Wiedersehen vorbereitet waren, noch weniger, daß ihnen von seiner Auferstehung etwas zu Ohren gekommen sei. – Aber warum sollten wir wegen einer Geschichtserzählung, die wir immer an ihren Ort (unter die *Adiaphora*) gestellt sein lassen sollen, uns in so viel gelehrte Untersuchungen und Streitigkeiten verflechten, wenn es um Religion zu thun ist, welcher der Glaube in praktischer Beziehung, den die Vernunft uns einflößt, schon für sich hinreichend ist.

б) In der Auslegung der Schriftstellen, in welchen der Ausdruck unserm Vernunftbegriff von der göttlichen Natur und seinem Willen widerstreitet, haben biblische Theologen sich längst zur Regel gemacht, daß, was menschlicherweise (*ανθρωποπαθως*) ausgedrückt ist, nach einem gottwürdigen Sinne (*θεοπρεπως*) müsse ausgelegt werden; wodurch sie dann ganz

явно отрицают, что в делах религии разум – высший толкователь Писания. – Но мысль о том, что даже тогда, когда автор Священного Писания мог придать своим словам только такой смысл, который противоречит нашему разуму, разум все же считает себя вправе толковать места Писания сообразно со своими принципами, а не буквально, если он не желает обвинить автора Писания в ошибках – эта мысль кажется противоречащей высшим правилам толкования, и тем не менее с ней всегда были согласны самые прославленные богословы. Так было с учением св. Павла об избрании к спасению, из которого явствует, что, по его личному мнению, должно было существовать предопределение в самом строгом смысле слова, которое поэтому и было принято одной из крупных протестантских церквей в свое вероучение, но впоследствии большей частью ее адептов было оставлено или в меру своих сил истолковано иначе, так как разум считает предопределение несовместимым с учением о свободе, об ответственности за поступки и, следовательно, несовместимым со всей моралью³². – Даже там, где вера в Священное Писание некоторыми своими учениями приходила в противоречие не с нравственными принципами, а только с максимами разума при объяснении физических явлений, некоторые библейские исторические легенды, например легенда об одержимых (демонических людях), хотя они были изложены в Священном Писании в той же исторической манере, что и вся священная история, и почти нет сомнения, что авторы принимали их за буквальную истину, – эти легенды были истолкованы комментаторами Писания с почти полным единодушием, так что это толкование удовлетворяло и разум (чтобы не давать свободного доступа [в религию] предрассудкам и обману), но при этом не оспаривалось у авторов Писания такое правомочие.

II. Вера в библейские учения, которые должны быть даны в откровении, чтобы их можно было познать, сама по себе не *заслуга*; а отсутствие веры, даже противостоящее ей сомнение само по себе не есть *вина*; важнее всего в религии *поведение*, и в основе всех библейских верований должна лежать эта конечная цель, стало быть, также некий соответствующий этой цели смысл.

deutlich das Bekenntniß ablegten, die Vernunft sei in Religionssachen die oberste Auslegerin der Schrift. – Daß aber selbst, wenn man dem heil. Schriftsteller keinen andern Sinn, den er wirklich mit seinen Ausdrücken verband, unterlegen kann, als einen solchen, der mit unserer Vernunft gar in Widerspruche steht, die Vernunft sich doch berechtigt fühle, seine Schriftstelle so auszulegen, wie sie es ihren Grundsätzen gemäß findet und nicht dem Buchstaben nach auslegen solle, wenn sie jenen nicht gar eines Irrthums beschuldigen will, das scheint ganz und gar wider die oberste Regeln der Interpretation zu verstoßen, und gleichwohl ist es noch immer mit Beifall von den belobtesten Gottesgelehrten geschehen. – So ist es mit St. Paulus/6 Lehre von der Gnadenwahl gegangen, aus welcher aufs deutlichste erhellt, daß seine Privatmeinung die Prädestination im strengsten Sinne des Worts gewesen sein muß, welche darum auch von einer großen protestantischen Kirche in ihren Glauben aufgenommen worden, in der Folge aber von einem großen Theil derselben wieder verlassen, oder, so gut wie man konnte, anders gedeutet worden ist, weil die Vernunft sie mit der Lehre von der Freiheit, der Zurechnung der Handlungen und so mit der ganzen Moral unvereinbar findet. – Auch wo der Schriftglaube in keinen Verstoß gewisser Lehren wider sittliche Grundsätze, sondern nur wider die Vernunftmaxime in Beurteilung physischer Erscheinungen geräth, haben Schriftausleger mit fast allgemeinem Beifall manche biblische Geschichtserzählungen, z. B. von den Besessenen (dämonischen Leuten), ob sie zwar in demselben historischen Tone wie die übrige heil. Geschichte in der Schrift vorgetragen worden und fast nicht zu zweifeln ist, daß ihre Schriftsteller sie buchstäblich für wahr gehalten haben, doch so ausgelegt, daß die Vernunft dabei bestehen könnte (um nicht allem Aberglauben und Betrug frein eingang zu verschaffen), ohne daß man ihnen diese Befugniß bestritten hat.

II. Der Glaube an Schriftlehren, die eigentlich haben offenbart werden müssen, wenn sie haben gekannt werden sollen, hat an sich kein *Verdienst*, und der Mangel desselben, ja sogar der ihm entgegenstehende Zweifel ist an sich keine *Verschuldung*, sondern alles kommt in der Religion aufs *Thun* an, und diese Endabsicht, mithin auch ein dieser gemäßiger Sinn muß allen biblischen Glaubenslehren untergelegt werden.

Под догматами подразумевают не то, во что следует верить (ибо вера не допускает никаких императивов), а то, что возможно и целесообразно принять в практическом (моральном) отношении, хотя оно и недоказуемо, в него можно только верить. Если я принимаю веру в качестве принципа безотносительно к морали, только в значении теоретического признания истинности, например в значении того, что исторически опирается на свидетельства других, или же поскольку я некоторые данные явления могу объяснить не иначе как на основании тех или иных предпосылок, – то такая вера вовсе не часть религии, ибо она не делает человека лучше и не доказывает [возможность] этого. Если такая вера притворна, навязана душе страхом и надеждой, то она противна искренности, стало быть, и религии. – Если, следовательно, некоторые места из Библии звучат так, как если бы они веру в то или иное основанное на откровении учение не только рассматривали как заслугу, но и возвышали над морально добрыми делами, то они должны быть истолкованы так, как если бы под ними подразумевалась моральная вера, очищающая и возвышающая душу посредством разума; при этом даже можно предположить, что такому толкованию противоречит буквальный смысл, например: кто верит и крещен, обретет блаженство и т. п. Таким образом, моральную, благонамеренную душу не может тревожить сомнение в упомянутых выше статутарных догматах и их подлинности. – Эти же положения можно рассматривать как существенные требования к способу *изложения* той или иной *церковной веры*, которую, однако, поскольку она есть лишь средство религиозной веры, стало быть, сама по себе подвержена изменению и должна сохранить способность к постоянному очищению вплоть до совпадения с религиозной верой, не следует превращать в символ веры, хотя и в церкви она не должна публично подвергаться нападкам и попирается, потому что она находится под охраной правительства, заботящегося об общественном согласии и мире; между тем дело наставника – предостерегать от того,

Unter Glaubenssätzen versteht man nicht, was geglaubt werden soll (denn das Glauben verstatet keinen Imperativ), sondern das, was in praktischer (moralischer) Absicht anzunehmen möglich und zweckmäßig, obgleich nicht eben erweislich ist, mithin nur geglaubt werden kann. Nehme ich das Glauben ohne diese moralische Rücksicht bloß in der Bedeutung eines theoretischen Fürwahrhaltens, z. B. dessen, was ich auf dem Zeugniß anderer geschickmäßig gründet, oder auch, weil ich mir gewisse gegebene Erscheinungen nicht anders als unter dieser oder jener Voraussetzung erklären kann, zu einem Princip an, so ist ein solcher Glaube, weil er weder einen besseren Menschen macht noch einen solchen beweiset, gar kein Stück der Religion; ward er aber nur als durch Furcht und Hoffnung aufgedrungen in der Seele erkünstelt, so ist er der Aufrichtigkeit, mithin auch der Religion zuwider. – Lauten also Spruchstellen so, als ob sie das Glauben einer Offenbarungslehre nicht allein als an sich verdienstlich ansähen, sondern wohl gar über moralisch-gute Werke erhöhen, so müssen sie so ausgelegt werden, als ob nur der moralische, die Seele durch Vernunft bessernde und erhebende Glaube dadurch gemeint sei; gesetzt auch, der buchstäbliche Sinn, z. B. wer da glaubet und getauft wird, wird selig etc., lautete dieser Auslegung zuwider. Der Zweifel über jene statutarische Dogmen und ihre Authenticität kann also eine moralische, wohlgesinnte Seele nicht beunruhigen. – Eben dieselben Sätze können gleichwohl als wesentliche Erfordernisse zum *Vortrag* eines gewissen *Kirchenglaubens* angesehen werden, der aber, weil er nur Vehikel des Religionsglaubens, mithin an sich veränderlich ist und einer allmählichen Reinigung bis zur Congruenz mit dem letzteren fähig bleiben muß, nicht zum Glaubensartikel selbst gemacht, obzwar doch auch in Kirchen nicht öffentlich angegriffen oder auch mit trockenem Fuß übergangen werden darf, weil er unter der Gewahrsame der Regierung steht, die für öffentliche Eintracht und Frieden Sorge trägt, indessen daß es des Lehrers Sache ist davor zu warnen,

чтобы церковной вере приписывалась самостоятельная святость, и призывать к тому, чтобы без промедления перейти к введённой таким образом религиозной вере.

III. Поступки человека следует представлять как вытекающие из применения самим человеком своих моральных сил, а не как результат влияния некоей внешней высшей действующей причины, по отношению к которой человек пассивен. Истолкование тех мест Священного Писания, которые как будто указывают буквально на положение о пассивности, должно быть намеренно направлено на согласие с первым принципом.

Если под природой понимают господствующий в человеке принцип содействия своему *счастью*, а под милостью Божией – заложенные в нас непостижимые моральные задатки, т. е. принцип *чистой нравственности*, то природа и милость не только различны, но часто находятся в противоречии друг с другом. Если же под природой (в практическом значении) понимают способность достигать определенных целей собственными силами, то милость есть не что иное, как природа человека, поскольку он определен к поступкам своим собственным внутренним, но сверхчувственным принципом (представлением о своем долге), который мы, стремясь его объяснить, но не зная основания его, представляем как вызванное в нас божеством побуждение к добру, задатки которого заложены в нас не нами, стало быть, представляем этот принцип как милость. – Грех (злонамеренность в человеческой природе) сделал необходимым уголовные законы (словно для рабов), милость же (т. е. надежда на развитие доброго, которую животворит вера в изначальные задатки доброго в нас и пример, подаваемый Сыном Божиим богоугодному человечеству) может и должна стать еще могущественнее в нас (как свободных), если мы только позволяем ей действовать в нас, т. е. пробудить в нас убеждение в возможности образа жизни, сходного с упомянутым святым примером. – Итак, те места Писания, которые как будто содержат [призыв к] пассивной покорности внешней силе, порождающей

ihm nicht eine für sich bestehende Heiligkeit beizulegen, sondern ohne Verzug zu dem dadurch eingeleiteten Religionsglauben überzugehen.

III. Das Thun muß als aus des Menschen eigenem Gebrauch seiner moralischen Kräfte entspringend und nicht als Wirkung vom Einfluß einer äußeren höheren wirkenden Ursache, in Ansehung deren der Mensch sich leidend verhielte, vorgestellt werden; die Auslegung der Schriftstellen welche buchstäblich das letztere zu enthalten scheinen, muß also auf die Übereinstimmung mit dem ersteren Grundsatz absichtlich gerichtet werden.

Wenn unter Natur das im Menschen herrschende Princip der Beförderung seiner *Glückseligkeit*, unter Gnade aber die in uns liegende unbegreifliche moralische Anlage, d. i. das Princip der *reinen Sittlichkeit*, verstanden wird, so sind Natur und Gnade nicht allein von einander unterschieden, sondern auch oft gegen einander in Widerstreit. Wird aber unter Natur (in praktischer Bedeutung) das Vermögen aus eigenen Kräften überhaupt gewisse Zwecke auszurichten verstanden, so ist Gnade nichts anders als Natur des Menschen, so fern er durch sein eigenes inneres, aber übersinnliches Princip (die Vorstellung seiner Pflicht) zu Handlungen bestimmt wird, welches, weil wir uns es erklären wollen, gleichwohl aber weiter keinen Grund davon wissen, von uns als von der Gottheit in uns gewirkter Antrieb zum Guten, dazu wir die Anlage in uns nicht selbst gegründet haben, mithin als Gnade vorgestellt wird. – Die Sünde nämlich (die Bösigkeit in der menschlichen Natur) hat das Strafgesetz (gleich als für Knechte) nothwendig gemacht, Die Gnade aber (d. i. die durch den Glauben an die ursprüngliche Anlage zum Guten in uns und die durch das Beispiel der Gott wohlgefälligen Menschheit an dem Sohne Gottes lebendig werdende Hoffnung der Entwicklung dieses Guten) kann und soll in uns (als Freien) noch mächtiger werden, wenn wir sie nur in uns wirken, d. h. die Gesinnungen eines jenem heil. Beispiel ähnlichen Lebenswandels thätig werden lassen. – Die Schriftstellen also, die eine bloß passive Ergebung an eine äußere in uns Heiligkeit wirkende Macht zu enthalten scheinen,

в нас святость, должны быть истолкованы так, чтобы стало ясно, что мы *сами* должны *трудиться* над развитием моральных задатков в нас, хотя эти задатки свидетельствуют о божественности происхождения, которое выше всякого разума (при теоретическом исследовании причины), и поэтому обладание ими есть не заслуга, а Божья милость.

IV. Там, где собственных поступков недостаточно для оправдания человека перед своей (строго судящей) совестью, разум вправе допустить некое сверхъестественное дополнение к недостаточной справедливости человека (и не имея права определять, в чем состоит это дополнение).

Такое право разума само по себе ясно; ведь тем, чем человек должен быть по своему назначению (а именно – сообразным священному закону), он и должен быть в состоянии стать, а если это невозможно естественным образом, собственными силами, то он может надеяться, что это произойдет при внешнем божественном содействии (каким бы образом это содействие ни совершалось). – Можно еще добавить, что вера в это дополнение душеспасительна, ибо только благодаря ей он может обрести мужество и твердые убеждения для богоугодного образа жизни (как единственного условия надежды на блаженство), дабы он не отчаялся в достижении своей конечной цели (стать угодным Богу). – Но нет никакой необходимости знать и точно указать, *в чем* заключается средство этой замены (оно в конце концов за пределами и при всем том, что сам Бог мог бы сообщить нам о нем, непостижимо для нас); более того, притязать на такое знание было бы дерзостью. – Итак, те места Священного Писания, которые, кажется, содержат такое специфическое откровение, должны быть истолкованы так, чтобы они касались лишь средства моральной веры для народа на основе вероучений, которые были до сих пор у народа, и не относились к религиозной вере (для всех людей), стало быть, относились лишь к церковной вере (например, для принявших христианство евреев), нуждающейся в исторических доказательствах, которые не каждый человек способен представить. В отличие от нее религия (как

müssen so ausgelegt werden, daß daraus erhelle, wir müssen an der Entwicklung jener moralischen Anlage in uns *selbst arbeiten*, ob sie zwar selber eine Göttlichkeit eines Ursprungs beweiset, der höher ist als alle Vernunft (in der theoretischen Nachforschung der Ursache), und daher, sie besitzen, nicht Verdienst, sondern Gnade ist.

IV. Wo das eigene Thun zur Rechtfertigung des Menschen vor seinem eigenen (streng richtenden) Gewissen nicht zuläng, da ist die Vernunft befugt allenfalls eine übernatürliche Ergänzung seiner mangelhaften Gerechtigkeit (auch ohne daß sie bestimmen darf, worin sie bestehe) gläubig anzunehmen.

Diese Befugniß ist für sich selbst klar; denn was der Mensch nach seiner Bestimmung sein soll (nämlich dem heil. Gesetz angemessen), das muß er auch werden können, und ist es nicht durch eigene Kräfte natürlicherweise möglich, so darf er hoffen, daß es durch äußere göttliche Mitwirkung (auf welche Art es auch sei) geschehen werde. – Man kann noch hinzusetzen, daß der Glaube an diese Ergänzung seligmachend sei, weil er dadurch allein zum gottwohlgefälligen Lebenswandel (als der einzigen Bindung der Hoffnung der Seligkeit) Muth und feste Gesinnung fassen kann, daß er am Gelingen seiner Endabsicht (Gott wohlgefällig zu werden) nicht verzweifelt. – Daß er aber wissen und bestimmt müss angeben können, *worin* das Mittel dieses Ersatzes (welches am Ende doch überschwenglich und bei allem, was uns Gott darüber selbst sagen möchte, für uns unbegreiflich ist) bestehe, das ist eben nicht nothwendig, ja, auf diese Kenntniß auch nur Anspruch zu machen, Vermessenheit. – Die Schriftstellen also, die eine solche spezifische Offenbarung zu enthalten scheinen, müssen so ausgelegt werden, daß sie nur das Vehikel jenes moralischen Glaubens für ein Volk nach dessen bisher bei ihm im Schwang gewesenem Glaubenslehren betreffen und nicht Religionsglauben (für alle Menschen), mithin blos den Kirchenglauben (z. B. für Judenchristen) angehen, welcher historischer Beweise bedarf, deren nicht jeder-mann theilhaftig werden kann; statt dessen Religion (als

основанная на понятиях морали) должна быть сама по себе совершенной и свободной от всякого сомнения.

* * *

Но я слышу, как основывающиеся на Библии богословы единодушно выступают даже против идеи философского толкования Писания. Она, говорят эти богословы, имеет целью, во-первых, некую натуралистическую религию, а не христианство. *Ответ:* христианство есть идея религии, которая вообще основана на разуме и в этом смысле должна быть естественной. Христианство располагает, однако, неким средством введения ее в народ с помощью Библии, происхождение которой считают сверхъестественным и которая (каково бы ни было ее происхождение), поскольку она содействует общему распространению и внутреннему оживлению моральных предписаний разума, может рассматриваться как средство религии и как таковое может быть принята за сверхъестественное откровение. *Натуралистической* же можно назвать религию, только если она делает своим принципом отрицание такого откровения. Следовательно, христианство – не натуралистическая религия, хотя и естественная, так как оно не отрицает, что Библия может быть сверхъестественным средством введения в народ религии и установления церкви, открыто ее проповедующей и исповедующей; оно лишь не принимает во внимание этого происхождения, когда речь идет об учении религии.

III

Возражения, касающиеся принципов толкования Священного Писания, и ответ на них

Против этих правил толкования я слышу возражения: *во-первых*, все эти правила не что иное, как суждения философского факультета, который таким образом позволяет себе вмешиваться в дела основывающихся на Библии богословов. –

auf moralische Begriffe gegründet) für sich vollständig und zweifelsfrei sein muß.

* * *

Aber selbst wider die Idee einer philosophischen Schriftauslegung ich die vereinigten Stimme der biblischen Theologen sich erheben: sie hat, sagt man, erstlich eine naturalistische Religion und nicht Christenthum zur Absicht. *Antwort:* das Christenthum ist die Idee von der Religion, die überhaupt auf Vernunft gegründet und so fern natürlich sein muß. Es enthält aber ein Mittel der Einführung derselben unter Menschen die Bibel, deren Ursprung für übernatürlich gehalten wird, die (ihr Ursprung mag sein, welcher er wolle), so fern sie den moralischen Vorschriften der Vernunft in Ansehung ihrer öffentlichen Ausbreitung und inniglicher Belebung beförderlich ist, als Vehikel zur Religion gezählt werden kann und als ein solches auch für übernatürliche Offenbarung angenommen werden mag. Nun kann man eine Religion nur *naturalistisch* nennen, wenn sie es zum Grundsatz macht, keine solche Offenbarung einzuräumen. Also ist des Christenthum darum nicht eine naturalistische Religion, obgleich es bloß eine natürliche ist, weil es nicht in Abrede ist, daß die Bibel nicht ein übernatürliches Mittel der Introduction der letzteren und der Stiftung einer so öffentlich lehrenden und bekennenden Kirche sein möge, sondern nur auf diesen Ursprung, wenn es auf Religionslehre ankommt, nicht Rücksicht nimmt.

III

Einwürfe und Beantwortung derselben, die Grundsätze der Schriftauslegung betreffend

Wider diese Auslegungsregeln höre ich ausrufen: erstlich: das sind ja insgesamt Urtheile der philosophischen Facultät, welche sich also in das Geschäft des biblischen Theologen Eingriffe erlaubt.

Ответ: для церковной веры требуется лишь историческая ученость, для религиозной же веры – только разум. Рассматривать первую как средство второй есть, конечно, требование разума, но где же такое требование более правомерно, чем там, где что-то имеет значение лишь в качестве средства для другого как конечной цели (какова религия), и существует ли вообще более высокий, чем разум, принцип решения, когда спор идет об истине? Богословскому факультету не наносится никакого ущерба, если философский факультет пользуется его уставами для подтверждения своего учения, согласуя это учение с учением богословского факультета. Скорее, следовало бы полагать, что это делает честь богословскому факультету. Если же между обоими факультетами обязательно должен возникнуть спор относительно толкования Священного Писания, то я знаю только одну полюбовную сделку: *если основывающийся на Библии богослов перестанет пользоваться разумом для своих целей, то философский богослов также перестанет пользоваться для подтверждения своих положений Библией.* Но я очень сомневаюсь, чтобы основывающийся на Библии богослов согласился на такую сделку. – *Во-вторых:* философские толкования – аллегорически-мистические, стало быть, ни библейские, ни философские. *Ответ:* как раз наоборот, а именно: принимаемая покров религии за самое религию, основывающийся на Библии богослов должен считать весь Ветхий Завет сплошной *аллегорией* ([собранием] примет и символических представлений) предстоящего состояния религии, если он не желает признать, что Ветхий Завет тогда уже был истинной религией (которая ведь не может быть более истинной, чем истинная) и тем самым стал бы излишним Новый Завет. Что касается обвинения в мистике при толковании на основе разума, когда философия в тех или иных местах Священного Писания усматривает моральный смысл и даже навязывает его тексту Библии, то это как раз единственное средство удержаться от мистики (например, от мистики *Сведенборга*)³³. В самом деле, фантазия в делах религии неизбежно переходит в запредельное,

– *Antwort:* zum Kirchenglauben wird historische Gelehrsamkeit, zum Religionsglauben bloß Vernunft erfordert. Jenen als Vehikel des letzteren auszulegen ist freilich eine Forderung der Vernunft, aber wo ist eine solche rechtmäßiger, als wo etwas nur als Mittel zu etwas Anderem als Endzweck (dergleichen die Religion ist) einen Werth hat, und giebt es überall wohl ein höheres Princip der Entscheidung, wenn über Wahrheit gestritten wird, als die Vernunft? Es thut auch der theologischen Facultät keinesweges Abbruch, wenn die philosophische sich der Statuten derselben bedient, ihre eigene Lehre durch Einstimmung mit derselben zu bestärken; man sollte vielmehr denken, daß jener dadurch eine Ehre widerfahre. Soll aber doch, was die Schriftauslegung betrifft, durchaus Streit zwischen beiden sein, so weiß ich keinen andern Vergleich als diesen: *wenn der biblische Theolog aufhören wird sich der Vernunft zu seinem Behuf zu bedienen, so wird der philosophische auch aufhören zu Bestätigung seiner Sätze die Bibel zu gebrauchen.* Ich zweifle aber sehr, daß der erstere sich auf diesen Vertrag einlassen dürfte. – *Zweitens:* jene Auslegungen sind allegorisch-mystisch, mithin weder biblisch noch philosophisch. *Antwort:* Es ist gerade das Gegentheil, nämlich daß, wenn der biblische Theolog die Hülle der Religion für die Religion selbst nimmt, er z. B. das ganze alte Testament für eine fortgehende *Allegorie* (von Vorbildern und symbolischen Vorstellungen) des noch kommenden Religionszustandes erklären muß, wenn er nicht annehmen will, das wäre damals schon wahre Religion gewesen (die doch nicht noch wahrer als wahr sein kann), wodurch dann das neue entbehrlich gemacht würde. Was aber die vorgebliche Mystik der Vernunftauslegungen betrifft, wenn die Philosophie in Schriftstellen einen moralischen Sinn aufgespäht, ja gar ihn dem Texte aufdringt, so ist diese gerade das einzige Mittel, die Mystik (z. B. eines *Swedenborgs*) abzuhalten. Denn die Phantasie verläuft sich bei Religionsdingen unvermeidlich ins Überschwengliche,

если она не связывает сверхъестественное (что должно мыслиться во всем, что называется религией) с определенными понятиями разума, каковы моральные понятия, и ведет к иллюминатизму³⁴ внутренних откровений, причем каждый в таком случае имеет свои собственные откровения, и тем самым утрачивается общий критерий истины.

Но существуют еще возражения, которые разум выдвигает против самого себя при толковании им Библии. Эти возражения мы вкратце укажем по порядку приведенных выше правил толкования и попытаемся их опровергнуть: а) *Возражение*: как откровение Библия должна быть истолкована на собственной основе, а не на основе разума, так как сам источник познания находится не в разуме, а где-то в другом месте. *Ответ*: именно потому, что Библия считается божественным откровением, она должна быть истолкована не только теоретически, в соответствии с принципами исторических учений (согласоваться с самой собой), но и практически, в соответствии с понятиями разума. Ведь на основании признаков, которые дает нам опыт, нельзя определить, что откровение божественно. Для него характерно (по крайней мере как *conditio sine qua non*)³⁵ постоянное соответствие тому, что разум считает приличествующим Богу. б) *Возражение*: всему практическому всегда должна предшествовать некая теория, и так как такие теории в качестве учений об откровении могли бы содержать цели божественной воли, которых мы не в состоянии достигнуть, но содействовать которым – наш долг, то вера в такие теоретические положения содержит в себе, как кажется, некоторую обязательность, стало быть, сомневаться в них – грех. *Ответ*: это можно допустить, если речь идет о церковной вере, при которой принимается в соображение только практика установленных [церковью] обычаев, и тем, кто принадлежит к той или иной церкви, чтобы признать их истинными, достаточно того, что учение не невозможно. Для религиозной же веры требуется *убеждение* в истинности, которая, однако, не может быть засвидетельствована уставами (как будто они – божественные предписания);

wenn sie das Übersinnliche (was in allem, was Religion heißt, gedacht werden muß) nicht an bestimmte Begriffe der Vernunft, dergleichen die moralische sind, knüpft, und führt zu einem Illuminatism innerer Offenbarungen, deren ein jeder alsdann seine eigene hat und kein öffentlicher Probirstein der Wahrheit mehr Statt findet.

Es giebt aber noch Einwürfe, die die Vernunft ihr selbst gegen die Vernunftauslegung der Bibel macht, die wir nach der Reihe oben angeführter Auslegungsregeln kürzlich bemerken und zu heben suchen wollen. а) *Einwurf*: Als Offenbarung muß die Bibel aus sich selbst und nicht durch die Vernunft gedeutet werden; denn der Erkenntnißquell selbst liegt anderswo als in der Vernunft. *Antwort*: Eben darum, weil jenes Buch als göttliche Offenbarung angenommen wird, muß sie nicht bloß nach Grundsätzen der Geschichtslehren (mit sich selbst zusammen zu stimmen) theoretisch, sondern nach Vernunftbegriffen praktisch ausgelegt werden; denn daß eine Offenbarung göttlich sei, kann nie durch Kennzeichen, welche die Erfahrung an die Hand giebt, eingesehen werden. Ihr Charakter (wenigstens als *conditio sine qua non*) ist immer die Übereinstimmung mit dem, was die Vernunft für Gott anständig erklärt. – б) *Einwurf*: Vor allem Praktischen muß doch immer eine Theorie vorhergehen, und da diese als Offenbarungslehre vielleicht Absichten des Willens Gottes, die wir nicht durchdringen können, für uns aber verbindend sein dürften, sie zu befördern, enthalten könnten, so scheint das Glauben an dergleichen theoretische Sätze für sich selbst eine Verbindlichkeit, mithin das Bezweifeln derselben eine Schuld zu enthalten. *Antwort*: Man kann dieses einräumen, wenn vom Kirchenglauben die Rede ist, bei dem es auf keine andere Praxis als die der angeordneten Gebräuche angesehen ist, wo die, so sich zu einer Kirche bekennen, zum Fürwahrnehmen nichts mehr, als daß die Lehre nicht unmöglich sei, bedürfen; dagegen zum Religionsglauben *Überzeugung* von der Wahrheit erforderlich ist, welche aber durch Statute (daß sie göttliche Sprüche sind)

ведь то, что они таковы, всегда должна доказать история, которая не вправе выдавать *самое себя* за божественное откровение. Вот почему при религиозной вере, целиком обращенной на моральность образа жизни и на поведение, признание истинности исторических, хотя и библейских, учений само по себе не имеет никакой моральной ценности и имеет второстепенное значение. с) *Возражение*: как можно возвать к духовно умершему «Встань и иди!»³⁶, если этот призыв не сопровождается сверхъестественной силой, дающей ему жизнь? *Ответ*: это призыв собственного разума человека, поскольку разум заключает в себе сверхчувственный принцип моральной жизни. Хотя этот принцип не может, по всей вероятности, немедленно пробудить человека к жизни так, чтобы он мог самостоятельно встать на ноги, но может внушить ему стремление к добродетельному образу жизни (как человеку, у которого силы дремлют, но еще не угасли), и это уже некоторая деятельность, не нуждающаяся ни в каком внешнем влиянии; если она будет продолжена, она может привести к предусмотренному изменению в поведении. d) *Возражение*: вера в некоторое неведомое нам восполнение недостатка в нашей собственной справедливости, следовательно, как благодеяние со стороны другого, есть напрасно принятое основание (*petitio principii*)³⁷ для удовлетворения ощущаемой нами потребности. Ведь то, чего мы ждем от милости Вышестоящего, не дает основания признать как само собой разумеющееся, что это нам обязательно достанется, разве только нам это действительно обещано, и то лишь после принятия данного нам определенного обещания как по настоящему договору. Следовательно, мы можем предполагать такое дополнение и надеяться на него, только если оно действительно обещано через божественное откровение, но нельзя рассчитывать на счастливый случай. *Ответ*: непосредственное божественное откровение в утешительном изречении: «Твои грехи отпущены» – было бы сверхчувственным опытом, а он невозможен. Но в таком опыте и нет надобности, если дело касается того, что (как религия) покоится на

nicht beurkundigt werden kann, weil, daß sie es sind, nur immer wiederum durch Geschichte bewiesen werden müßte, die *sich selbst* für göttliche Offenbarung auszugeben nicht befugt ist. Daher bei diesem, der gänzlich auf Moralität des Lebenswandels, aufs Thun, gerichtet ist, das Fürwahrhalten historischer, obschon biblischer Lehren an sich keinen moralischen Werth oder Unwerth hat und unter die *Adiaphora* gehört. – c) *Einwurf*: Wie kann man einem Geistlichtodten das «Stehe auf und wandle!» zurufen, wenn diesen Zuruf nicht zugleich eine übernatürliche Macht begleitet, die Leben in ihn hineinbringt? *Antwort*: Der Zuruf geschieht an den Menschen durch seine eigene Vernunft, sofern sie das übersinnliche Princip des moralischen Lebens in sich selbst hat. Durch dieses kann der Mensch zwar vielleicht nicht sofort zum Leben und um von selbst aufzustehen, aber doch sich zu regen und zur Bestrebung eines guten Lebenswandels erweckt werden (wie einer, bei dem die Kräfte nur schlafen, aber darum nicht erloschen sind), und das ist schon ein Thun, welches keines äußeren Einflusses bedarf und, fortgesetzt, den beabsichtigten Wandel bewirken kann. – d) *Einwurf*: Der Glaube an eine uns unbekanntere Ergänzungsart des Mangels unserer eigenen Gerechtigkeit, mithin als Wohltat eines Anderen ist eine umsonst angenommene Ursache (*petitio principii*) zu Befriedigung des von uns gefühlten Bedürfnisses. Denn was wir von der Gnade eines Oberen erwarten, davon können wir nicht, als ob es sich von selbst verstände annehmen, daß es uns zu Theil werden müsse, sondern nur, wenn es uns wirklich versprochen worden, und daher nur durch Acceptation eines uns geschehenen bestimmten Versprechens, wie durch einen förmlichen Vertrag. Also können wir, wie es scheint, jene Ergänzung nur, sofern sie durch göttliche Offenbarung wirklich zugesagt worden, und nicht auf gut Glück hin hoffen und voraussetzen. *Antwort*: eine unmittelbare göttliche Offenbarung in dem tröstenden Ausspruch: «Dir sind deine Sünden vergeben.» wäre eine übersinnliche Erfahrung, welche unmöglich ist. Aber diese ist auch in Ansehung dessen, was (wie die Religion) auf

рациональных основаниях морали и потому a priori, по крайней мере в практическом отношении, несомненно. Иначе и нельзя мыслить установления некоего святого и милостивого законодателя, касающиеся слабых существ, которые, однако, по присущей им способности стремятся исполнить все то, что они считают долгом. И даже основанная на разуме вера и упование на такое дополнение, причем необязательно, чтобы к этому было добавлено эмпирически данное обещание, больше доказывают истинно моральный образ мыслей и тем самым восприимчивость к ожидаемой милости, чем эмпирическая вера.

* * *

Все толкования Священного Писания, *поскольку они касаются религии*, должны быть даны именно таким образом на основании принципа нравственности, содержащейся в откровении как цель, и без него они будут или практически пустыми, или даже препятствиями на пути добра. – И только основываясь на этом принципе, они по-настоящему *аутентичны*, т. е. сам Бог в нас есть истолкователь, так как мы понимаем только того, кто разговаривает с нами через наш рассудок и наш разум; следовательно, божественность полученного нами учения может быть познана только через понятия *нашего* разума, поскольку они чисто моральны и потому верны.

Общее замечание О религиозных сектах

В том, что заслуживает называться собственно религией, не может существовать сект (ибо религия едина, всеобща и необходима, следовательно, неизменна), однако они (секты) возможны, если речь заходит о церковной вере, покоится ли она только на Библии или на традиции, так как вера в то, что всего лишь сопутствует религии, воспринимается как ее составная часть.

moralischen Vernunftgründen beruht und dadurch a priori, wenigstens in praktischer Absicht, gewiß ist, nicht nöthig. Von einem heiligen und gütigen Gesetzgeber kann man sich die Decrete in Ansehung gebrechlicher, aber Alles, was sie für Pflicht erkennen, nach ihrem ganzen Vermögen zu befolgen strebender Geschöpfe nicht anders denken, und selbst der Vernunftglaube und das Vertrauen auf eine solche Ergänzung, ohne daß eine bestimmte empirisch erteilte Zusage dazu kommen darf, beweiset mehr die ächte moralische Gesinnung und hiemit die Empfänglichkeit für jene gehoffte Gnadenebeugung, als es ein empirischer Glaube thun kann.

* * *

Auf solche Weise müssen alle Schriftauslegungen, *so fern sie die Religion betreffen*, nach dem Prinzip der in der Offenbarung abgezwekten Sittlichkeit gemacht werden und sind ohne das entweder praktisch leer oder gar Hindernisse des Guten. – Auch sind sie alsdann nur eigentlich *authentisch*, d. i. der Gott in uns ist selbst der Ausleger, weil wir niemand verstehen als den, der durch unsern eigenen Verstand und unsere eigene Vernunft mit uns redet, die Göttlichkeit einer an uns ergangenen Lehre also durch nichts, als durch Begriffe *unserer* Vernunft, so fern sie rein-moralisch und hiemit untrüglich sind, erkannt werden kann.

Allgemeine Anmerkung Von Religionssecten

In dem, was eigentlich Religion genannt zu werden verdient, kann es keine Sectenverschiedenheit geben (denn sie ist einig, allgemein und nothwendig, mithin unveränderlich), wohl aber in dem, was den Kirchenglauben betrifft, er mag nun bloß auf die Bibel, oder auch auf Tradition gegründet sein: so fern der Glaube an das, was bloß Vehikel der Religion ist, für Artikel derselben gehalten wird.

Одно только перечисление сект *христианства*, если под последним понимать *веру в приход Мессии*, было бы геркулесовой и в то же время неблагодарной работой, ибо первое есть всего лишь секта второго*, так что оно противопоставляется *иудаизму* в узком значении (во время его безраздельного господства над народом), в котором вопрос стоит так: «Ты ли это, который должен прийти? Или мы должны ожидать другого?» Так его первоначально понимали и римляне. Но в этом случае христианство являлось бы некоей основанной на уставе и Писании народной верой, о которой невозможно было бы знать, имеет ли она силу для всех людей или является верой в откровение, на чем затем и должно было бы остановиться, или не следует ли ожидать в будущем других божественных законов, более приближающих к поставленной цели.

Для того чтобы получить определенную схему классификации вероучения по сектам, мы не можем опираться на эмпирические данные, а должны начать с различий, которые мыслятся разумом а priori с тем, чтобы найти в ряду различий способов мышления в делах веры ту ступень, на которой это различие помогло бы обосновать само различие сект.

В делах веры принцип классификации согласно *принятой* точке зрения есть либо *религия*, либо *предрассудок*, либо *язычество* (они находятся в отношениях противоположности, как А и не-А). Тот, кто исповедует первое, называется *верующим*,

* Особенности употребления (или злоупотребления) немецкого языка объясняется то, что сторонники нашей религии называют себя *христосами*, как будто существует не один, а несколько Христов и каждый верующий является Христом. Им следует называть себя *христианами*. Но это название тотчас может быть воспринято как сектантское людьми, за которыми (как это имеет место у Пeregринуса Протэуса³⁸) закрепилась дурная слава, что не имеет места по отношению к Христу. Один рецензент ученого журнала, издаваемого в г. Галле, потребовал, чтобы имя Иеговы произносилось как *Йахво*, но подобное изменение было бы именем всего лишь национального божества, а не мирового творца.

Es wäre Herculische und dabei undankbare Arbeit, nur bloß die Secten des *Christenthums*, wenn man unter ihm den *messianischen* Glauben versteht, alle aufzuzählen; denn da ist jenes bloß eine Secte* des letztern, so daß es dem *Judenthum* in engerer Bedeutung (in dem letzten Zeitpunkt seiner ungetheilten Herrschaft über das Volk) entgegengesetzt wird, wo die Frage ist: «Bist du es, der da kommen soll, oder sollen wir eines Anderen warten?», wofür es auch anfänglich die Römer nahmen. In dieser Bedeutung aber würde das Christenthum ein gewisser auf Satzungen und Schrift gegründeter Volksglaube sein, von dem man nicht wissen könnte, ob er gerade für alle Menschen gültig oder der letzte Offenbarungsglaube sein dürfte, bei dem es forthin bleiben müßte, oder ob nicht künftig andere göttliche Statuten, die dem Zweck noch näher träten, zu erwarten wären.

Um also ein bestimmtes Schema der Eintheilung einer Glaubenslehre in Secten zu haben, können wir nicht von empirischen Datis, sondern wir müssen von Verschiedenheiten anfangen, die sich a priori durch die Vernunft denken lassen, um in der Stufenreihe der Unterschiede der Denkungsart in Glaubenssachen die Stufe auszumachen, in der die Verschiedenheit zuerst einen Sectenunterschied begründen würde.

In Glaubenssachen ist das Princip der Eintheilung nach der *angenommenen* Denkungsart entweder *Religion* oder *Heidenthum* (die einander wie A und non A entgegen sind). Die Bekenner der ersten werden gewöhnlich *Gläubige*,

* Es ist eine Sonderbarkeit des deutschen Sprachgebrauchs (oder Mißbrauchs), daß sich die Anhänger unserer Religion *Christen* nennen; gleich als ob es mehr als einen Christus gebe und jeder Gläubige ein Christus wäre. Sie müßten sich *Christianer* nennen. – Aber dieser Name würde sofort wie ein Sectenname angesehen werden von Leuten, denen man (wie im Peregrinus Proteus geschieht) viel Übels nachsagen kann: welches in Ansehung der Christen nicht Statt findet. – So verlangte ein Recensent in der Hallischen gel. Zeitung, daß der Name Jehovah durch *Jahwoh* ausgesprochen werden sollte. Aber diese Veränderung würde eine bloße Nationalgottheit, nicht den Herrn der Welt zu bezeichnen scheinen.

а тот, кто второе, – *неверующим*. Религия есть вера, которая *сущность* всякого почитания Бога помещает в моральную сферу человека; язычество не делает этого либо потому, что у него нет понятия сверхъестественного и морального существа (ethnicismus brutus)³⁹, либо потому, что оно принимает за предмет религиозности нечто другое, чем сознание нравственного образа жизни, следовательно, нечто, что не является существенным для религии (ethnicismus speciosus)⁴⁰.

Формулы веры, которые призваны быть вместе с тем и божественными заповедями, являются, таким образом, либо *уставными* и, следовательно, для нас случайными, или учениями об откровении, либо моральными, следовательно, связанными с сознанием их необходимости и познаваемыми a priori, т.е. являются *учением разума* о вере. Воплощением первых вероучений является *церковная вера*, в то время как вторых – *чистая религиозная вера*^{*}.

Требовать от церковной веры *всеобщности* (catholicismus hierarchicus)⁴¹ есть противоречие, так как безусловная всеобщность предполагает необходимость, которая имеет место там, где разум подводит достаточное основание даже под формулы веры, т.е. последние суть не просто всего лишь регламенты. Напротив, чистая религиозная вера может по праву претендовать на всеобщность (catholicismus rationalis)⁴². Следовательно, сектантство в делах веры не может возникнуть в рамках последней, а там, где оно встречается, причиной тому являются недостатки веры церковной: ее установления (и даже божественные откровения) принимаются за существенные составные части религии, то есть происходит подмена рационализма в вопросах веры эмпиризмом, а тем самым то, что является всего лишь случайным, выдается за необходимое. И так как в случайных учениях могут иметь место многочисленные противоречия друг другу уставы либо их истолкования, то легко видеть, что церковная вера сама по себе,

^{*} Это подразделение, которое я считаю неточным и отвечающим обыденному словоупотреблению, следует пока оставить в силе.

die des zweiten *Ungläubige* genannt. Religion ist derjenige Glaube, der das *Wesentliche* aller Verchhrung Gottes in der Moralität des Menschen setzt: Heidenthum, der es nicht darin setzt; entweder weil es ihm gar an dem Begriffe eines übernatürlichen und moralischen Wesens mangelt (ethnicismus brutus), oder weil er etwas Anderes als die Gesinnung eines sittlich wohlgeführten Lebenswandels, also das Nichtwesentliche der Religion, zum Religionsstück macht (ethnicismus speciosus).

Glaubenssätze, welche zugleich als göttliche Gebote gedacht werden sollen, sind nun entweder bloß *statutarisch*, mithin für uns zufällig und Offenbarungslehren, oder moralisch, mithin mit dem Bewußtsein ihrer Nothwendigkeit verbunden und a priori erkennbar, d. i. *Vernunftlehren* des Glaubens. Der Inbegriff der ersteren Lehren macht den *Kirchen-*, der anderen aber den reinen *Religionsglauben* aus^{*}.

Allgemeinheit für einen Kirchenglauben zu fordern (catholicismus hierarchicus) ist ein Widerspruch, weil unbedingte Allgemeinheit Nothwendigkeit voraus setzt, die nur da Statt findet, wo die Vernunft selbst die Glaubenssätze hinreichend begründet, mithin diese nicht bloße Statute sind. Dagegen hat der reine Religionsglaube rechtmäßigen Anspruch auf Allgemeingültigkeit (catholicismus rationalis). Die Sectirerei in Glaubenssachen wird also bei dem letztern nie Statt finden, und wo sie angetroffen wird, da entspringt sie immer aus einem Fehler des Kirchenglaubens: seine Statute (selbst göttliche Offenbarungen) für wesentliche Stücke der Religion zu halten, mithin den Empirism in Glaubenssachen dem Rationalism unterzuschieben und so das bloß zufällige für an sich nothwendig auszugeben. Da nun in zufälligen Lehren es vielerlei einander widerstreitende, theils Satzungen, theils Auslegung von Satzungen, geben kann: so ist leicht einzusehen, daß der bloße Kirchenglaube,

^{*} Diese Eintheilung, welche ich nicht für präcis und dem gewöhnlichen Redegebrauch angemessen ausgabe, mag einstweilen hier gelten.

без ее прояснения с помощью чистой религиозной веры, всегда будет обильным источником возникновения бесконечного числа религиозных сект.

Для точного определения того, в чем состоит это прояснение, может служить в качестве надежнейшего критерия, как мне представляется, следующее положение: любая церковная вера в той мере, в какой она выдает закрепленные лишь уставом положения за истинно религиозные, имеет в себе определенную *примесь язычества*. Ибо последнее состоит в том, что оно выдает внешнюю (несущественную) сторону религии за сущностную. Это смешение может постепенно зайти столь далеко, что вся религия может превратиться в чисто церковную веру, выдающую обычаи за законы, а тем самым стать чистым язычеством*, против этого обвинения не помогают слова о том, что вышеупомянутые учения суть все же божественные откровения; ибо не сами вышеупомянутые регламентированные учения и церковные обязанности, а безусловно придаваемое им значение (быть не просто придатком, но и составной частью самой религии, хотя они не несут никакого внутреннего морального содержания, т.е. не являются сутью откровения, а всего лишь формой приспособления ее к своему практическому образу мыслей) и есть то, что позволяет такой способ верования с полным правом назвать языческим. Церковный авторитет, имеющий право согласно этому закону объявлять блаженным или предавать анафеме, должен был бы быть назван институтом попов, не исключая из этого почетного звания называющих

* *Язычество* (паганизм) есть, судя по названию, религиозное суеверие народа, живущего в лесах (степях), т.е. множества людей, религиозная вера которых еще лишена всякой церковной регламентации, следовательно, лишена статуса общественного установления. Но евреи, мусульмане и индийцы не считаются ни с каким другим законом, кроме своего собственного, и именуют другие народы, которые имеют другие религиозные традиции, презрительными кличками (гой, гяур и т.д.), т.е. неверными.

ohne durch den reinen Religionsglauben geläutert zu sein, eine reiche Quelle unendlich vieler Secten in Glaubenssachen sein werde.

Um diese Läuterung, worin sie bestehe, bestimmt anzugeben, scheint mir der zum Gebrauch schicklichste Probestein der Satz zu sein: ein jeder Kirchenglaube, so fern er bloß statutarische Glaubenslehren für wesentliche Religionslehren ausgiebt, hat eine gewisse *Beimischung von Heidenthum*; denn dieses besteht darin, das Äußerliche (Außerwesentliche) der Religion für wesentlich auszugeben. Diese Beimischung kann gradweise so weit gehen, das die ganze Religion darüber in einen bloßen Kirchenglauben, Gebräuche für Gesetze auszugeben, übergeht und alsdann baares Heidenthum wird*, wider welchen Schimpffnamen es nichts verschlägt zu sagen, daß jene Lehren doch göttliche Offenbarungen seien; denn nicht jene statutarische Lehren und Kirchenpflichten selbst, sondern der unbedingt ihnen beigelegte Werth (nicht etwa bloß Vehikel, sondern selbst Religionsstücke zu sein, ob sie zwar keinen inneren moralischen Gehalt bei sich führen, also nicht die Materie der Offenbarung, sondern die Form ihrer Aufnahme in seine praktische Gesinnung) ist das, was auf eine solche glaubensweise den Namen des Heidenthums mit Recht fallen läßt. Die kirchliche Autorität, nach einem solchen Glauben selig zu sprechen oder zu verdammen, würde das Pfaffenthum genannt werden, von welchem Ehrennamen

* *Heidenthum* (Paganismus) ist der Worterklärung nach der religiöse Aberglaube des Volks in Wäldern (Heiden), d. i. einer Menge, deren Religionsglaube noch ohne alle kirchliche Verfassung, mithin ohne öffentliches Gesetz ist. Juden aber Mohammedaner und Indier halten das für kein Gesetz, was nicht das ihrige ist, und benennen andere Völker, die nicht eben dieselbe kirchliche Observanzen haben, mit dem Titel der Verwerfung (Goy, Dschaur etc.), nämlich der Ungläubigen.

себя так протестантов, которые хотят видеть сущность своего вероучения в вере в догмы и традиции, о которых разум ничего им не говорит и для исповедования и соблюдения которых годится в одинаковой мере как самый плохой и никчемный, так и самый достойный человек, какое бы количество добродетелей они ни хотели приписать чудодейственной силе первых (добродетелей, не имеющих, следовательно, своих собственных корней).

Итак, с того самого момента, когда церковная вера начнет использовать авторитет в своих целях, не обращая внимания на необходимость своего оправдания со стороны чистой *религиозной веры*, начинается сектантство. Действительно, поскольку последняя (чистая религиозная вера), будучи практически разумной верой, не может утратить своего влияния на душу человеческую, влияния, связанного с сознанием свободы, а церковная вера производит насилие над совестью, постольку каждый пытается внести в церковную веру (либо исключить из нее) что-либо в пользу собственного мнения.

Это насилие побуждает либо к простому обособлению от церкви (сепаратизм), т.е. воздержанию от публичного общения с ней, либо к публичному расколу инакомыслящих с ней в том, что касается церковной формы, хотя они в том, что касается ее содержания, остаются верны ей (схизматики)⁴³, либо оно (насилие) побуждает диссидентов относительно определенных вероучений к вхождению в особые, не всегда тайные, но и не санкционированные государством общества (сектанты), некоторые из которых черпают из того же источника еще особые, не предназначенные для широкой публики тайные учения (нечто вроде заговорщиков набожности), и, наконец, мнимые поборники мира, которые полагают, что с помощью слияния различных видов веры они отдадут должное всем (синкретисты); последние еще хуже сектантов, потому что в основе [их учения] лежит равнодушие к вере вообще, а так как у народа должна быть все же какая-то церковная вера, то любая из них хороша, если только она легко

sich so nennende Protestanten nicht auszuschließen sind, wenn sie das Wesentliche ihrer Glaubenslehre in Glauben an Sätze und Observanzen, von denen ihnen die Vernunft nichts sagt, und welche zu bekennen und zu beobachten der schlechteste, nichtswürdigste Mensch in eben demselben grade tauglich ist als der beste, zu setzen bedacht sind: sie mögen auch einen noch so großen Nachtrapp von Tugenden, als die aus der wundervollen Kraft der ersteren entspringen (mithin ihre eigene Wurzel nicht haben), anhängen, als sie immer wollen.

Von dem Punkte also, wo der Kirchenglaube anfängt, für sich selbst mit Autorität zu sprechen, ohne auf seine Rectification durch den reinen *Religionsglauben* zu achten, hebt auch die Sectirerei an; denn da dieser (als praktischer Vernunftglaube) seinen Einfluß auf die menschliche Seele nicht verlieren kann, der mit dem Bewußtsein der Freiheit verbunden ist, indessen daß der Kirchenglaube über die Gewissen Gewalt ausübt: so sucht ein jeder etwas für seine eigene Meinung in den Kirchenglauben hinein oder aus ihm heraus zu bringen.

Diese Gewalt veranlaßt entweder bloße Absonderung von der Kirche (Separatism), d. i. Enthaltung von der öffentlichen Gemeinschaft mit ihr, oder öffentliche Spaltung der in Ansehung der kirchlichen Form Andersdenkenden, ob sie zwar der Materie nach sich zu eben derselben bekennen (Schismatiker), oder Zusammentretung der Dissidenten in Ansehung gewisser Glaubenslehren in besondere, nicht immer geheime, aber doch vom Staat nicht sanctionirte Gesellschaften (Sectirer), deren einige noch besondere, nicht fürs große Publicum gehörende, geheime Lehren aus eben demselben Schatz her holen (gleichsam Clubbisten der Frömmigkeit), endlich auch falsche Friedensstifter, die durch die Zusammenschmelzung verschiedener Glaubensarten allen genug zu thun meinen (Synkretisten); die dann noch schlimmer sind als Sectirer, weil Gleichgültigkeit in Ansehung der Religion überhaupt zum Grunde liegt und, weil einmal doch ein Kirchenglaube im Volk sein müsse, einer so gut

поддается манипуляции со стороны правительства, преследующего свои цели. Принцип, который в устах правителя как такового вполне правилен и даже мудр, может, однако, в устах самого подданного, должностящего взвесить все это исходя из собственного, то есть морального, интереса, был бы свидетельством крайне пренебрежительного отношения к религии, между тем для религии совершенно безразлично, каков тот ее механизм [Vehikel], который используется верующими в своей вере.

Относительно сектантства (которое осмеливается доводить свое дело вплоть до образования множества церквей, как это имеет место у протестантов), хотя и имеют обыкновение говорить о том, а именно: что существование различных религий (собственно, различных церковных верований в рамках одного государства) – это благо, что в целом правильно, являясь хорошим признаком того, что народу предоставлена свобода совести [Glaubensfreiheit]; однако эта похвала есть по сути похвала правительству. Но само по себе такое общественное религиозное состояние не есть благо, ибо принцип его не ведет к учреждению всеобщности и единства основных максим веры, как того требует понятие религии, и не делает различия между спором, обусловленным несущественными вещами, и им [понятием религии]. Различие во мнениях относительно большей или меньшей пригодности или непригодности внешнего придатка религии к ней самой как конечной цели (т.е. делать людей морально лучше) может, следовательно, порождать различия церковных сект, но не различия сект религиозных, что находится в прямом противоречии с единством и всеобщностью религии (т.е. незримой церкви). Просвещенные католики и протестанты получают возможность взирать друг на друга как на братьев по вере, не смешиваясь, однако, друг с другом; и те и другие будут пребывать в ожидании (и трудиться для этой цели), а именно: что время при благосклонности правительства постепенно подведет различные формы веры

wie der andere sei, wenn er sich nur durch die Regierung zu ihren Zwecken gut handhaben läßt; ein Grundsatz, der im Munde des Regenten, als eines solchen, zwar ganz richtig, auch sogar weise ist, im Urtheile des Unterthanen selbst aber, der diese Sache aus seinem eigenen und zwar moralischen Interesse zu erwägen hat, die äußerste Geringschätzung der Religion verrathen würde; indem, wie selbst das Vehikel der Religion beschaffen sei, was jemand in seinen Kirchenglauben aufnimmt, für die Religion keine gleichgültige Sache ist.

In Ansehung der Sectirerei (welche auch wohl ihr Haupt bis zur Vermannigfaltigung der Kirchen erhebt, wie es bei den Protestanten geschehen ist) pflegt man zwar zu sagen: es ist gut, daß es vielerlei Religionen (eigentlich kirchliche Glaubensarten in einem Staate) giebt, und so fern ist dieses auch richtig, als es ein gutes Zeichen ist: nämlich daß Glaubensfreiheit dem Volke gelassen worden; aber es ist eigentlich nur ein Lob für die Regierung. An sich aber ist ein solcher öffentlicher Religionszustand doch nicht gut, dessen Princip so beschaffen ist, daß es nicht, wie es doch der Begriff einer Religion erfordert, Allgemeinheit und Einheit der wesentlichen Glaubensmaximen bei sich führt und den Streit, der von dem Außerwesentlichen herrührt, nicht von jenem unterscheidet. Der Unterschied der Meinungen in Ansehung der größeren oder minderen Schicklichkeit oder Unschicklichkeit des Vehikels der Religion zu dieser als Endabsicht selbst (nämlich die Menschen moralisch zu bessern) mag also allenfalls Verschiedenheit der Kirchensekten, darf aber darum nicht Verschiedenheit der Religionssecten bewirken, welche der Einheit und Allgemeinheit der Religion (also der unsichtbaren Kirche) gerade zuwider ist. Aufgeklärte Katholiken und Protestanten werden also einander als Glaubensbrüder ansehen können, ohne sich doch zu vermengen, beide in der Erwartung (und Bearbeitung zu diesem Zweck): daß die Zeit unter Begünstigung der Regierung nach und nach die Förmlichkeiten des Glaubens

(к тому времени она будет верой, стремящейся получить благосклонность Господа и его прощение не иначе, как с помощью только чистого морального образа мыслей) к достойной ее [религии] цели, а именно – к религии как таковой. Даже для евреев это станет возможным без мечтаний об их полном обращении* (в христианство как *мессианскую* веру), если только у них, что можно наблюдать уже сегодня, возникнут чистые религиозные понятия и будет отброшено одеяние прежнего культа, служащего в настоящее время ни чему другому, кроме как вытеснению истинной религиозности. Так как они до сих пор имели *платье без человека, носящего его* (церковь без религии), впрочем, как и *человек без платья* (религия без церкви) также плохо защищен, следовательно, нуждаются в церкви, которая в наибольшей степени отвечала бы конечной цели их положения сегодня, то можно было считать идею одного очень умного представителя этой нации, *Бендавида*⁴⁴, публично принять религию *Христа* (очевидно, вместе с ее инструментом – *Евангелием*) как не только весьма удачное, но и как единственное предложение, осуществление которого заставило бы вскоре говорить об этом народе, и даже без смешения его в делах веры с другими, как о просвещенном, благонаправном и способном обладать всеми правами гражданского

* Мозес Мендельсон⁴⁵ отверг это предложение в манере, которая делает честь его *уму* (с помощью аргумента *ad hominem*⁴⁶). До тех пор, пока, говорит он, Господь с горы Синай столь же торжественно не отменит наш закон, как он его дал нам (под грохот грома и блеск молний), т. е. до непреходящего дня, мы связаны им. Тем самым он хотел, по-видимому, сказать следующее: христиане, очистите сначала *свою* веру от иудаизма, тогда и мы откажемся от своей. Но то, что он этим своим жестким требованием лишил надежды собственных собратьев по вере на хотя бы некоторое облегчение от гнетущего их груза, хотя он, вероятно, лишь немногих из них считал приверженцами своей веры, – делает ли это честь его доброй воле – пусть они решают это сами.

(der freilich alsdann nicht ein Glaube sein muß, Gott sich durch etwas anders, als durch reine moralische Gesinnung günstig zu machen oder zu versöhnen) der Würde ihres Zwecks, nämlich der Religion selbst, näher bringen werde. – Selbst in Ansehung der Juden ist dieses ohne die Träumerei einer allgemeinen Judenbekehrung* (zum Christenthum als einem *messianischen* Glauben) möglich, wenn unter ihnen, wie jetzt geschieht, geläuterte Religionsbegriffe erwachen und das Kleid des nunmehr zu nichts dienenden, vielmehr alle wahre Religionsgesinnung verdrängenden alten Cultus abwerfen. Da sie nun so lange das *Kleid ohne Mann* (Kirche ohne Religion) gehabt haben, gleichwohl aber der *Mann ohne Kleid* (Religion ohne Kirche) auch nicht gut verwahrt ist, sie also gewisse Förmlichkeiten einer Kirche, die dem Endzweck in ihrer jetzigen Lage am angemessensten wäre, bedürfen: so kann man den Gedanken eines sehr guten Kopfs dieser Nation, *Bendavid's*, die Religion *Jesu* (vermuthlich mit ihrem Vehikel, dem *Evangelium*) öffentlich anzunehmen, nicht allein für sehr glücklich, sondern auch für den einzigen Vorschlag halten, dessen Ausführung dieses Volk auch ohne sich mit andern in Glaubenssachen zu vermischen, bald als ein gelehrtes, wohlgesittetes und aller Rechte des bürgerlichen

* Moses Mendelssohn wies dieses Ansinnen auf eine Art ab, die seiner *Klugheit* Ehre macht (durch eine argumentatio ad hominem). So lange (sagt er) als nicht Gott vom Berge Sinai eben so feierlich unser Gesetz aufhebt, als er es (unter Donner und Blitz) gegeben, d. i. bis zum Nimmertag, sind wir daran gebunden; womit er wahrscheinlicher Weise sagen wollte: Christen, schafft ihr erst das Judenthum aus *Eurem* eigenen Glauben weg: so werden wir auch das unsrige verlassen. – Daß er aber seinen eignen Glaubensgenossen durch diese harte Forderung die Hoffnung zur mindesten Erleichterung der sie drückenden Lasten abschnitt, ob er zwar wahrscheinlich die wenigsten derselben für wesentlich seinem Glauben angehörig hielt, ob das seinem guten Willen Ehre mache, mögen diese selbst entscheiden.

состояния народе, вера которого могла бы быть также санкционирована правительством; правда, последнему при этом должно быть предоставлено право толкования писания (Моисеева Завета – Торы и Евангелия) с тем, чтобы сделать различие между словом Иисуса как еврея, обращающегося к евреям, и словом его как морального учителя, обращающегося ко всем людям вообще. Эвтаназия⁴⁷ иудаизма есть чисто моральная религия с отказом от всех прежних догматов, некоторые из которых все же еще должны сохраняться в христианстве (как мессианской вере); это сектантское различие должно впоследствии также в конце концов исчезнуть, и настанет то, что назовут окончанием большой драмы сменяемости религии на земле (возвратом всего сущего), по крайней мере в [области] духа, так как будет лишь один пастырь и одно стадо.

* * *

Но если поставить вопрос не столько о том, что такое христианство, сколько о том, как должен начать учитель его для того, чтобы оно действительно наличествовало в сердцах людей (что равнозначно следующей задаче: что нужно сделать, чтобы религиозная вера формировала вместе с тем и более нравственных людей), то хотя цель одна и та же и не может повлечь за собой сектантства, однако выбор средства для достижения ее может обусловить его, потому что для одного и того же следствия можно мыслить себе *несколько* причин, а тем самым, следовательно, различие во мнениях и споры о том, какое из этих средств более подобает ей [цели] и является божественным, т.е. может повлечь за собой расхождение в принципах, имеющих отношение (в субъективном смысле) к самой сущности религии вообще.

Так как средства для этой цели не могут быть эмпирическими, потому что они оказывают воздействие в любом

Zustandes fähiges Volk, dessen Glaube auch von der Regierung sanctionirt werden könnte, bemerklich machen würde; wobei freilich ihr die Schriftauslegung (der Thora und des Evangeliums) frei gelassen werden müßte, um die Art, wie Jesus als Jude zu Juden, von der Art, wie er als moralischer Lehrer zu Menschen überhaupt redete, zu unterscheiden. – Die Euthanasie des Judenthums ist die reine moralische Religion mit Verlassung aller alten Satzungslehren, deren einige doch im Christenthum (als messianischen Glauben) noch zurück behalten bleiben müssen: welcher Sectenunterschied endlich doch auch verschwinden muß und so das, was man als den Beschluß des großen Drama des Religionswechsels auf Erden nennt, (die Wiederbringung aller Dinge) wenigstens im Geiste herbeiführt, da nur ein Hirt und eine Heerde Statt findet.

* * *

Wenn aber gefragt wird: nicht blos was Christenthum sei, sondern wie es der Lehrer desselben anzufangen habe, damit ein solches in den Herzen der Menschen wirklich angetroffen werde (welches mit der Aufgabe einerlei ist: was ist zu thun, damit der Religionsglaube zugleich bessere Menschen mache?), so ist der Zweck zwar einerlei und kann keinen Sectenunterschied veranlassen, aber die Wahl des Mittels zu demselben kann diesen doch herbei führen, weil zu einer und derselben Wirkung sich mehr wie *eine* Ursache denken läßt und sofern also Verschiedenheit und Streit der Meinungen, ob das eine oder das andere demselben angemessen und göttlich sei, mithin eine Trennung in Principien bewirken kann, die selbst das Wesentliche (in subjektiver Bedeutung) der Religion überhaupt angehen.

Da die Mittel zu diesem Zwecke nicht empirisch sein können – weil diese allenfalls

случае на поступки, а не на образ мыслей, то для того, кто принимает все *сверхчувственное* вместе с тем и за *сверхъестественное*, вышеназванная задача должна быть переформулирована в вопрос, как возможно возрождение с помощью непосредственного божественного влияния (как следствие обращения [в другую веру], в результате которого появляется другой, новый человек), и что должен делать человек, чтобы стать таковым? Я утверждаю, что, не обращаясь к истории (которая может, правда, сообщать о мнениях, но не говорить об их необходимости), могу а priori предсказать [возникновение] неизбежных сектантских различий, поводом к которым будет сама постановка этой задачи у тех, кому не составляет труда подвести под естественное следствие сверхъестественную причину, и даже более того, что этот раскол будет то единственное, что даст право говорить о двух религиозных сектах, ибо другие, называемые так ошибочно, суть всего лишь церковные секты и не затрагивают внутреннего [содержания] религии. Но всякая проблема состоит, во-первых, из *постановки задачи*, во-вторых, ее *разрешения* и, в-третьих, из *доказательства* того, что с помощью второго требуемое было выполнено. Итак:

1) Задача (с которой в своем порыве обратился смелый *Шпенер*⁴⁸ ко всем учителям церкви) состоит в следующем: религиозная проповедь должна преследовать цель сделать нас не только лучше, но и *другими* (как если бы мы уже достигли совершенства и отличаемся только степенью его). Эти слова были брошены в упрек *ортодоксам* (неплохое название), которые в своей вере в чистое учение об откровении и в строгий порядок, предписанный церковью (молитва, посещение церкви и сакраментальные действия), рядом с праведным (правда, с примесью нарушений, могущих быть всегда исправленными с помощью упомянутых действий) образом жизни ставят еще и способ, как понравиться Господу. Итак, задача эта имеет свое основание полностью в разуме.

wohl auf die That, aber nicht auf die Gesinnung hinwirken —, so muß für den, der alles *Übersinnliche* zugleich für *übernatürlich* hält, die obige Aufgabe sich in die Frage verwandeln: wie ist die Wiedergeburt (als die Folge der Bekchrung, wodurch jemand ein anderer, neuer Mensch wird) durch göttlichen unmittelbaren Einfluß möglich, und was hat der Mensch zu thun, um diesen herbei zu ziehen? Ich behaupte, daß, ohne die Geschichte zu Rathe zu ziehen (als welche zwar Meinungen, aber nicht die Nothwendigkeit derselben vorstellig machen kann), man a priori einen unausbleiblichen Sectenunterschied, den bloß diese Aufgabe bei denen bewirkt, welchen es eine Kleinigkeit ist, zu einer natürlichen Wirkung übernatürliche Ursachen herbei zu rufen, vorher sagen kann, ja daß diese Spaltung auch die einzige sei, welche zur Benennung zweier verschiedener Religionssecten berechtigt; denn die anderen, welche man fälschlich so benennt, sind nur Kirchensecten und gehen das Innere der Religion nicht an. — Ein jedes Problem aber besteht ersülich aus der *Quäsition* der Aufgabe, zweitens der *Auflösung* und drittens dem *Beweis*, daß das Verlangte durch die letztere geleistet werde. Also:

1) Die Aufgabe (die der wackere *Spener* mit Eifer allen Lehrern der Kirche zurief) ist: der Religionsvortrag muß zum Zweck haben, aus uns *andere*, nicht bloß bessere Menschen (gleich als ob wir so schon gute, aber nur dem Grade nach vernachlässigte wären) zu machen. Dieser Satz ward den *Orthodoxisten* (ein nicht übel gedachter Name) in den Weg geworfen, welche in dem Glauben an die reine Offenbarungslehre und den von der Kirche vorgeschriebenen Observanzen (dem Beten, dem Kirchengehen und den Sacramenten) neben dem ehrbaren (zwar mit Übertretungen untermengten, durch jene aber immer wieder gut zu machenden) Lebenswandel die Art setzten, Gott wohlgefällig zu werden. — Die Aufgabe ist also ganz in der Vernunft gegründet.

2) Но решение получилось полностью *мистическое*: такое, какое можно было бы ожидать от супернатурализма в религиозных принципах, который по причине того, что человек от природы погружен в пороки, не оставляет ему никаких надежд на совершенство с помощью лишь своих собственных сил; не могут помочь ему в этом даже изначально заложенные в его природе неподдельные моральные задатки, которые, будучи *сверхчувственными*, называются тем не менее телесными потому только, что их действие не является вместе с тем и *сверхъестественными*; в этом случае они имели бы своей непосредственной причиной единственно дух (Божий). Мистическое решение упомянутой задачи разделяет, таким образом, верующих на две секты по *чувствованию* сверхъестественного влияния: первая – та, у которой чувство должно быть *душенадрывающим* (*herzermalmend* – душераздирающий), у второй – *душещипательным* (*herzschmelzend*) (растворяющимся в блаженном соединении с Господом), так что решение проблемы – делать плохих людей хорошими – исходит из двух противоположных пунктов («когда желания хороши, но недостает действия»). Иными словами, для одной секты главное состоит в том, чтобы *освободиться* от всевластия зла в себе, после чего принцип добра возобладает сам собой; для второй секты главное – воспринять принцип добра в свое сознание, после чего с помощью сверхъестественного влияния злу не нашлось бы в нем места и всецело царило бы только добро.

Мысль о моральной метаморфозе человека, осуществимой, однако, лишь посредством сверхчувственного влияния, видимо, уже издавна *будоражила* умы верующих. Но лишь в последнее время она стала предметом внимания, породив сектантские разногласия *шпенеровско-франконского* и *моравско-цинцендорфского* толка (пиетизм и моравианизм⁴⁹) в учении об обращении [в другую веру].

Согласно *первой* гипотезе, водораздел между добром и злом (то, чем амальгамирована природа человеческая)

2) Die Auflösung aber ist völlig *mystisch* ausgefallen: so wie man es vom Supernaturalism in Principien der Religion erwarten konnte, der, weil der Mensch von Natur in Sünden todt sei, keine Besserung aus eigenen Kräften hoffen lasse, selbst nicht aus der ursprünglichen unverfälschbaren moralischen Anlage in seiner Natur, die, ob sie gleich *übersinnlich* ist, dennoch Fleisch genannt wird, darum weil ihre Wirkung nicht zugleich *übernatürlich* ist, als in welchem Falle die unmittelbare Ursache derselben allein der Geist (Gottes) sein würde. – Die mystische Auflösung jener Aufgabe theilt nun die Gläubigen in zwei secten *des Gefühls* übernatürlicher Einflüsse: die eine, wo das Gefühl als von *herzschmelzender* (zerknirschender), die andere, wo es von *herzschmelzender* (in die selige Gemeinschaft mit Gott sich auflösender) Art sein müsse, so daß die Auflösung des Problems (aus bösen Menschen gute zu machen) von zwei entgegengesetzten Standpunkten ausgeht («wo das Wollen zwar gut ist, aber das Vollbringen mangelt»). In der einen Secte kommt es nämlich nur darauf an, von der Herrschaft des Bösen in sich *los zu kommen*, worauf dann das gute Princip sich von selbst einfinden würde: in der andern, das gute Princip in seine Gesinnung aufzunehmen, worauf vermittelt eines übernatürlichen Einflusses das Böse für sich keinen Platz mehr finden und das Gute allein herrschend sein würde.

Die Idee von einer moralischen, aber nur durch übernatürlichen Einfluß möglichen Metamorphose des Menschen mag wohl schon längst in den Köpfen der Gläubigen *rumort* haben: sie ist aber in neueren Zeiten allererst recht zur Sprache gekommen und hat den *Spener-Franckischen* und den *Mährisch-Zinzendorfschen* Sectenunterschied (den Pietism und Moravianism) in der Bekehrungslehre hervorgebracht.

Nach der *ersteren* Hypothese geschieht die Scheidung des Guten vom Bösen (womit die menschliche Natur amalgamirt ist)

происходит с помощью сверхъестественной операции сокрушения и надрыва сердца в *покаянии*, то есть граничащей с отчаянием и достигающей необходимой степени лишь с помощью небесного духа скорбью (*maeror animi*)⁵⁰, о которой человек сам должен молить, сокрушаясь о том, что он все еще недостаточно страдает (а тем самым, что страдание недостаточно полно исходит из его сердца). Эта «адская стезя самопознания прокладывает себе», как говорил покойный *Гаманн*⁵¹, «путь к обожествлению». И далее, после того как накал данного покаяния достигнет своей высшей точки, происходит *прорыв* и зерно чистого, *вновь возрожденного* металла заблещет под шлаком, который хотя и покрывает, но не пачкает его, делая его пригодным для угодного Господу применения в жизни праведной. Итак, это радикальное изменение начинается с *чуда* и заканчивается тем, что называют обычно естественным, потому что этого требует *разум*, а именно – моральным образом жизни. Но так как даже при самом высоком полете мистического воображения нельзя человека полностью лишить самостоятельности, не превратив его целиком в машину, то длительная неистовая *молитва* и есть то, что ему надлежит впредь делать (если это вообще может считаться деятельностью), от которой единственно он может ожидать упомянутого сверхъестественного воздействия, при котором, однако, возникает следующее сомнение: так как молитва, как говорят, может быть услышана лишь в том случае, если веришь, а вера эта есть следствие милосердия, т.е. нечто такое, чего человек не может достичь своими силами, то он со своими средствами (вызова) милосердия попадает в порочный круг, в результате чего он оказывается в неведении относительно того, как же ему приступить к делу.

Согласно мнению *второй* секты, первый шаг, который делает человек, осознавший свою греховную природу, к улучшению, происходит совершенно естественно с помощью *разума*, который, держа перед человеком зеркало в виде морального закона, где он видит свою порочность,

durch eine übernatürliche Operation, die Zerknirschung und Zermalmung des Herzens in der *Buße*, als einem nahe an Verzweiflung grenzenden, aber doch auch nur durch den Einfluß eines himmlischen Geistes in seinem nöthigen Grade erreichbaren Gram (*maeror animi*), um welchen der Mensch selbst bitten müsse, indem er sich selbst darüber grämt, daß er sich nicht genug gräme (mithin das Leidsein ihm doch nicht so ganz von Herzen gehen kann). Diese «Höllenfahrt des Selbsterkenntnisses bahnt nun, wie der sel. *Hamann* sagt, den Weg zur Vergötterung». Nämlich nachdem diese Glut der Buße ihre größte Höhe erreicht hat, geschehe der *Durchbruch*, und der *Regulus des Wiedergeborenen* glänze unter den Schlacken, die ihn zwar umgeben, aber nicht verunreinigen, tüchtig zu dem Gott wohlgefälligen Gebrauch in einem guten Lebenswandel. – Diese radicale Veränderung fängt also mit einem *Wunder* an und endigt mit dem, was man sonst als natürlich anzusehen pflegt, weil es die *Vernunft* vorschreibt, nämlich mit dem moralisch-guten Lebenswandel. Weil man aber selbst beim höchsten Fluge einer mystisch-gestimmten Einbildungskraft den Menschen doch nicht von allem Selbstthun losprechen kann, ohne ihn gänzlich zur Maschine zu machen, so ist das anhaltende inbrünstige *Gebet* das, was ihm noch zu Thun obliegt, (wofern man es überhaupt für ein thun will gelten lassen) und wovon er sich jene übernatürliche Wirkung allein versprechen kann; wobei doch auch der *Scrupel* eintritt: daß, da das Gebet, wie es heißt, nur sofern erhörlich ist, als es im Glauben geschieht, dieser selbst aber eine Gnadenwirkung ist, d. i. etwas, wozu der Mensch aus eigenen Kräften nicht gelangen kann, er mit seinen Gnadenmitteln im Cirkel geführt wird und am Ende eigentlich nicht weiß, wie er das Ding angreifen solle.

Nach der *zweiten* Secte Meinung geschieht der erste Schritt, den der sich seiner sündigen Beschaffenheit bewußt werdende Mensch zum Besseren thut, ganz natürlich, durch die *Vernunft*, die, indem sie ihm im moralischen Gesetz den Spiegel vorhält, worin er seine Verwerflichkeit erblickt,

использует заложенные в нем моральные задатки к добру, побуждая его к решению сделать его в дальнейшем своей максимой. Но реализация этого намерения есть *чудо*. Дело в том, что он оставляет знамена злого духа и становится под знамена добра, что не стоит труда. Но чтобы теперь укрепиться в нем и не впасть вновь во зло, а постоянно идти вперед по стезе добра – это то, к чему он по своей природе не способен и для чего необходимо не больше и не меньше как чувство сверхъестественной общности и даже сознание постоянного общения с небесным духом; при этом между ним и этим последним нет недостатка, с одной стороны, в наставлениях, а с другой стороны, в извинениях, не боясь, однако, наступления отчуждения или рецидива (из милости), если только он будет стремиться к постоянному культивированию этого общения, представляющего собой не что иное, как непрерывающуюся молитву.

Здесь перед нами двойная мистическая теория чувства в качестве ключа к [решению] задачи, а именно – к становлению нового человека, где речь идет не об *объекте* и цели всякой религии (об угодном Богу образе жизни, ибо в этом обе стороны согласны), а о *субъективных* условиях, при которых мы единственно обретаем силы для того, чтобы осуществить в себе упомянутую выше теорию. При этом не может быть речи о добродетели (она всего лишь пустой звук), а только лишь о *милости*, ибо обе стороны едины в том, что это должно происходить неестественным путем, но расходятся друг с другом в том, что одна сторона выступает за *страшный* бой со злым духом с тем, чтобы освободиться от его власти, а другая считает это вовсе излишним и даже, более того, находит это как священнодействие [Werkheiligkeit] аморальным, а заключает с добрым духом прямо-таки альянс, потому что первая [сторона] со злом (как *factum turpe*⁵²) не может никоим образом это опротестовать. В этом случае возрождение как раз и навсегда свершившаяся сверхъестественная и радикальная революция в душевном состоянии [человека] могло бы

die moralische Anlage zum Guten benutzt, um ihn zur Entschliebung zu bringen, es fortmehrer zu seiner Maxime zu machen: aber die Ausführung dieses Vorsatzes ist ein *Wunder*. Er wendet sich nämlich von der Fahne des bösen Geistes ab und begiebt sich unter die des guten, welches eine leichte Sache ist. Aber nun bei dieser zu beharren, nicht wieder ins Böse zurück zu fallen, vielmehr im Guten immer mehr fortzuschreiten, das ist die Sache, wozu er natürlicher Weise unvermögend sei, vielmehr nichts Geringeres als Gefühl einer übernatürlichen Gemeinschaft und sogar das Bewußtsein eines continuirlichen Umganges mit einem himmlischen Geiste erfordert werde; wobei es zwischen ihm und dem letzteren zwar auf einer Seite nicht an Verweisen, auf der andern nicht an Abbitten fehlen kann: doch ohne daß eine Entzweiung oder Rückfall (aus der Gnade) zu besorgen ist; wenn er nur darauf Bedacht nimmt, diesen Umgang, der selbst ein continuirliches Gebet ist, ununterbrochen zu cultiviren.

Hier ist nun eine zwiefache mystische Gefühlstheorie zum Schlüssel der Aufgabe: ein neuer Mensch zu werden, vorgelegt, wo es nicht um das *Object* und den Zweck aller Religion (den Gott gefälligen Lebenswandel, denn darüber stimmen beide Theile überein), sondern um die *subjective* Bedingungen zu thun ist, unter denen wir allein Kraft dazu bekommen, jene Theorie in uns zur Ausführung zu bringen; wobei dann von Tugend (die ein leerer Name sei) nicht die Rede sein kann, sondern nur von der *Gnade*, weil beide Parteien darüber einig sind, daß es hiemit nicht natürlich zugehen könne, sich aber wieder darin von einander trennen, daß der eine Theil den *fürchterlichen* Kampf mit dem bösen Geiste, um von dessen Gewalt los zu kommen, bestehen muß, der andere aber dieses gar nicht nöthig, ja als Werkheiligkeit verwerflich findet, sondern geradezu mit dem guten Geiste Allianz schließt, weil die vorige mit dem bösen (als *factum turpe*) gar keinen Einspruch dagegen verursachen kann; da dann die Wiedergeburt als einmal für allemal vorgehende übernatürliche und radicale Revolution im Seelenzustande auch

внешне проявить себя как различие сект из столь отличных друг от друга чувств обеих сторон*.

3) *Доказательство*: если свершилось то, что требовалось в №2, то задача №1 будет разрешена. – Это доказательство невозможно. Так как человек должен будет доказать, что с ним произошли сверхъестественные изменения, что само по себе есть противоречие. Правда, можно допустить, что он обнаружил в себе определенные перемены (например, возникновение новых и более совершенных определений воли), объяснить которые он не может ничем иным, кроме чуда, другими словами, чем-то сверхъестественным. Но опыт, о котором человек даже не может дать себе отчет, что это действительно опыт, так как он (как сверхъестественный) не может быть объяснен законами природы нашего разума, а тем самым и подтвердиться, есть интерпретация неких ощущений, относительно которых неизвестно, что с ними делать и имеют ли они как относящиеся к познанию реальный предмет, а не являются простыми грезами. Желание *почувствовать*

---

* Какую национальную физиогномию мог бы иметь народ, воспитанный (если бы это было возможно) в одной из этих сект. В том, что подобное различие проявит себя, не приходится сомневаться, потому что часто повторяющееся и, главным образом, противоестественное воздействие на душу находит свое выражение в поведении и языке, пока, наконец, выражение лица не приобретет характер его устойчивых черт. *Блаженные*, или, как их называет господин Николай⁵³, *богоматериподобные*, лица будут отличать его от других нравственных и понятливых народов (но не в их пользу), так как это будет карикатурный образ набожности. Но то, что превратило имя пиетистов в имя секты (с которым всегда связывалось некоторое презрение), есть не презрение набожности, а фантастическое и при всей видимости смирения гордое притязание на статус пользующихся сверхъестественным покровительством детей неба, хотя их жизнь, насколько можно судить, не имеет с точки зрения морали ни малейшего преимущества перед жизнью тех, кого они называют детьми в миру.

wohl äußerlich einen Sectenunterschied aus so sehr gegen einander abstechenden Gefühlen beider Parteien, kennbar machen dürfte*.

3) *Der Beweis*: daß, wenn, was Nr. 2 verlangt worden, geschehen, die Aufgabe Nr. 1 dadurch aufgelöset sein werde. – Dieser Beweis ist unmöglich. Denn der Mensch müßte beweisen, daß in ihm eine übernatürliche Erfahrung, die an sich selbst ein Widerspruch ist, vorgegangen sei. Es könnte allenfalls eingeräumt werden, daß der Mensch in sich eine Erfahrung (z. B. von neuen und besseren Willensbestimmungen) gemacht hätte, von einer Veränderung, die er sich nicht anders als durch ein Wunder zu erklären weiß, also von etwas Übernatürlichem. Aber eine Erfahrung, von der er sich sogar nicht einmal, daß sie in der That Erfahrung sei, überführen kann, weil sie (als übernatürlich) auf keine Regel der Natur unseres Verstandes zurückgeführt und dadurch bewährt werden kann, ist eine Ausdeutung gewisser Empfindungen, von denen man nicht weiß, was man aus ihnen machen soll, ob sie als zum Erkenntniß gehörig einen wirklichen Gegenstand haben, oder bloße Träumereien sein mögen. Den unmittelbaren Einfluß der Gottheit als einer solchen *fühlen*

---

* Welche Nationalphysiognomie möchte wohl ein ganzes Volk, welches (wenn dergleichen möglich wäre) in einer dieser Secten erzogen wäre, haben? Denn daß eine solche sich zeigen würde, ist wohl nicht zu zweifeln: weil oft wiederholte, vornehmlich widernatürliche Eindrücke aufs Gemüth sich in Geberdung und Ton der Sprache äußern, und Mienen endlich stehende Gesichtszüge werden. *Beate*, oder wie sie Hr. Nicolai nennt, *gebenedeiete* Gesichter würden es von anderen gesitteten und aufgeweckten Völkern (eben nicht zu seinem Vortheil) unterscheiden; denn es ist Zeichnung der Frömmigkeit in Caricatur. Aber nicht die Verachtung der Frömmigkeit ist es, was den Namen der Pietisten zum Sectennamen gemacht hat (mit dem immer eine gewisse Verachtung verbunden ist), sondern die phantastische und bei allem Schein der Demuth stolze Anmaßung sich als übernatürlich = begünstigte Kinder des Himmels auszuzeichnen, wenn gleich ihr Wandel, so viel man sehen kann, vor dem der von ihnen so benannten Weltkinder in der Moralität nicht den mindesten Vorzug zeigt.

непосредственное влияние божества как такового, потому что идея его находится лишь в разуме, является противоречащей самой себе дерзостью. Таким образом, стоящая перед нами задача вместе со своим решением лишена какого-либо возможного доказательства; из чего также никогда не может быть получено ничего разумного.

Важно также проверить, не содержит ли Библия еще один принцип решения той самой шпенеровской проблемы, содержащейся в двух приведенных выше сектантских образованиях, который мог бы заменить бесплодность основного церковного положения чистой ортодоксальности. В самом деле, в глаза бросается не только тот факт, что подобный (принцип) можно встретить в Библии, но достаточно убедительно и то, что только посредством его и заключенного в данном принципе христианства эта книга могла завоевать столь обширную сферу влияния и продолжительное воздействие на мир, воздействие, которого бы никогда не смогли оказать ни учения об откровении (как таковые), ни вера в чудо, ни объединенный глас многих верующих, потому что оно не было бы тогда почерпнуто из самой души человека и оставалось бы, следовательно, всегда чуждым ему.

Действительно, в нас есть нечто такое, чем мы никогда не перестанем восхищаться, обратив однажды на него свое внимание, и вместе с тем это и есть то самое, что придает *человечеству* в идее такую степень достоинства, которую в *человеке* как предмете опыта невозможно было предположить. То, что мы посредством нашего разума подчинены моральным законам и предназначены к их соблюдению, жертвуя даже всеми теми жизненными благами, которые противоречат им, – этому никто не удивляется, потому что следование этим самым законам заложено объективно в естественном порядке вещей как объекте чистого разума, не дожидаясь, когда обычный здравый рассудок спросит, откуда могут к нам прийти эти законы, чтобы, пока мы не узнаем их происхождения, быть может, отсрочить их исполнение или даже усомниться в их истинности. Но то, что мы с нашей чувственной природой *способны* приносить столь

wollen, ist, weil die Idee von dieser bloß in der Vernunft liegt, eine sich selbst widersprechende Anmaßung. – Also ist hier eine Aufgabe sammt ihrer Auflösung ohne irgend einen möglichen Beweis; woraus denn auch nie etwas Vernünftiges gemacht werden wird.

Es kommt nun noch darauf an, nachzusuchen, ob die Bibel nicht noch ein anderes Princip der Auflösung jenes Spenerischen Problems, als die zwei angeführte sectenmäßige enthalte, welches die Unfruchtbarkeit des kirchlichen Grundsatzes der bloßen Orthodoxie ersetzen könne. In der That ist nicht allein in die Augen fallend, daß ein solches in der Bibel anzutreffen sei, sondern auch überzeugend gewiß, daß nur durch dasselbe und das in diesem Princip enthaltene Christenthum dieses Buch seinen so weit ausgebreiteten Wirkungskreis und dauernden Einfluß auf die Welt hat erwerben können, eine Wirkung, die keine Offenbarungslehre (als solche), kein Glaube an Wunder, keine vereinigte Stimme vieler Bekenner je hervorgebracht hätte, weil sie nicht aus der Seele des Menschen selbst geschöpft gewesen wäre und ihm also immer hätte fremd bleiben müssen.

Es ist nämlich etwas in uns, was zu bewundern wir niemals aufhören können, wenn wir es einmal ins Auge gefaßt haben, und dieses ist zugleich dasjenige, was die *Menschheit* in der Idee zu einer Würde erhebt, die man am *Menschen* als Gegenstande der Erfahrung nicht vermuthen sollte. Daß wir den moralischen Gesetzen unterworfenen und zu deren Beobachtung selbst mit Aufopferung aller ihnen widerstreitenden Lebensannehmlichkeiten durch unsere Vernunft bestimmte Wesen sind, darüber wundert man sich nicht, weil es objectiv in der natürlichen Ordnung der Dinge als Objecte der reinen Vernunft liegt, jenen Gesetzen zu gehorchen: ohne daß es dem gemeinen und gesunden Verstande nur einmal einfällt, zu fragen, woher uns jene Gesetze kommen mögen, um vielleicht, bis wir ihren Ursprung wissen, die Befolgung derselben aufzuschieben, oder wohl gar ihre Wahrheit zu bezweifeln. – Aber daß wir auch das *Vermögen* dazu haben, der Moral mit unserer sinnlichen Natur so

большие жертвы морали и что мы *можем* это делать и прекрасно понимаем, что мы *должны* это делать – это превосходство в нас *сверхчувственного* человека над *чувственным*, того самого, по сравнению с которым (если дело дойдет до противостояния) последний ничто, хотя в своих собственных глазах он есть *все*, эта моральная, неотделимая от человечества способность в нас – предмет высочайшего *восхищения*, которое возрастает тем больше, чем дольше созерцаешь этот истинный (не надуманный) идеал: так что следует, вероятно, простить тех, кто, будучи введенным в заблуждение непостижимостью, считает это *сверхчувственное* в нас, так как оно все же практично, *сверхъестественным*, т.е. чем-то таким, что не находится в нашей власти и не принадлежит нам, а является, скорее, воздействием другого, высшего духа; в этом они, однако, глубоко заблуждаются; ибо в таком случае воздействие этой способности не могло бы быть нашим деянием и не могло бы быть приписано нам и, следовательно, способность к этому также не принадлежала бы нам. Использование идеи этой непостижимым образом живущей в нас способности и принятие ее близко к сердцу с ранней юности, а затем и в публичном общении содержит действительное решение упомянутой проблемы (нового человека); даже сама Библия, как кажется, не имела в виду ничего иного, т.е. не привлечь внимание к сверхъестественному опыту и мистическим чувствам, которые якобы произвели эту революцию, но указать на дух Христа, чтобы мы сделали его своим, как он продемонстрировал это в теории и на практике, или, вернее, ввиду того, что он (дух) изначально присутствует в нас в виде задатка, предоставить ему простор. Таковым и является библейское вероучение, находясь между *ортодоксизмом* и умерщвляющим разум *мистицизмом*, таким, каким оно может развиваться в нас посредством разума, а именно – с божественной силой воздействующим на сердца всех людей с целью их коренного улучшения и объединяющим их во всеобщей

große Opfer zu bringen, daß wir das auch *können*, wovon wir ganz leicht und klar begreifen, daß wir es *sollen*, diese Überlegenheit des *übersinnlichen* Menschen in uns über den *sinnlichen*, desjenigen, gegen den der letztere (wenn es zum Widerstreit kommt) nichts ist, ob dieser zwar in seinen eigenen Augen *Alles* ist, diese moralische, von der Menschheit unzertrennliche Anlage in uns ist ein Gegenstand der höchsten *Bewunderung*, die, je länger man dieses wahre (nicht erdachte) Ideal ansieht, nur immer desto höher steigt: so daß diejenigen wohl zu entschuldigen sind, welche, durch die Unbegreiflichkeit desselben verleitet, dieses *Übersinnliche* in uns, weil es doch praktisch ist, für *übernatürlich*, d. i. für etwas, was gar nicht in unserer Macht steht und uns als eigen zugehört, sondern vielmehr für den Einfluß von einem andern und höheren Geiste halten; worin sie aber sehr fehlen: weil die Wirkung dieses Vermögens alsdann nicht unsere That sein, mithin uns auch nicht zugerechnet werden könnte, das Vermögen dazu also nicht das unsrige sein würde. – Die Benutzung der Idee dieses uns unbegreiflicher Weise bewohnenden Vermögens und in Ansherzlegung derselben von der frühesten Jugend an und fernerhin im öffentlichen Vortrage enthält nun die ächte Auflösung jenes Problems (vom neuen Menschen), und selbst die Bibel scheint nichts anders vor Augen gehabt zu haben, nämlich nicht auf übernatürliche Erfahrungen und schwärmerische Gefühle hin zu weisen, die statt der Vernunft diese Revolution bewirken sollten: sondern auf den Geist Christi, um ihn, so wie er ihn in Lehre und Beispiel bewies, zu dem unsrigen zu machen, oder vielmehr, da er mit der ursprünglichen moralischen Anlage schon in uns liegt, ihm nur Raum zu verschaffen. Und so ist zwischen dem seelenlosen *Orthodoxism* und dem vernunfttödtenden *Mysticism* die biblische Glaubenslehre, so wie sie vermittelt der Vernunft aus uns selbst entwickelt werden kann, die mit göttlicher Kraft auf aller Menschen Herzen zur gründlichen Besserung hinwirkende und sie in einer allgemeinen

(хотя и незримой) церкви, основанной на *критичности* практического разума, истинным вероучением.

***

Однако то, для чего, собственно, сделано настоящее замечание, – это ответ на вопрос: может ли правительство дать согласие на предоставление религиозной секте статуса церкви; или: может ли оно (правительство), допуская и защищая такую секту, тем не менее не предоставлять ей упомянутой привилегии, не действуя тем самым вопреки своим собственным намерениям?

Если предположить (для чего есть основания), что вовсе не дело правительства заботиться о будущем блаженстве своих подданных и указывать им дорогу к нему (делать это оно должно предоставить им самим, подобно тому, как и сам правитель заимствует свою религию обычно у народа и его учителей), то цель его может быть одна – также и с помощью этого средства (церковной веры) получить послушных и моральных подданных.

И, наконец, оно не будет санкционировать *натурализм* (церковную веру без Библии), так как последний не располагает церковной формой, подвластной правительству, что противоречит условию. Библейская ортодоксальность, следовательно, есть то, к чему оно обязало бы публичных учителей народа и по отношению к которой эти последние вновь стали бы предметом обсуждения факультетов, которым есть до этого дело, иначе возникнет поповщина, то есть господство работников (Werkleute) церковной веры, управляющих народом по своему усмотрению. Но и *ортодоксизм*, т.е. мнение о достаточности церковной веры в качестве религии, оно не поддержит своим авторитетом, так как оно (мнение) принимает естественные принципы морали за второстепенное, тогда как они, напротив, являются главной опорой, на которую должно рассчитывать правительство, если оно хочет внушить к себе доверие

(obzwar unsichtbaren) Kirche vereinigende, auf dem *Kriticism* der praktischen Vernunft gegründete wahre Religionslehre.

***

Das aber, worauf es in dieser Anmerkung eigentlich ankommt, ist die Beantwortung der Frage: ob die Regierung wohl einer Secte des Gefühlglaubens die Sanction einer Kirche könne angedeihen lassen; oder ob sie eine solche zwar dulden und schützen, mit jenem Prärogativ aber nicht beehren könne, ohne ihrer eigenen Absicht zuwider zu handeln.

Wenn man annehmen darf (wie man es denn mit Grunde thun kann), daß es der Regierung Sache gar nicht sei, für die künftige Seligkeit der Unterthanen Sorge zu tragen und ihnen den Weg dazu anzuweisen (denn das muß sie wohl diesen selbst überlassen, wie denn auch der Regent selbst seine eigene Religion gewöhnlicher Weise vom Volk und dessen Lehrern her hat): so kann ihre Absicht nur sein, auch durch dieses Mittel (den Kirchenglauben) lenksame und moralisch-gute Unterthanen zu haben.

Zu dem Ende wird sie erstlich keinen *Naturalism* (Kirchenglauben ohne Bibel) sanctioniren, weil es bei dem gar keine dem Einfluß der Regierung unterworfenen kirchliche Form geben würde, welches der Voraussetzung widerspricht. – Die biblische Orthodoxy würde also das sein, woran sie die öffentliche Volkslehrer bände, in Ansehung deren diese wiederum unter der Beurtheilung der Facultäten stehen würden, die es angeht, weil sonst ein Pfaffenthum, d. i. eine Herrschaft der Werkleute des Kirchenglaubens, entstehen würde, das Volk nach ihren Absichten zu beherrschen. Aber den *Orthodoxism*, d. i. die Meinung von der Hinlänglichkeit des Kirchenglaubens zur Religion, würde sie durch ihre Autorität nicht bestätigen: weil diese die natürliche Grundsätze der Sittlichkeit zur Nebensache macht, da sie vielmehr die Hauptstütze ist, worauf die Regierung muß rechnen können, wenn sie in ihr Volk Vertrauen

народа*. И, наконец, менее всего оно сможет возвести в ранг публичной церковной веры мистицизм как мнение народа о том, что он сам способен приобщиться к сверхъестественному состоянию, так как он (мистицизм) вовсе не есть нечто общественное и находится, следовательно, совершенно вне сферы влияния правительства.

Заключение мира и прекращение спора факультетов

В спорах, которые касаются только чистого практического разума, философский факультет имеет бесспорно преимущественное право на свое слово, а также в том, что касается

---

* Единственно, что может интересовать государство в делах религии, так это то, что должны делать ее учителя, чтобы оно (государство) имело полезных граждан, хороших солдат и вообще верных подданных. Если же оно вознамерится внушать правоту регламентированных вероучений и соответствующих им средств милосердия, то оно (государство) может при этом потерпеть большую неудачу. Действительно, так как восприятие этих уставов является делом нетрудным, и для благомыслящего человека даже гораздо более легким, чем для благомыслящего, а моральное совершенствование образа мыслей, напротив, требует больших и долгих усилий, а в том, что касается этого, он научен лишь надеяться на свое блаженство, то он может и без особых колебаний (но осторожно) нарушать свой долг, потому что имеет под рукой надежное средство избежать справедливой кары (только он должен поторопиться) с помощью своей искренней веры во все таинства и усиленного использования средств милосердия. И, напротив, если упомянутое учение церкви имело бы своей непосредственной целью моральность, то суд его совести гласил бы по-другому, а именно: так как он не в состоянии искупить зло, которое совершил, то за это он должен держать ответ перед грядущим судьей, и предотвратить эту судьбу не в состоянии ни церковные средства, ни вымученная страхом вера, ни молитва (*desine fata deum flecti sperare precando*)⁵⁴. – При какой же вере государство будет чувствовать себя в большей безопасности?

setzen soll*. Endlich kann sie am wenigsten den Mysticism als Meinung des Volks, übernatürlicher Inspiration selbst theilhaftig werden zu können, zum Rang eines öffentlichen Kirchenglaubens erheben, weil er gar nichts Öffentliches ist und sich also dem Einfluß der Regierung gänzlich entzieht.

Friedens-Abschluß und Beilegung des Streits der Facultäten

In Streitigkeiten, welche blos die reine, aber praktische Vernunft angehen, hat die philosophische Facultät ohne Widerrede das Vorrecht, den Vortrag zu thun und, was

---

* Was den Staat in Religionsdingen allein interessiren darf, ist: wozu die Lehrer derselben anzuhalten sind, damit er nützliche Bürger, gute Soldaten und überhaupt getreue Unterthanen habe. Wenn er nun dazu die Einschärfung der Rechtgläubigkeit in statutarischen Glaubenslehren und eben solcher Gnadenmittel wählt, so kann er hiebei sehr übel fahren. Denn da das Annehmen dieser Statute eine leichte und dem schlechtgedenkenden Menschen weit leichtere Sache ist als dem Guten, dagegen die moralische Besserung der Gesinnung viel und lange Mühe macht, er aber von der ersteren hauptsächlich seine Seligkeit zu hoffen gelehrt worden ist, so darf er sich eben kein groß Bedenken machen, seine Pflicht (doch behutsam) zu übertreten (weil er ein unfehlbares Mittel bei der Hand hat, der göttlichen Strafgerechtigkeit (nur daß er sich nicht verspäten muß) durch seinen rechten Glauben an alle Geheimnisse und inständige Benutzung der Gnadenmittel zu entgehen; dagegen, wenn jene Lehre der Kirche geradezu auf die Moralität gerichtet sein würde, das Urtheil jenes Gewissens ganz anders lauten würde: nämlich daß, so viel er von dem Bösen, was er that, nicht ersetzen kann, dafür müsse er einem künftigen Richter antworten, und dieses Schicksal abzuwenden, vermöge kein kirchliches Mittel, kein durch Angst herausgedrängter Glaube, noch ein solches Gebet (*desine fata deum flecti sperare precando*). – Bei welchem Glauben ist nun der Staat sicherer?'

формальной стороны, вести процесс. Однако в том, что касается материальной стороны дела, то теологический факультет вправе занять более почетное председательское кресло, но не потому, что он может претендовать на большую осведомленность в делах разума, чем остальные, а потому, что это затрагивает важнейшую человеческую сторону жизни, и поэтому он носит звание *высшего* факультета (правда, только как *prima inter pares*)⁵⁵. – Но он толкует не согласно законам чистой и а priori познаваемой религии разума (так как в этом случае он был бы унижен и опущен до философской скамьи), а согласно *уставным* предписаниям веры, содержащимся в книге, предпочтительно называемой *Библией*, то есть в кодексе откровения заключенного много веков назад старого и нового союза людей с Богом, подтверждение подлинности которого как веры исторической (не моральной, так как последняя могла бы быть выведена и из философии) скорее следует ожидать более от того воздействия, которое оказывает чтение Библии на сердца людей, чем от критической проверки имеющихся доказательств содержащихся в ней учений и повествований, *толкование* которых также является уделом не естественного разума дилетантов, но проницательности книжников*.

* Римско-католическая система церковной веры более последовательна в отношении этого пункта (чтения Библии), чем протестантская. – Проповедник-реформат *Ла Коста* (La Coste)⁵⁶ говорит своим единоверцам: «Черпайте слово Божие из самого источника [Библии], где вы можете принять его чистым и неискаженным; но вы не должны найти в Библии ничего другого, кроме того, что мы там находим. – Итак, дорогие друзья, скажите нам лучше, что вы находите в Библии, чтобы мы напрасно там сами не искали, и в конце вы бы не объявили ложным толкованием то, что мы, как полагаем, нашли в ней». Католическая церковь выражается также более последовательно, когда говорит: «Вне лона церкви (католической) нет спасения», – чем протестантская, которая заявляет, что можно быть блаженным, даже будучи католиком. Если это так, говорит *Боссюэ*⁵⁷, то будет надежнее всего перейти на сторону первой. Ибо стать более блаженным, чем есть, не может требовать ни один человек.

das Formale betrifft, den Proceß zu *instruieren*; was aber das Materiale anlangt, so ist die theologische im Besitz den Lehnstuhl, der den Vorrang bezeichnet, einzunehmen, nicht weil sie etwa in Sachen der Vernunft auf mehr Einsicht Anspruch machen kann als die übrigen, sondern weil es die wichtigste menschliche Angelegenheit betrifft, und führt daher den Titel der *obersten* Facultät (doch nur als *prima inter pares*). – Sie spricht aber nicht nach Gesetzen der reinen und a priori erkennbaren Vernunftreligion (denn da würde sie sich erniedrigen und auf die philosophische Bank herabsetzen), sondern nach *statutarischen*, in einem Buche, vorzugsweise *Bibel* genannt, enthaltenen Glaubensvorschriften, d. i. in einem Codex der Offenbarung eines vor viel hundert Jahren geschlossenen alten und neuen Bundes der Menschen mit Gott, dessen Authenticität als eines Geschichtsglaubens (nicht eben des moralischen; denn der würde auch aus der Philosophie gezogen werden können) doch mehr von der Wirkung, welche die Lesung der Bibel auf das Herz der Menschen thun mag, als von mit kritischer Prüfung der darin enthaltenen Lehren und Erzählungen aufgestellten Beweisen erwartet werden darf, dessen *Auslegung* auch nicht der natürlichen Vernunft der Laien, sondern nur der Scharfsinnigkeit der Schriftgelehrten überlassen wird*.

* Im römisch-katholischen System des Kirchenglaubens ist diesen Punkt (das Bibellesen) betreffend mehr Consequenz als im protestantischen. – Der reformirte Prediger *La Coste* sagt zu seinen Glaubensgenossen: «Schöpft das göttliche Wort aus der Quelle (der Bibel) selbst, wo ihr es dann lauter und unverfälscht einnehmen könnt; aber ihr müßt ja nichts anders in der Bibel finden, als was wir darin finden. – Nun, lieben Freunde, sagt uns lieber, was ihr in der Bibel findet, damit wir nicht unnöthiger Weise darin selbst suchen und am Ende, was wir darin gefunden zu haben vermeinten, von euch für unrichtige Auslegung derselben erklärt werde.» – Auch spricht die katholische Kirche in dem Satze: Außer der Kirche (der katholischen) ist kein Heil, consequenter als die protestantische, wenn diese sagt: daß man auch als Katholik selig werden könne. Denn wenn das ist (sagt *Bossuet*), so wählt man ja am sichersten, sich zur ersteren zu schlagen. Denn noch seliger als selig kann doch kein Mensch zu werden verlangen.

Библейская вера является *мессианской* исторической верой, в основе которой лежит книга о союзе Бога с Авраамом, состоит она из *иудейско-мессианской* и *евангелическо-мессианской* церковной веры и рассказывает о происхождении и судьбах божьего народа настолько полно, что ею затронута все, начиная с того, что в мировой истории вообще является наиглавнейшим, а именно – с начала мира (в генезисе), при котором не присутствовало ни одного человека, и завершая концом всего сущего (апокалипсисом), описание чего, разумеется, можно было ожидать не иначе, как от автора, инспирированного самим Господом; правда, здесь возникает все же сомнительное таинство чисел относительно священной хронологии, которое несколько ослабляет веру в аутентичность этого библейского *повествования**.

* 70 апокалиптических месяцев (их в этом цикле четыре), приходящихся на каждые 29,5 лет, дают год 2065. Если из этого числа вычитать каждые 49-летние годы как годы большой субботы (их в этом периоде 42), то получится как раз число 2023, т.е. год, когда Авраам отправился из страны Ханаан, подарившей ему Господом, в Египет. С тех пор и до заселения этой страны детьми Израилевыми насчитывается 70 апокалиптических недель (=490 лет), так что, умножив эти годовые недели на 4 (=1960 лет) и сложив их с числом 2023, получаем, согласно расчетам П. Петая⁵⁸, с точностью до года дату рождения Христа (=3983). Однако Бенгель⁵⁹ в своем «Порядке времени» (Ordine temporum pag. 9 it p. 218 и след.) указывает в качестве даты рождения Христа год 3939. Впрочем, от этого ничего не меняется относительно священности числа «семь» (numerus septenarius). Ибо число лет, прошедших со дня призыва Господа к Аврааму и до рождения Иисуса Христа, равняется числу 1960, содержащему 4 апокалиптических периода по 490 лет каждый или даже 40 апокалиптических периодов, если число 7 умножить на 7 (=49). Если же из каждого 9-го и 40-го вычесть по *большому* субботнему году, а из каждого *наибольшего* субботнего года, равного 490 годам, вычесть еще по одному году (всего 44 года), то получается как раз число 3939. Следовательно, годы 3983 и 3939 как различные даты рождения Христа отличаются следующим: последнее число получается, если из первого числа вычесть числа,

Der biblische Glaube ist ein *messianischer* Geschichtsglaube, dem ein Buch des Bundes Gottes mit Abraham zum Grunde liegt, und besteht aus einem *mosaisch-messianischen* und einem *evangelisch-messianischen* Kirchenglauben, der den Ursprung und die Schicksale des Volks Gottes so vollständig erzählt, daß er, von dem, was in der Weltgeschichte überhaupt das oberste ist, und wobei kein Mensch zugegen war, nämlich dem Weltanfang (in der Genesis), anhebend, sie bis zum Ende aller Dinge (in der Apokalypsis) verfolgt, – welches freilich von keinem Andern, als einem göttlich-inspirierten Verfasser erwartet werden darf; – wobei sich doch eine bedenkliche Zahlen-Kabbala in Ansehung der wichtigsten Epochen der heiligen Chronologie darbietet, welche den Glauben an die Authenticität dieser biblischen *Geschichtserzählung* etwas schwächen dürfte*.

* 70 apokalyptische Monate (deren es in diesem Cyklus 4 giebt), jeden zu 29 1/2 Jahren, geben 2065 Jahr. Davon jedes 49ste Jahr, als das große Ruhejahr, (deren in diesem Zeitlaufe 42 sind) abgezogen: bleiben gerade 2023, als das Jahr, da Abraham aus dem Lande Kanaan, das ihm Gott geschenkt hatte, nach Ägypten ging. – Von da an bis zur Einnahme jenes Landes durch die Kinder Israel 70 apokalyptische Wochen (=490 Jahr) – und so 4mal solcher Jahrwochen zusammengezählt (=1960) und mit 2023 addirt, geben nach P. Petau's Rechnung das Jahr der Geburt Christi (=3983) so genau, daß auch nicht ein Jahr daran fehlt. – Siebzig Jahr hernach die Zerstörung Jerusalems (auch eine mystische Epoche). – Aber *Bengel*, in ordine temporum pag. 9. P. 218 seqq., bringt 3939 als die Zahl der Geburt Christi heraus? Aber das ändert nichts an der Heiligkeit des Numerus septenarius. Denn die Zahl der Jahre vom Rufe Gottes an Abraham bis zur Geburt Christi ist 1960, welches 4 apokalyptische Perioden austrägt, jeden zu 490, oder auch 40 apok. Perioden, jeden zu 7 mal 7 = 49 Jahr. Zieht man nun von jedem neunundvierzigsten das *große Ruhejahr* und von jedem *größten* Ruhejahr, welches das 490ste ist, eines ab (zusammen 44), so bleibt gerade 3939. – Also sind die Jahreszahlen 3983 und 3939, als das verschieden angegebene Jahr der Geburt Christi, nur darin unterschieden: daß die letztere entspringt, wenn in der Zeit der ersteren das,

Свод законов, выведенный не из человеческого разума, но полностью совпадающий с ним как разумом морально-практическим по своей конечной цели *предписывающей* (следовательно, происходящей из откровения) божественной воли, – Библия – был бы самым мощным руководством человека и гражданина в [его движении] к преходящему и вечному благу, если бы она была только засвидетельствована как Божественное Слово, а подлинность последнего была бы подтверждена документально. Однако этому препятствует множество обстоятельств.

В самом деле, если бы Бог действительно обращался со своим словом к человеку, то последний никогда бы не мог *знать*, что тот, кто говорит с ним, – Бог. Совершенно невозможно, чтобы человек с помощью своих чувств мог постичь бесконечную сущность, отличать ее от конечных сущностей и по этим признакам *распознавать* ее. Но то, что тот, чей голос, как ему кажется, он слышит, *не* может быть Богом, в этом он может в некоторых случаях вполне быть убежден; ибо если то, что этот голос ему вещает, не согласуется с моральным законом,

относящиеся к 4 большим периодам, т.е. оно уменьшится на число субботних лет. Итак, согласно *Бенгелю*, даты священной истории выйдут следующим образом:

2023: извещение Аврааму о том, что он является владельцем земли Ханаан;

2502: вступление во владение этой землей;

2981: освящение первого храма;

3460: отдача приказа о строительстве второго храма;

3939: рождение Иисуса Христа.

Таким образом априори может быть вычислен и год потопа, а именно: 4 эпохи по 490 лет ($=70 \times 7$) дают число 1960. Вычитаем из этого числа каждое седьмое ($=280$) и получаем число 1680. Вычитаем из него каждое седьмое ($=24$), получаем число 1656 как год потопа. От него до возвещения Аврааму – 366 полных лет, из них один високосный.

Что же можно сказать в этой связи? Неужели священные числа определяли историю? «*Cyclus iobiliaeus...*» *Франка*⁶⁰ также вращается вокруг этого центрального пункта мистической хронологии.

Ein Gesetzbuch des nicht aus der menschlichen Vernunft gezogenen, aber doch mit ihr, als moralisch-praktischer Vernunft, dem Endzwecke nach vollkommen einstimmigen *statutarischen* (mithin aus einer Offenbarung hervorgehenden) göttlichen Willens, die Bibel, würde nun das kräftigste Organ der Leitung des Menschen und des Bürgers zum zeitlichen und ewigen Wohl sein, wenn sie nur als Gottes Wort beglaubigt und ihre Authenticität documentirt werden könnte. – Diesem Umstande aber stehen viele Schwierigkeiten entgegen.

Denn wenn Gott zum Menschen wirklich spräche, so kann dieser doch niemals *wissen*, daß es Gott sei, der zu ihm spricht. Es ist schlechterdings unmöglich, daß der Mensch durch seine Sinne den Unendlichen fassen, ihn von Sinnenwesen unterscheiden und ihn woran *kennen* solle. – Daß es aber *nicht* Gott sein könne, dessen Stimme er zu hören glaubt, davon kann er sich wohl in einigen Fällen überzeugen; denn wenn das, was ihm durch sie geboten wird, dem moralischen Gesetz zuwider ist,

was zur Zeit der 4 großen Epochen gehört, um die Zahl der Ruhejahre vermindert wird. Nach *Bengel*n würde die Tafel der heil. Geschichte so aussehen:

2023: Verheißung an Abraham, das Land Kanaan zu besitzen;

2502: Besitzerlangung desselben;

2981: Einweihung des ersten Tempels;

3460: Gegebener Befehl zur Erbauung des zweiten Tempels;

3939: Geburt Christi.

Auch das Jahr der Sündfluth läßt sich so a priori ausrechnen. Nämlich 4 Epochen zu 490 (= 70mal7) Jahr machen 1960. Davon jedes 7te (= 280) abgezogen, bleiben 1680. Von diesen 1680 jedes darin enthaltene 70ste Jahr abgezogen (= 24), bleiben 1656, als das Jahr der Sündfluth. – Auch von dieser bis zum R. G. an Abraham sind 366 volle Jahre, davon eins ein Schaltjahr ist.

Was soll man nun hiezu sagen? Haben die heiligen Zahlen etwa den Weltlauf bestimmt? – *Frank's* Cyclus iobiliaeus dreht sich ebenfalls um diesen Mittelpunkt der mystischen Chronologie herum.

то каким бы величественным ни казалось человеку его [Господа] явление и как бы оно ни казалось ему стоящим выше природы, человек должен принимать его за видимость [иллюзию]*.

Подлинность [Beglaubigung] Библии, служащей в теории и на практике нормой евангельско-мессианской веры, не может проистекать из божественной просветленности ее создателя (ибо он был всегда человеком, подверженным возможному заблуждению), а из воздействия ее содержания на моральность народа, через учителей из самого этого народа, идиотов (в науке), следовательно, из чистого источника всеобщей, каждому простому человеку присущей религии из разума [Vernunftreligion], которая в силу именно этой простоты могла оказать на душу его столь широкое и сильное влияние. Библия была инструментом ее, с помощью определенных уставных предписаний она придавала религиозной практике в гражданском обществе как правящей инстанции *форму*, а аутентичность этого свода законов как божественного (свода всех наших обязанностей как божественных заповедей) подтверждает, следовательно, и документирует себя в том, что касается духа (морали) его; что же касается формального (уставного), то формулировки в этой книге не нуждаются ни в каком свидетельстве, потому что они не относятся к существу [principale], а всего лишь к приходящим [вещам] (accessorium) его. Но основывать происхождение этой книги на боговдохновении ее авторов (deus ex machina) для того, чтобы освятить в том числе и несущественные положения ее, – это должно скорее подрывать доверие к ее моральной ценности, чем способствовать ему.

* Примером тому может служить миф о жертве, которую Авраам по приказу Господа намеревался принести, убив и предав огню своего единственного сына. (Бедный мальчик, не зная этого, собирал еще дрова для костра.) Авраам должен был бы сказать в ответ на этот голос следующее: «То, что я не должен убивать своего доброго сына, совершенно очевидно, а то, что ты, являющийся мне, есть Бог, в этом я не уверен и не могу быть уверен даже в случае, если бы он (голос) раздался со зримых небес».

so mag die Erscheinung ihm noch so majestätisch und die ganze Natur überschreitend dünken: er muß sie doch für Täuschung halten*.

Die Beglaubigung der Bibel nun, als eines in Lehre und Beispiel zur Norm dienenden evangelisch-messianischen Glaubens, kann nicht aus der Gottesgelahrtheit ihrer Verfasser (denn der war immer ein dem möglichen Irrthum ausgesetzter Mensch), sondern muß aus der Wirkung ihres Inhalts auf die Moralität des Volks von Lehrern aus diesem Volk selbst, als Idioten (im Wissenschaftlichen), an sich, mithin als aus dem reinen Quell der allgemeinen, jedem gemeinen Menschen beiwohnenden Vernunftreligion geschöpft betrachtet werden, die eben durch diese Einfalt auf die Herzen desselben den ausgebreitetsten und kräftigsten Einfluß haben mußte. – Die Bibel war das Vehikel derselben vermitteltst gewisser statutarischer Vorschriften, welche der Ausübung der Religion in der bürgerlichen Gesellschaft eine *Form* als einer Regierung gab, und die Authenticität dieses Gesetzbuchs als eines göttlichen (des Inbegriffs aller unserer Pflichten als göttlicher Gebote) beglaubigt also und documentirt sich selbst, was den Geist desselben (das Morali-sche) betrifft; was aber den Buchstaben (das Statutarische) desselben anlangt, so bedürfen die Satzungen in diesem Buche keiner Beglaubigung, weil sie nicht zum wesentlichen (principale), sondern nur zum Beigesellten (accessorium) desselben gehören. – Den Ursprung aber dieses Buchs auf Inspiration seiner Verfasser (deus ex machina) zu gründen, um auch die unwesentliche Statute desselben zu heiligen, muß eher das Zutrauen zu seinem moralischen Werth schwächen, als es stärken.

* Zum Beispiel kann die Mythe von dem Opfer dienen, das Abraham auf göttlichen Befehl durch Abschachtung und Verbrennung seines einzigen Sohnes (das arme Kind trug unwissend noch das Holz hinzu) – bringen wollte. Abraham hätte auf diese vermeinte göttliche Stimme antworten müssen: «Daß ich meinen guten Sohn nicht tödten sollte, ist ganz gewiß; daß aber du, der du mir erscheinst, Gott sei, davon bin ich nicht gewiß und kann es auch nicht werden», wenn sie auch vom (sichtbaren) Himmel herabschallte.

Документальное засвидетельствование этого писания как божественного не может быть почерпнуто из истории, а только из испытанной способности последнего учреждать религию в человеческом сердце, а если бы оно по причине определенных уставов (старых или новых) претерпело бы искажение, то в силу одной своей простоты могло возрождаться вновь во всей своей чистоте; но и даже после этого оно не перестало бы оставаться делом *природы* и результатом прогресса моральной культуры в общем ходе *провидения* и должно быть объяснено как таковое с тем, чтобы существование этой книги не могло быть по причине *неверия* приписано голому случаю или, в силу *предрассудков*, какому-либо *чуду*, но чтобы в обоих случаях разум достиг своего берега.

Вывод отсюда следующий:

Библия сама содержит в себе достаточное в практическом отношении основание [символа] веры в ее моральную божественность благодаря влиянию, которое она издавна имела как текст систематического вероучения, будь то в форме катехизисного или гомилетического⁶¹ доклада, на сердца людей, чтобы сохранить его в качестве средства не только всеобщей и внутренней разумной религиозности, но и как завещание (Новый Завет) статутарного, рассчитанного на необозримый период времени религиозного руководства, даже если с теоретической точки зрения для ученых, занимающихся поисками теоретических и исторических истоков ее происхождения, или для критического обсуждения истории в той или иной мере не найдется достаточных доказательств. *Божественность* ее морального содержания в достаточной мере воздает должное разуму человечеству своего исторического повествования, текст которого, подобно древнему пергаменту, подчас трудно разобрать, и он должен быть понят посредством более пристального внимания и интуиции в контексте целого, и все же с полным правом можно констатировать следующее: Библия заслуживает того, чтобы она так, *как будто бы она есть откровение Бога*, хранилась, использовалась как средство воспитания морали и служила религии в качестве ее руководства.

Die Beurkundung einer solchen Schrift, als einer göttlichen, kann von keiner Geschichtserzählung, sondern nur von der erprobten Kraft derselben, Religion in menschlichen Herzen zu gründen und, wenn sie durch mancherlei (alte oder neue) Satzungen verunartet wäre, sie durch ihre Einfalt, selbst wieder in ihre Reinigkeit herzustellen, abgeleitet werden, welches Werk darum nicht aufhört, Wirkung der *Natur* und Erfolg der fortschreitenden moralischen Cultur in dem allgemeinen Gange der *Vorsehung* zu sein, und als eine solche erklärt zu werden bedarf, damit die Existenz dieses Buchs nicht *ungläubisch* dem bloßen Zufall, oder *abergläubisch* einem *Wunder* zugeschrieben werde, und die Vernunft in beiden Fällen auf den Strand gerathe.

Der Schluß hieraus ist nun dieser:

Die Bibel enthält in sich selbst einen in praktischer Absicht hinreichenden Beglaubigungsgrund ihrer (moralischen) Göttlichkeit durch den Einfluß, den sie als Text einer systematischen Glaubenslehre von jeher sowohl in katechetischem als homiletischem Vortrage auf das Herz der Menschen ausgeübt hat, um sie als Organ nicht allein der allgemeinen und inneren Vernunftreligion, sondern auch als Vermächtniß (neues Testament) einer statutarischen, auf unabsehbare Zeiten zum Leitfaden dienenden Glaubenslehre aufzubehalten: es mag ihr auch in theoretischer Rücksicht für Gelehrte, die ihren Ursprung theoretisch und historisch nachsuchen, und für die kritische Behandlung ihrer Geschichte an Beweisthütern viel oder wenig abgehen. – Die *Göttlichkeit* ihres moralischen Inhalts entschädigt die Vernunft hinreichend wegen der Menschlichkeit der Geschichtserzählung, die, gleich einem alten Pergamente hin und wieder unleserlich, durch Accommodationen und Conjecturen im Zusammenhange mit dem Ganzen muß verständlich gemacht werden, und berechtigt dabei doch zu dem Satz: daß die Bibel, *gleich ob sie eine göttliche Offenbarung wäre*, aufbewahrt, moralisch benutzt und der Religion als ihr Leitmittel untergelegt zu werden verdiene.

Дерзость гениев духа, которые мнят, что переросли это руководство церковной веры, будь то теофилантропы, проповедующие в общественных, предназначенных для этого храмах, или мистики, предающиеся при свете лампы внутренним откровениям, вскоре заставит правительство пожалеть о своем им послаблении, о том, что оно пренебрегло этим мощным средством установления и наведения гражданского порядка и спокойствия, отдав его в легкомысленные руки. Не следует также ожидать, что если Библия, которую мы имеем, потеряет кредит доверия, то на ее место придет другая; ибо публичное чудо в одном и том же деле не может повториться дважды, потому что несостоятельность прежней в том, что касается долговечности, полностью лишает последующую всякого доверия; хотя, с другой стороны, не стоит обращать внимания и на вопли *бьющих тревогу* [Alarmisten] (что государство в опасности), если в каких-то библейских уставах, делающих упор преимущественно на формальное, нежели на внутреннее религиозное содержание Писания, будет звучать критика в адрес ее авторов, потому что запрет на проверку какого-либо учения противоречит свободе вероисповедания. Но то, что вера в историю есть долг и она сопричастна блаженству, – это предрассудок^{*}.

^{*} *Предрассудок* есть склонность оказывать тому, что происходит естественным образом, большее доверие, чем это можно объяснить естественными законами, – будь то [сфера] физического или морального. Можно, следовательно, поставить вопрос так: должна ли служить вера в Библию (как эмпирическая вера) учителю в качестве руководства, или, напротив, таким руководством должна служить мораль (как чистая разумная или религиозная вера)? Другими словами: является ли это учение учением Бога потому, что оно изложено в Библии, или оно содержится в Библии, потому что оно от Бога? Первый вопрос явно непоследователен, потому что он предполагает наличие божественного авторитета у Библии, чтобы доказать божественность учения этой книги. Следовательно, только второй вопрос правомерен, который, однако, не может быть доказан (*supernaturalium non datur scientia*)⁶². Вот пример этому. Ученики иудейско-мессиянской веры увидели полную несбыточность своей надежды на союз Господа с Авраамом

Die Keckheit der Kraftgenies, welche diesem Leitbände des Kirchenglaubens sich jetzt schon entwachsen zu sein wähnen, sie mögen nun als Theophilanthropen in öffentlichen dazu errichteten Kirchen, oder als Mystiker bei der Lampe innerer Offenbarungen schwärmen, würde die Regierung bald ihre Nachsicht bedauern machen, jenes große Stiftungs- und Leitungsmittel der bürgerlichen Ordnung und Ruhe vernachlässigt und leichtsinnigen Händen überlassen zu haben. – Auch ist nicht zu erwarten, daß, wenn die Bibel, die wir haben, außer Credit kommen sollte, eine andere an ihrer Stelle emporkommen würde; denn öffentliche Wunder machen sich nicht zum zweitenmale in derselben Sache: weil das Fehlschlagen des vorigen in Absicht auf die Dauer dem folgenden allen Glauben benimmt; – wiewohl doch auch andererseits auf das Geschrei der *Alarmisten* (das Reich ist in Gefahr) nicht zu achten ist, wenn in gewissen Statuten der Bibel, welche mehr die Förmlichkeiten als den inneren Glaubensgehalt der Schrift betreffen, selbst an den Verfassern derselben einiges gerügt werden sollte: weil das Verbot der Prüfung einer Lehre der Glaubensfreiheit zuwider ist. – Daß aber ein Geschichtsglaube Pflicht sei und zur Seligkeit gehöre, ist Aberglaube^{*}.

^{*} *Aberglaube* ist der Hang in das, was als nicht natürlicher Weise zugehend vermeint wird, ein größeres Vertrauen zu setzen, als was sich nach Naturgesetzen erklären läßt – es sei im Physischen oder Moralischen. – Man kann also die Frage aufwerfen: ob der Bibelglaube (als empirischer), oder ob umgekehrt die Moral (als reiner Vernunft= und Religionsglaube) dem Lehrer zum Leitfaden dienen solle; mit anderen Worten: ist die Lehre von Gott, weil sie in der Bibel steht, oder steht sie in der Bibel, weil sie von Gott ist? – Der erstere Satz ist augenscheinlich inconsequent: weil das göttliche Ansehen des Buchs hier vorausgesetzt werden muß, um die Göttlichkeit der Lehre desselben zu beweisen. Also kann nur der zweite Satz Statt finden, der aber schlechterdings keines Beweises fähig ist (*Supernaturalium non datur scientia*). – Hievon ein Beispiel. Die Jünger des mosaisch=messianischen Glaubens sahen ihre Hoffnung aus dem Bunde Gottes mit Abraham

От искусства толкования Библии (*hermeneutica sacra*), так как оно не может быть отдано в руки любителей (ибо оно имеет отношение к научной системе), может быть востребовано только то, что касается формального [*statutarisch*] в религии, чтобы толкователь объявил, должно ли понимать его высказывание как *аутентичное* или как *доктринальное*. В первом случае толкование должно полностью отвечать (филологически) замыслу автора. Во втором, однако, автору предоставляется свобода вкладывать в соответствующее место тот смысл (философский), который оно получает при истолковании для морально-практической цели (для укрепления ученика [в вере]), ибо вера в простое историческое изречение мертва в самой себе. Допустим, что первое в определенном прагматическом отношении может быть достаточно важным для книжников и косвенно также и для народа, однако действительная цель религиозного учения – воспитывать морально лучших людей – может быть при этом не только не достигнута,

после смерти Иисуса Христа (мы надеялись, что он спасет Израиль), ибо только детям Авраама обещалось в их Библии спасение. И вот случилось однажды то, что, когда ученики собрались на Пасху, одному из них пришла счастливая мысль, достойная остроумного еврейского искусства истолкования, что и язычников (греков и римлян) следует рассматривать состоящими в этом союзе, если они поверят в жертву, которую Авраам в лице своего сына хотел принести Господу (как воплощение единой жертвы спасителя мира). Ибо в этом случае они были бы детьми Авраама по вере (сначала с помощью обрезания, а затем и без него). Неудивительно, что это открытие, провозгласившее при большом стечении народа необозримые перспективы, было встречено величайшим ликованием, как будто бы оно было непосредственным воздействием святого духа и рассматривалось как чудо и как таковое вошло в апостольскую историю, согласно которой, однако, вера в него (открытие) как факт к религии не относится, и вера эта навязывается естественному человеческому разуму. Итак, вызванное страхом принятие подобной церковной веры как якобы необходимое для блаженства есть суеверие.

Von der biblischen *Auslegungskunst* (*hermeneutica sacra*), da sie nicht den Laien überlassen werden kann (denn sie betrifft ein wissenschaftliches System), darf nun lediglich in Ansehung dessen, was in der Religion statutarisch ist, verlangt werden: daß der Ausleger sich erkläre, ob sein Ausspruch als *authentisch*, oder als *doctrinal* verstanden werden solle. – Im ersteren Falle muß die Auslegung dem Sinne des Verfassers buchstäblich (*philologisch*) angemessen sein; im zweiten aber hat der Schriftsteller die Freiheit, der Schriftstelle (*philosophisch*) denjenigen Sinn unterzulegen, den sie in moralisch-praktischer Absicht (zur Erbauung des Lehrlings) in der Exegese annimmt; denn der Glaube an einen bloßen Geschichtssatz ist todt an ihm selber. – Nun mag wohl die erstere für den Schriftgelehrten und indirect auch für das Volk in gewisser pragmatischen Absicht wichtig genug sein, aber der eigentliche Zweck der Religionslehre, moralisch bessere Menschen zu bilden, kann auch dabei nicht allein verfehlt,

nach Jesu Tode ganz sinken (wir hofften, er würde Israel erlösen); denn nur den Kindern Abrahams war in ihrer Bibel das Heil verheißen. Nun trug es sich zu, daß, da am Pfingstfeste die Jünger versammelt waren, einer derselben auf den glücklichen, der subtilen jüdischen Auslegungskunst angemessenen Einfall gerieth, daß auch die Heiden (Griechen und Römer) als in diesen Bund aufgenommen betrachtet werden könnten: wenn sie an das Opfer, welches Abraham Gotte mit seinem einzigen Sohne bringen wollte (als dem Sinnbilde des einigen Opfers des Weltheilandes) glaubten; denn da wären sie Kinder Abrahams im Glauben (zuerst unter, dann aber auch ohne die Beschneidung). es ist kein Wunder, daß diese Entdeckung, die in einer großen Volksversammlung eine so unermessliche Aussicht eröffnete, mit dem größten Jubel, und als ob sie unmittelbare Wirkung des heil. Geistes gewesen wäre, aufgenommen und für ein Wunder gehalten wurde und als ein solches in die biblische (Apostel=)Geschichte kam, bei der es aber gar nicht zur Religion gehört, sie als Factum zu Glauben und diesen Glauben der natürlichen Menschenvernunft aufzudringen. Der durch Furcht abgenöthigte Gehorsam in Ansehung eines solchen Kirchenglaubens, als zur Seligkeit erforderlich, ist also Aberglaube.

но и, вероятно, даже невозможна. Действительно, святые писатели, будучи людьми, могли, возможно, и ошибаться (если не брать во внимание проходящее красной нитью через всю Библию чудодействие), как, например, святой *Павел* со своим выбором милости, который он наивно переносит из иудейско-мессианского вероучения в евангелическое, хотя он находится в большом смущении относительно отверженности определенного числа людей еще до их рождения, и, таким образом, если понимать герменевтику книжников как постоянно выпадающее на долю истолкователя откровение, вынужден все время наносить божественности религии ущерб. Итак, только *доктринальное* истолкование, не требующее знания (эмпирического) того, какой смысл связывал святой автор со своими словами, а то, что разум может (a priori), имея в виду моральную сторону, в связи с тем или иным местом в тексте Библии вложить в учение, есть единственный евангельско-библейский метод просвещения народа относительно истинной внутренней и всеобщей религии, которая отлична от партикулярной церковной веры как веры исторической; причем все должно происходить честно и открыто, без обмана, в противном случае народ, имея историческую веру, доказать которую себе из него никто не в состоянии, вместо моральной (единственно спасительной) и понятной каждому, *обманутый* в своем ожидании (которое он должен иметь) может обвинить своего учителя.

В отношении религии народа, научившегося чтить Священное Писание, лишь доктринальное истолкование его, имеющее в виду его (народа) моральный интерес – очищения, нравственного совершенства, а тем самым обретения состояния блаженства (Seligwerdung) – является одновременно и аутентичным, т.е. именно так Господь хотел, чтобы была понята его воля, выраженная в форме откровения в Библии. Ибо речь здесь идет не о гражданском, держащем народ в узде (политическом) правлении, а о правлении, имеющем целью формирование внутреннего морального (следовательно, божественного) образа мыслей. Бог, говорящий с нами посредством нашего собственного (морально-практического) разума, является единственно правдивым,

sondern wohl gar verhindert werden. – Denn die heilige Schriftsteller können als Menschen auch geirrt haben (wenn man nicht ein durch die Bibel beständig fortlaufendes Wunder annimmt), wie z. B. der h. *Paul* mit seiner Gnadenwahl, welche er aus der mosaich-messianischen Schriftlehre in die evangelische treuherzig überträgt, ob er zwar über die Unbegreiflichkeit der Verwerfung gewisser Menschen, ehe sie noch geboren waren, sich in großer Verlegenheit befindet und so, wenn man die Hermeneutik der Schriftgelehrten als continuirlich dem Ausleger zu Theil gewordene Offenbarung annimmt, der Göttlichkeit der Religion beständig Abbruch thun muß. – Also ist nur die *doctrinale* Auslegung, welche nicht (empirisch) zu wissen verlangt, was der heilige Verfasser mit seinen Worten für einen Sinn verbunden haben mag, sondern was die Vernunft (a priori) in moralischer Rücksicht bei Veranlassung einer Spruchstelle als Text der Bibel für eine Lehre unterlegen kann, die einzige evangelisch-biblische Methode der Belehrung des Volks in der wahren, inneren und allgemeinen Religion, die von dem particulären Kirchenglauben als Geschichtsglauben – unterschieden ist; wobei dann alles mit Ehrlichkeit und Offenheit, ohne Täuschung zugeht, da hingegen das Volk, mit einem Geschichtsglauben, den keiner desselben sich zu beweisen vermag, statt des moralischen (allein seligmachenden), den ein jeder faßt, in seiner Absicht (die es haben muß) *getäuscht*, seinen Lehrer anklagen kann.

In Absicht auf die Religion eines Volks, das eine heilige Schrift zu verehren gelehrt worden ist, ist nun die doctrinale Auslegung derselben, welche sich auf sein (des Volks) moralisches Interesse – der Erbauung, sittlichen Besserung und so der Seligwerdung – bezieht, zugleich die authentische: d. i. so will Gott seinen in der Bibel geoffenbarten Willen verstanden wissen. Denn es ist hier nicht von einer bürgerlichen, das Volk unter Disciplin haltenden (politischen), sondern einer auf das Innere der moralischen Gesinnung abzweckenden (mithin göttlichen) Regierung die Rede. Der Gott, der durch unsere eigene (moralisch-praktische) Vernunft spricht, ist ein untrüglicher,

всем понятным истолкователем этого своего слова, и другого (скажем, исторического) в такой степени достоверного интерпретатора его слова просто не может быть, потому что религия есть лишь дело чистого разума.

* * *

Таким образом, на теологов факультета возложена обязанность и вместе с тем право поддерживать веру в Библию, однако подвергать ее в любое время критике разума без ущемления свободы философов, которые в случае диктатуры (религиозного эдикта), предоставленной хотя бы на короткий срок упомянутому высшему [факультету], могут самым лучшим образом обезопасить себя с помощью следующей торжественной формулы: «Provideant consules, ne quid Respublica detrimenti capiat»⁶³.

Приложение библейско-исторических вопросов
о практическом использовании и возможной
долговечности этой Священной Книги

То, что при всей изменчивости мнений эта книга еще долгое время будет пользоваться авторитетом – тому порукой выступает мудрость правительства, заинтересованность которого в мире и спокойствии народа в государстве тесно с ней связана. Однако поручиться за ее вечность, или хилиастически дать ей возможность войти в новое царство Господа на Земле, – это полностью выше нашей способности к предсказанию. Что же произойдет, если церковная вера – этот великий путеводитель народа – однажды окажется ненужной?

Кто является редактором библейских книг (Старого и Нового Завета), и когда был создан канон?

Будет ли необходимость в антикварно-филологических знаниях в деле сохранения однажды принятой нормы вероисповедания, или разум будет в состоянии сам по себе когда-либо

allgemein verständlicher Ausleger dieses seines Worts, und es kann auch schlechterdings keinen anderen (etwa auf historische Art) beglaubigten Ausleger seines Worts geben: weil Religion eine reine Vernunftsache ist.

* * *

Und so haben die Theologen der Facultät die Pflicht auf sich, mithin auch die Befugniß, den Bibelglauben aufrecht zu erhalten: doch unbeschadet der Freiheit der Philosophen, ihn jederzeit der Kritik der Vernunft zu unterwerfen, welche im Falle einer Dictatur (des Religionsedicts), die jener oberen etwa auf kurze Zeit eingeräumt werden dürfte, sich durch die solenne Formel bestens verhalten: Provideant consules, ne quid respublica detrimenti capiat.

Anhang biblisch-historischer Fragen

über die praktische Benutzung und muthmaßliche Zeit
der Fortdauer dieses heiligen Buchs

Daß es bei allem Wechsel der Meinungen noch lange Zeit im Ansehen bleiben werde, dafür bürgt die Weisheit der Regierung, als deren Interesse in Ansehung der Eintracht und Ruhe des Volks in einem Staat hiemit in enger Verbindung steht. Aber ihm die Ewigkeit zu verbürgen, oder auch es chiliastisch in ein neues Reich Gottes auf Erden übergehen zu lassen, das übersteigt unser ganzes Vermögen der Wahrsagung. – Was würde also geschehen, wenn der Kirchenglaube dieses große Mittel der Volksleitung einmal entbehren müßte?

Wer ist der Redacteur der biblischen Bücher (alten und neuen Testaments), und zu welcher Zeit ist der Kanon zu Stande gekommen?

Werden philologisch-antiquarische Kenntnisse immer zur Erhaltung der einmal angenommenen Glaubensnorm nöthig sein, oder wird die Vernunft den Gebrauch derselben

использовать ее на пользу религии и в соответствии со всеобщим согласием?

Существует ли достаточное количество документальных свидетельств аутентичности Библии так называемых 70 переводчиков, и с какого времени их можно с полной уверенностью датировать? и т.д.

Без сомнения, практическое и, главным образом, публичное использование этой книги в проповедях делает людей лучше и активизирует источники их моральности (с целью совершенствования). Всякая другая цель должна быть подчинена этой, если она вступит с последней в противоречие. Поэтому приходится только удивляться, как эта максима все еще может подвергаться сомнению, а *парафрастическое*⁶⁴ обращение с текстом, которое хотя и не предпочитается *паренетическому*⁶⁵, тем не менее отодвинуло последнее на задний план. Не книжная ученость и то, что с ее помощью можно благодаря филологическим знаниям *извлечь* из Библии, что часто оказывается лишь неудачными домыслами (Konjekturen), а то, что, исходя из морального образа мыслей (т.е. в духе Господа), мы *вкладываем* в нее, и учения, которые никогда не вводят в заблуждение и которые всегда оказывают целительное воздействие [на душу], – вот чем следует руководствоваться в своем обращении с ней к народу, то есть рассматривать текст *только* (по крайней мере, *главным образом*) как источник всякого нравственного усовершенствования и возникающих при этом мыслей, а не доискиваться до того, что святые авторы могли при этом иметь в виду. Проповедь, имеющая конечной целью совершенствование [человека] (впрочем, такой должна быть и всякая другая), должна воздействовать на *сердца* слушателей, исходя именно из изначально заложенной в них природой моральности (даже самого неподдающегося вероучению человека), если должен быть достигнут более чистый образ мыслей. Связанные с этим *свидетельства* Писания не должны играть роль исторических доказательств, *подтверждающих* истинность этого учения

zur Religion dereinst von selbst und mit allgemeiner Einstimmung anzuordnen im Stande sein?

Hat man hinreichende Documente der Authenticität der Bibel nach den sogenannten 70 Dolmetschern, und von welcher Zeit kann man sie mit Sicherheit datiren? u. s. w.

Die praktische, vornehmlich öffentliche Benutzung dieses Buchs in Predigten ist ohne Zweifel diejenige, welche zur Besserung der Menschen und Belebung ihrer moralischen Triebfedern (zur Erbauung) beiträgt. Alle andere Absicht muß ihr nachstehen, wenn sie hiemit in Collision kommt. – Man muß sich daher wundern: daß diese Maxime noch hat bezweifelt werden können, und eine *paraphrastische* Behandlung eines Texts der *paränetischen*, wenn gleich nicht vorgezogen, doch durch die erstere wenigstens hat in Schatten gestellt werden sollen. – Nicht die Schriftgelahrtheit, und was man vermittelt ihrer aus der Bibel durch philologische Kenntnisse, die oft nur verunglückte Conjecturen sind, *herauszieht*, sondern was man mit moralischer Denkungsart (also nach dem Geiste Gottes) in sie *hineinträgt*, und Lehren, die nie trügen, auch nie ohne heilsame Wirkung sein können, das muß diesem Vortrage ans Volk die Leitung geben: nämlich den Text *nur* (wenigstens *hauptsächlich*) als Veranlassung zu allem Sittenbessern, was sich dabei denken läßt, zu behandeln, ohne was die heil. Schriftsteller dabei selbst im Sinne gehabt haben möchten, nachforschen zu dürfen. – Eine auf Erbauung als Endzweck gerichtete Predigt (wie denn das eine jede sein soll) muß die Belehrung aus den *Herzen* der Zuhörer, nämlich der natürlichen moralischen Anlage, selbst des unbelehrtesten Menschen, entwickeln, wenn die dadurch zu bewirkende Gesinnung lauter sein soll. Die damit verbundene *Zeugnisse* der Schrift sollen auch nicht die Wahrheit dieser Lehren *bestätigende* historische Beweisgründe sein

(ибо нравственно-деятельный разум не нуждается в них, а эмпирическое знание также здесь бессильно), а должны играть лишь роль примеров приложения принципов практического разума к фактам священной истории, чтобы сделать наглядней их истинность; это принесет неоценимую пользу народам и государствам на всей земле.

Приложение
о чистой мистике в религии*

Из «Критики чистого разума» я понял то, что философия не является ни наукой о представлениях, понятиях и идеях, ни наукой всех наук или же чем-то подобным, а напротив, что она – наука о человеке, его представлениях, мышлении и поступках, что она должна изображать человека во всем его многообразии таким, каков он есть и каким он должен быть, т.е. как в отношении своего природного предназначения, так и в отношении его к морали и свободе. И вот относительно этого старая философия предопределяла человеку совершенно неправильное место в мире, превращая его в машину, которая как таковая полностью зависит от мира или от внешних вещей и условий; она превращала его в почти совершенно пассивную часть мира. Но вот появилась критика разума, которая и определила человеку в мире исключительно *активное* существование. Человек сам изначально является творцом всех своих представлений и понятий и должен быть единственным источником всех

* В одном письме, приложенном к своей диссертации “De similitudine inter Mysticismum purum et Kantianam religionis doctrinam”⁶⁶, автор Карол Арнольд *Вилманс*, Bielefelda-Guestphalo, Halis Saxonum 1797, которое я с позволения автора, опустив вводную и заключительную часть, содержащую формулы вежливости, теперь предаю огласке и в котором свидетельствуется о нем, посвятившем себя медицине, как о человеке, от которого следует ожидать многого также и в других областях науки. При этом я не склонен непременно признавать идентичность моих воззрений с его воззрениями.

(denn deren bedarf die sittlich-thätige Vernunft hiebei nicht: und das empirische Erkenntniß vermag es auch nicht), sondern blos Beispiele der Anwendung der praktischen Vernunftprincipien auf Facta der h. Geschichte, um ihre Wahrheit anschaulicher zu machen; welches aber auch ein sehr schätzbarer Vortheil für Volk und Staat auf der ganzen Erde ist.

Anhang
Von einer reinen Mystik in der Religion*

Ich habe aus der Kritik der reinen Vernunft gelernt, daß Philosophie nicht etwa eine Wissenschaft der Vorstellungen, Begriffe und Ideen, oder eine Wissenschaft aller Wissenschaften, oder sonst etwas Ähnliches sei; sondern eine Wissenschaft des Menschen, seines Vorstellens, Denkens und Handelns; – sie soll den Menschen nach allen seinen Bestandtheilen darstellen, wie er ist und sein soll, d. h. sowohl nach seinen Naturbestimmungen, als auch nach seinem Moralitäts- und Freiheitsverhältniß. Hier wies nun die alte Philosophie dem Menschen einen ganz unrichtigen Standpunkt in der Welt an, indem sie ihn in dieser zu einer Maschine machte, die als solche gänzlich von der Welt oder von den Außendingen und Umständen abhängig sein mußte; sie machte also den Menschen zu einem beinahe bloß passiven Theile der Welt. – Jetzt erschien die Kritik der Vernunft und bestimmte dem Menschen in der Welt eine durchaus *active* Existenz. Der Mensch selbst ist ursprünglich Schöpfer aller seiner Vorstellungen und Begriffe und soll einziger Urheber aller

* In einem seiner Dissertation: De similitudine inter Mysticismum purum et Kantianam religionis doctrinam. Auctore Carol. Arnold. *Wilmans*, Bielefelda-Guestphalo, Halis Saxonum 1797. beigefügten Briefe, welchen ich mit seiner Erlaubniß und mit Weglassung der Einleitungs- und Schlußhöflichkeitsstellen hiemit liefere, und welcher diesen jetzt der Arzneiwissenschaft sich widmenden jungen Mann als einen solchen bezeichnet, von dem sich auch in anderen Fächern der Wissenschaft viel erwarten läßt. Wobei ich gleichwohl jene Ähnlichkeit meiner Vorstellungsart mit der seinigen unbedingt einzugestehen nicht gemeint bin.

своих поступков. Эти «является» и «должен» подводят к двум совершенно различным предназначениям человека. Поэтому мы обнаруживаем в нем и две совершенно различные части, а именно: с одной стороны, чувственность и рассудок, а с другой – разум и свободную волю, которые отличаются друг от друга весьма существенным образом. В природе все *есть*, в ней не может быть и речи о каком-либо *долженствовании*; целью чувственности и рассудка поэтому всегда является определение того, что и как *существует*; они, таким образом, предназначены для природы, для земного мира и, следовательно, ему принадлежат. Разум же стремится постоянно в сферу сверхчувственного, чтобы за рамками чувственной природы понять, как оно *может быть* устроено. Следовательно, он, хотя и является теоретической способностью, предназначен тем не менее не для этого чувственного [мира]. Но свободная воля не состоит в зависимости от внешних вещей, последние не должны быть движущей силой поступков человека, и, таким образом, она (воля) еще в меньшей степени принадлежит природе. Но тогда чему же? Вероятно, человек предназначен для двух совершенно различных миров: с одной стороны, для царства чувственности и рассудка, т.е. для реального мира; но еще и для другого царства, которого мы не знаем, – царства нравов.

Что касается рассудка, то он уже в себе самом посредством своей формы ограничен реальным миром, так как он состоит только из категорий, то есть таких видов высказываний, которые могут относиться лишь к чувственным вещам. Следовательно, границы ему строго очерчены. Где кончаются категории, там кончается и рассудок, ибо лишь они образуют и структурируют его. (Доказательством всего лишь земного, или естественного, предназначения рассудка, как мне кажется, является и то, что мы относительно возможностей его обнаруживаем в природе определенную ступенчатость, от самого умного человека до самого глупого животного (причем мы можем рассматривать инстинкт также как один из видов рассудка, так как свободная воля не принадлежит голому рассудку).) Но не так обстоит дело с моралью, которая кончается там,

seiner Handlungen sein. Jenes «*ist*» und dieses «*soll*» führt auf zwei ganz verschiedene Bestimmungen am Menschen. Wir bemerken daher auch im Menschen zweierlei ganz verschiedenartige Theile, nämlich auf der einen Seite Sinnlichkeit und Verstand und auf der andern Vernunft und freien Willen, die sich sehr wesentlich von einander unterscheiden. In der Natur *ist* alles; es ist von keinem *Soll* in ihr die Rede; Sinnlichkeit und Verstand gehen aber nur immer darauf aus, zu bestimmen, was und wie es *ist*; sie müssen also für die Natur, für diese Erdenwelt, bestimmt sein und mithin zu ihr gehören. Die Vernunft will beständig ins Übersinnliche, wie es wohl über die sinnliche Natur hinaus beschaffen *sein möchte*: sie scheint also, obzwar ein theoretisches Vermögen, dennoch gar nicht für diese Sinnlichkeit bestimmt zu sein; der freie Wille aber besteht ja in einer Unabhängigkeit von den Außendingen; diese sollen nicht Triebfedern des Handelns für den Menschen sein; er kann also noch weniger zur Natur gehören. Aber wohin denn? Der Mensch muß für zwei ganz verschiedene Welten bestimmt sein, einmal für das Reich der Sinne und des Verstandes, also für diese Erdenwelt: dann aber auch noch für eine andere Welt, die wir nicht kennen, für ein Reich der Sitten.

Was den Verstand betrifft, so ist dieser schon für sich durch seine Form auf diese Erdenwelt eingeschränkt; denn er besteht bloß aus Kategorien, d. h. Äußerungsarten, die bloß auf sinnliche Dinge sich beziehen können. Seine Grenzen sind ihm also scharf gesteckt. Wo die Kategorien aufhören, da hört auch der Verstand auf: weil sie ihn erst bilden und zusammensetzen. (Ein Beweis für die bloß irdische oder Naturbestimmung des Verstandes scheint mir auch dieses zu sein, daß wir in Rücksicht der Verstandeskkräfte eine Stufenleiter in der Natur finden, vom klügsten Menschen bis zum dümmsten Thiere (indem wir doch den Instinct auch als eine Art von Verstand ansehen können, in sofern zum bloßen Verstande der freie Wille nicht gehört).) Aber nicht so in Rücksicht der Moralität, die da aufhört,

где кончается человеческий род, и которая у всех людей изначально одна и та же. Следовательно, рассудок принадлежит только природе, и если бы человек обладал только рассудком, без разума и свободной воли или без моральности, то он ничем бы не отличался от животных или, быть может, только тем, что стоял бы на верхней ступеньке этой самой лестницы. Тогда как сегодня он, обладая моралью, как свободное существо целиком и полностью отличается от животных, даже от самых умных (чей инстинкт действует зачастую четче и яснее, чем рассудок человека). – Однако этот рассудок целиком принадлежит активной способности человека; все его представления и понятия суть лишь *его собственные* творения, человек изначально мыслит рассудком и, таким образом, создает себе *свой* собственный мир. Внешние вещи – это только внешний повод к деятельности рассудка, они побуждают его к действию, и результатом этой деятельности являются представления и понятия. Следовательно, вещи, с которыми соотносятся эти представления и понятия, не могут быть такими, какими представляет их себе наш рассудок, так как рассудок способен производить лишь представления и *свои* предметы, но не действительные вещи, то есть вещи как таковые, как они есть в себе, не могут быть познаны. Вещи, которые изображаются нашими чувствами и нашим рассудком, суть всего лишь явления в себе, то есть творения наших чувств и нашего рассудка; они являются результатом взаимодействия (*Zusammentreffen*) окказиональных причин и деятельности рассудка, но которые от этого отнюдь не являются чем-то иллюзорным, а тем, что мы в практической жизни принимаем за реальные вещи и предметы наших представлений; именно в силу этого мы с необходимостью должны предположить эти самые реальные вещи в качестве окказиональных источников первых. Пример тому дает естественная наука. Вещи внешнего мира воздействуют на способный к активности организм и побуждают его тем самым к действию; продуктом этого является жизнь. – Но что есть жизнь? Сознание своего физического существования в мире и своего отношения к вещам внешнего мира; организм живет тем,

wo die Menschheit aufhört, und die in allen Menschen ursprünglich dasselbe Ding ist. Der Verstand muß also bloß zur Natur gehören, und wenn der Mensch bloß Verstand hätte ohne Vernunft und freien Willen, oder ohne Moralität, so würde er sich in nichts von den Thieren unterscheiden und vielleicht bloß an der Spitze ihrer Stufenleiter stehen, da er hingegen jetzt, im Besitz der Moralität, als freies Wesen, durchaus und wesentlich von den Thieren verschieden ist, auch von dem klügsten (dessen Instinct oft deutlicher und bestimmter wirkt, als der Verstand der Menschen). – Dieser Verstand aber ist ein gänzlich actives Vermögen des Menschen; alle seine Vorstellungen und Begriffe sind bloß *seine* Geschöpfe, der Mensch denkt mit seinem Verstande ursprünglich, und er schafft sich also *seine* Welt. Die Außendinge sind nur Gelegenheitsursachen der Wirkung des Verstandes, sie reizen ihn zur Action, und das Product dieser Action sind Vorstellungen und Begriffe. Die Dinge also, worauf sich diese Vorstellungen und Begriffe beziehen, können nicht das sein, was unser Verstand vorstellt; denn der Verstand kann nur Vorstellungen und *seine* Gegenstände, nicht aber wirkliche Dinge schaffen, d. h. die Dinge können unmöglich durch diese Vorstellungen und Begriffe vom Verstande als solche, wie sie an sich sein mögen, erkannt werden; die Dinge, die unsere Sinne und unser Verstand darstellen, sind vielmehr an sich nur Erscheinungen, d. i. Gegenstände unserer Sinne und unseres Verstandes, die das Product aus dem Zusammentreffen der Gelegenheitsursachen und der Wirkung des Verstandes sind, die aber deswegen doch nicht Schein sind, sondern die wir im praktischen Leben für uns als wirkliche Dinge und Gegenstände unserer Vorstellungen ansehen können; eben weil wir die wirklichen Dinge als jene Gelegenheitsursachen supponieren müssen. Ein Beispiel giebt die Naturwissenschaft. Außendinge wirken auf einen actionsfähigen Körper und reizen diesen dadurch zur Action; das Product hievon ist Leben. – Was ist aber Leben? Physisches Anerkennen seiner Existenz in der Welt und seines Verhältnisses zu den Außendingen; der Körper lebt dadurch,

что он реагирует на внешние вещи, рассматривает их как свой мир и использует его в своих целях, не задумываясь о его сущности. Без вещей внешнего мира организм не был бы живым организмом, а без способности организма к действию внешние вещи не были бы его миром. Точно так же обстоит дело и с рассудком. Только вследствие контакта с внешним миром возникает этот самый его мир; без внешних вещей он был бы мертв – без рассудка же не было бы представлений, без представлений – предметов, а без них не было бы этого самого его мира; если бы рассудок был другим, то существовал бы и его другой мир, что становится ясным на примере умалишенных. Итак, рассудок – творец своих объектов и мира, который состоит из них; но он это делает таким образом, что реальные вещи являются [привходящим] окказиональным поводом его деятельности и, следовательно, его представлений.

Поэтому указанные природные способности человека существенно отличаются от разума и свободной воли. Последние представляют собой также активные способности, но источник их действия не следует искать в чувственном мире. Разум как теоретическая способность не может, таким образом, иметь в нем [мире] своих предметов. Результатом его деятельности могут быть только идеи, то есть представления разума, которым не соответствуют никакие объекты, так как не реальные вещи, а всего лишь игра рассудка является причиной его деятельности. Таким образом, разум как теоретическую спекулятивную способность невозможно использовать в этом чувственном мире (он, следовательно, так как эта способность как таковая все же существует, предназначен для другого мира), а только как практическую способность – для надобностей свободной воли. Последняя же совершенно и полностью является практической. Сущность ее состоит в том, что ее действия суть не реакции, а чистое объективное действие, или в том, что ее движущие силы не должны совпадать с предметами этих движущих сил. Она (воля) должна, следовательно, действовать независимо как от представлений рассудка, так как последнее имело бы своим следствием искаженное и пагубное воздействие,

daß er auf die Außendinge reagirt, sie als seine Welt ansieht und sie zu seinem Zweck gebraucht, ohne sich weiter um ihr Wesen zu bekümmern. Ohne Außendinge wäre dieser Körper kein lebender Körper, und ohne Actionsfähigkeit des Körpers wären die Außendinge nicht seine Welt. Eben so mit dem Verstande. Erst durch sein Zusammentreffen mit den Außendingen entsteht diese seine Welt; ohne Außendinge wäre er todt, – ohne Verstand aber wären keine Vorstellungen, ohne Vorstellungen keine Gegenstände und ohne diese nicht diese seine Welt; so wie mit einem anderen Verstande auch eine andere Welt da sein würde, welches durch das Beispiel von Wahnsinnigen klar wird. Also der Verstand ist Schöpfer seiner Gegenstände und der Welt, die aus ihnen besteht; aber so, daß wirkliche Dinge die Gelegenheitsursachen seiner Actionen und also der Vorstellungen sind.

Dadurch unterscheiden sich nun diese Naturkräfte des Menschen wesentlich von der Vernunft und dem freien Willen. Beide machen zwar auch active Vermögen aus, aber die Gelegenheitsursachen ihrer Action sollen nicht aus dieser Sinnenwelt genommen sein. Die Vernunft als theoretisches Vermögen kann also hier gar keine Gegenstände haben, ihre Wirkungen können nur Ideen sein, d. h. Vorstellungen der Vernunft, denen keine Gegenstände entsprechen, weil nicht wirkliche Dinge, sondern etwa nur Spiele des Verstandes die Gelegenheitsursachen ihrer Action sind. Also kann die Vernunft als theoretisches, speculatives Vermögen hier in dieser Sinnenwelt gar nicht gebraucht werden (und muß folglich, weil sie einmal als solches da ist, für eine andere Welt bestimmt sein), sondern nur als praktisches Vermögen zum Behuf des freien Willens. Dieser nun ist bloß und allein praktisch; das wesentliche desselben besteht darin, daß seine Action nicht Reaction, sondern eine reine objective Handlung sein soll, oder daß die Triebfedern seiner Action nicht mit den Gegenständen derselben zusammenfallen sollen; daß er also unabhängig von den Vorstellungen des Verstandes, weil dieses eine verkehrte und verderbte Wirkungsart derselben veranlassen würde,

так и от идей спекулятивного разума, так как последний, в силу того, что им не соответствует ничего реального, легко может стать причиной ложных и безосновательных определений воли. Следовательно, движущей силой деятельности свободной воли должно быть нечто, что имеет свое основание во внутренней сущности самого человека и неотделимо от свободы его воли. И это есть моральный закон, который совершенно вырывает нас из [оков] природы и возвышает нас над ней, так что мы как существа, которым присуща мораль, не нуждаемся в природных вещах ни как в причине и движущей силе поступков свободной воли, ни как в предметах нашего воления: их место может занять только человек как моральная личность. Этот закон обеспечивает, таким образом, присущее только человеку и отличающее его от остальной природы качество – моральность, благодаря которой мы являемся независимыми и свободными существами и которая сама основывается на этой свободе. – Именно эта моральность, а не рассудок есть, следовательно, то, что делает человека человеком. Поэтому каким бы активным рассудок ни был и какой бы самостоятельностью он ни обладал, он тем не менее нуждается для своей деятельности в вещах внешнего мира и одновременно ограничен ими; в то время как свободная воля полностью независима от них и должна определяться только своим внутренним законом: то есть человек возвысился благодаря исключительно самому себе, в силу своего изначально [присущего] ему достоинства и свободы от всего, что не является законом. И если, таким образом, наш рассудок есть ничто без этих самых вещей внешнего мира или, по крайней мере, не был бы *этими самыми* рассудком, то разум и свободная воля остаются теми же самыми, независимо от сферы своего применения. (Здесь следует, однако, сделать с некоторой долей вероятности следующее гиперфизическое заключение: «Со смертью физического тела человека умирает и исчезает также его рассудок со всеми его земными представлениями, понятиями и знаниями; ведь он применим лишь к земным, чувственным вещам, но как только человек ставит своей целью достичь мира

als auch unabhängig von den Ideen der speculativen Vernunft handeln soll, weil diese, da ihnen nichts Wirkliches entspricht, leicht eine falsche und grundlose Willensbestimmung verursachen könnten. Also muß die Triebfeder der Action des freien Willens von etwas sein, was im innern Wesen des Menschen selbst gegründet und von der Freiheit des Willens selbst unzertrennlich ist. Dieses ist nun das moralische Gesetz, welches uns durchaus so aus der Natur herausreißt und über sie erhebt, daß wir als moralische Wesen die Naturdinge weder zu Ursachen und Triebfedern der Action des Willens bedürfen, noch sie als Gegenstände unseres Willens ansehen können, in deren Stelle vielmehr nur die moralische Person der Menschheit tritt. Jenes Gesetz sichert uns also eine bloß dem Menschen eigenthümliche und ihn von allen übrigen Naturtheilen unterscheidende Eigenschaft, die Moralität, vermöge welcher wir unabhängige und freie Wesen sind, und die selbst wieder durch diese Freiheit begründet ist. – Diese Moralität und nicht der Verstand ist es also, was den Menschen erst zum Menschen macht. So sehr auch der Verstand ein völlig actives und in sofern selbstständiges Vermögen ist, so bedarf er doch zu seiner Action der Außendinge und ist auch zugleich auf sie eingeschränkt; da hingegen der freie Wille völlig unabhängig ist und einzig durch das innere Gesetz bestimmt werden soll: d. h. der Mensch bloß durch sich selbst, sofern er sich nur zu seiner ursprünglichen Würde und Unabhängigkeit von allem, was nicht das Gesetz ist, erhoben hat. Wenn also dieser unser Verstand ohne diese seine Außendinge nichts, wenigstens nicht *dieser* Verstand sein würde, so bleiben Vernunft und freier Wille dieselben, ihr Wirkungskreis sei, welcher er wolle. (Sollte hier der freilich hyperphysische Schluß wohl mit einiger Wahrscheinlichkeit gemacht werden können: « daß mit dem Tode des Menschenkörpers auch dieser sein Verstand stirbt und verloren geht mit allen seinen irdischen Vorstellungen, Begriffen und Kenntnissen: weil doch dieser Verstand immer nur für irdische, sinnliche Dinge brauchbar ist, und, sobald der Mensch ins Übersinnliche sich versteinen will,

сверхчувственного, то тотчас же прекращается всякое применение рассудка и, напротив, вступает в силу применение разума». Это – идея, которую я позднее обнаружил у мистиков, но лишь в неясной, неутвердительной форме ее, и которая, без сомнения, будет способствовать умиротворению и, может быть, даже моральному исправлению многих людей. Рассудок так же мало зависит от самого человека, как и его тело. При наличии недостатков телосложения можно быть спокойным, ибо мы знаем, что тело – это нечто несущественное: красивое тело имеет преимущество только здесь, на земле. Допустим, что идея о том, что то же самое происходит и с рассудком, стала всеобщей, – разве это не было бы полезно для человеческой морали? Новейшее учение о природе человека очень созвучно этой идее, рассматривающей рассудок только как нечто зависящее от тела и как продукт работы мозга. См. труды по физиологии С. Рейла⁶⁷. И даже более древние взгляды на материальность души можно было бы свести к чему-то реальному.)

Дальнейший ход критического исследования способностей души человека поставил естественный вопрос: не имеет ли неизбежная и неукротимая идея разума о создателе вселенной, а следовательно, и нас самих, и морального закона, свое весомое основание, так как всякое теоретическое основание по своей природе не годится для укрепления и сохранения упомянутой идеи? Поэтому и возникло столь прекрасное моральное доказательство существования бога, которое для всякого [человека], даже помимо его желания, обладает интуитивно ясной и достаточной доказательной силой. Из этой доказанной с его помощью идеи о творце мира выросла в конце концов практическая идея о всеобщей моральной законодательной инстанции, о творце присущего нам морального закона. Эта идея открывает человеку совершенно новый мир. Он чувствует, что создан для совершенно иного царства, чем царство чувственности и рассудка, а именно – для царства морали, для царства Господа. Отныне он сознает свои обязанности одновременно и как божественные заповеди, и в нем рождается новое знание, новое чувство, а именно – религия.

hier sogleich aller Verstandesgebrauch aufhört, und der Vernunftgebrauch dagegen eintritt? Es ist dieses eine Idee, die ich nachher auch bei den Mystikern, aber nur dunkel gedacht, nicht behauptet gefunden habe, und die gewiß zur Beruhigung und vielleicht auch moralischen Verbesserung vieler Menschen beitragen würde. Der Verstand hängt so wenig wie der Körper vom Menschen selbst ab. Bei einem fehlerhaften Körperbau beruhigt man sich, weil man weiß, er ist nichts Wesentliches – ein gutgebaute Körper hat nur hier auf der Erde seine Vorzüge. Gesetzt, die Idee würde allgemein, daß es mit dem Verstande eben so wäre, sollte das nicht für die Moralität der Menschen ersprießlich sein? Die neuere Naturlehre des Menschen harmonirt sehr mit dieser Idee, indem sie den Verstand bloß als etwas vom Körper Abhängiges und als ein Product der Gehirnwirkung ansieht. S. Reils physiologische Schriften. Auch die ältern Meinungen von der Materialität der Seele ließen sich hierdurch auf etwas Reales zurückbringen.)

Der fernere Verlauf der kritischen Untersuchung der menschlichen Seelenvermögen stellte die natürliche Frage auf: hat die unvermeidliche und nicht zu unterdrückende Idee der Vernunft von einem Urheber des Weltalls und also unserer selbst und des moralischen Gesetzes auch wohl einen gültigen Grund, da jeder theoretische Grund seiner Natur nach untauglich zur Befestigung und Sicherstellung jener Idee ist? Hieraus entstand der so schöne moralische Beweis für das Dasein Gottes, der jedem, auch wenn er nicht wollte, doch insgeheim auch deutlich und hinlänglich beweisend sein muß. Aus der durch ihn nun begründeten Idee von einem Welterschöpfer aber ging endlich die praktische Idee hervor von einem allgemeinen moralischen Gesetzgeber für alle unsere Pflichten, als Urheber des uns inwohnenden moralischen Gesetzes. Diese Idee bietet dem Menschen eine ganz neue Welt dar. Er fühlt sich für ein anderes Reich geschaffen, als für das Reich der Sinne und des Verstandes, – nämlich für ein moralisches Reich, für ein Reich Gottes. Er erkennt nun seine Pflichten zugleich als göttliche Gebote, und es entsteht in ihm ein neues Erkenntniß, ein neues Gefühl, nämlich Religion.

Вот как далеко продвинулся я в изучении Ваших работ, высокочтимый муж, когда познакомился с людьми, которых называют сепаратистами, но которые сами себя именуют *мистиками*; у них обнаружил я почти буквально Ваше учение в действии. Правда, вначале было сложно обнаружить его под мистическим способом выражения этих людей, но мне все же удалось сделать это после длительных усилий. Мне бросилось в глаза, что эти люди жили совершенно без богослужения, отвергая все, что носит название *служения* Богу и что не является исполнением своего долга; они считали себя религиозными людьми и даже, более того, христианами и все же не рассматривали Библию в качестве своего кодекса, а говорили лишь о внутреннем извечно живущем в нас христианстве. – Я изучил историю жизни этих людей и обнаружил у них (за исключением отдельных паршивых овец, которые в своем стремлении к выгоде имеются в каждом стаде) чистый в моральном отношении образ мыслей и почти стоическую последовательность в их поступках. Я проанализировал их учение и их принципы и в целом вновь обнаружил Ваше моральное и религиозное учение, с тем лишь постоянным различием, что внутренний закон, как они его называют, принимается у них за внутреннее откровение, и они считают со всей определенностью Бога его творцом. Действительно, они считают Библию книгой, имеющей определенным образом (каким – не уточняется) божественное происхождение; но при более пристальном анализе выясняется, что это самое происхождение Библии они выводят прежде всего из [факта] совпадения Библии и содержащегося в ней учения с их внутренним законом; ибо когда их спрашиваешь, к примеру, почему? – то их ответ следующий: она становится законом внутри меня, и вы с этим тоже согласитесь, если будете следовать указаниям вашего внутреннего закона или заповедям Библии. Именно потому они и не считают ее кодексом своих законов, а только лишь историческим свидетельством, в котором они вновь находят то, что уже изначально было заложено внутри их самих. Одним словом, эти люди могли бы быть (простите меня за это выражение) истинными кантианцами, если

– So weit, ehrwürdiger Vater, war ich in dem Studio Ihrer Schriften gekommen, als ich eine Classe von Menschen kennen lernte, die man Separatisten nennt, die aber sich selbst *Mystiker* nennen, bei welchen ich fast buchstäblich Ihre Lehre in Ausübung gebracht fand. Es hielt freilich anfangs schwer, diese in der mystischen Sprache dieser Leute wieder zu finden; aber es gelang mir nach anhaltendem Suchen. Es fiel mir auf, daß diese Menschen ganz ohne Gottesdienst lebten; alles verwarfen, was *Gottesdienst* heißt und nicht in Erfüllung seiner Pflichten besteht; daß sie sich für religiöse Menschen, ja für Christen hielten und doch die Bibel nicht als ihr Gesetzbuch ansahen, sondern nur von einem inneren, von Ewigkeit her in uns einwohnenden Christenthum sprachen. – Ich forschte nach dem Lebenswandel dieser Leute und fand (räudige Schafe ausgenommen, die man in jeder Heerde ihres Eigennutzes wegen findet) bei ihnen reine moralische Gesinnungen und eine beinahe stoische Consequenz in ihren Handlungen. Ich untersuchte ihre Lehre und ihre Grundsätze und fand im Wesentlichen ganz Ihre Moral und Religionslehre wieder, jedoch immer mit dem Unterschiede, daß sie das innere Gesetz, wie sie es nennen, für eine innere Offenbarung und also bestimmt Gott für den Urheber desselben halten. Es ist wahr, sie halten die Bibel für ein Buch, welches auf irgend eine Art, worauf sie sich nicht weiter einlassen, göttlichen Ursprungs ist; aber wenn man genauer forschet, so findet man, daß sie diesen Ursprung der Bibel erst aus der Übereinstimmung der Bibel, der in ihr enthaltenen Lehren, mit ihrem inneren Gesetze schließen: denn wenn man sie z. B. fragt: warum? so ist ihre Antwort: sie legitimirt sich in meinem Inneren, und ihr werdet es eben so finden, wenn ihr der Weisung eures inneren Gesetzes oder den Lehren der Bibel Folge leistet. Eben deswegen halten sie sie auch nicht für ihr Gesetzbuch, sondern nur für eine historische Bestätigung, worin sie das, was in ihnen selbst ursprünglich gegründet ist, wiederfinden. Mit einem Worte, diese Leute würden (verzeihen sie mir den Ausdruck! wahre Kantianer sein, wenn

бы были философами. Но они по большей части относятся к классу торговцев, ремесленников и крестьян, но я время от времени встречал их и в более благородных сословиях и среди ученых; однако среди них никогда не было ни одного теолога, для которых эти люди являются настоящим бельмом в глазу, так как они не принимают участия в богослужениях и им, ввиду их образцового жизненного поведения и послушания закону, нельзя предъявить никаких обвинений. От квакеров эти сепаратисты отличаются не религиозными *принципами*, а их применением в обычной жизни. Они одеваются, например, как это принято, и платят все как государственные, так и церковные налоги. Среди образованной их части я никогда не встречал фанатизма, а напротив, свободную от предрассудков рассудительность и свое мнение по религиозным вопросам.

sie Philosophen wären. Aber sie sind größtentheils aus der Classe der Kaufleute, Handwerker und Landbauern; doch habe ich hin und wieder auch in höheren Ständen und unter den Gelehrten einige gefunden; aber nie einen Theologen, denen diese Leute ein wahrer Dorn im Auge sind, weil sie ihren Gottesdienst nicht von ihnen unterstützt sehen und ihnen doch wegen ihres exemplarischen Lebenswandels und Unterwerfung in jede bürgerliche Ordnung durchaus nichts anhaben können. Von den Quäkern unterscheiden sich diese Separatisten nicht in ihren Religionsgrundsätzen, aber wohl in der Anwendung derselben aufs gemeine Leben. Denn sie kleiden sich z. B., wie es gerade Sitte ist, und bezahlen alle sowohl Staats- als kirchliche Abgaben. Bei dem gebildeten Theile derselben habe ich nie Schwärmerei gefunden, sondern freies, vorurtheilloses Raisonement und Urtheil über religiöse Gegenstände.

СОДЕРЖАНИЕ

Второй раздел

Спор философского факультета с юридическим

<i>Возврат к вопросу: находится ли род человеческий на пути неуклонного прогресса к лучшему</i>	188
<i>Заключение</i>	222

INHALT

Zweiter Abschnitt

Der Streit der philosophischen Facultät mit der juristischen

<i>Erneuerte Frage: Ob das menschliche Geschlecht im beständigen Fortschreiten zum Besseren sei</i>	188
<i>Beschluß</i>	222

СПОР ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
С ЮРИДИЧЕСКИМ

**Возобновление вопроса:
Находится ли человеческий род
в постоянном движении к лучшему?**

1.

Что мы хотим знать?

Для решения этого вопроса необходим фрагмент истории человечества, и к тому же истории не прошлого, а будущего времени, следовательно, истории *предсказывающей*, которая, если даже она и не будет протекать по естественным законам (как солнечные или лунные затмения), именуется *предугадывающей* и тем не менее вполне естественной; а поскольку ее невозможно представить иначе как с помощью сверхъестественного откровения или проникновения мысленным взором в будущее, она именуется *вещей*, или пророческой*. Впрочем, если ставить вопрос, находится ли род человеческий в постоянном движении к лучшему, то дело здесь вовсе не в естественной истории человека (возникнут ли, например,

---

* О человеке, недобросовестном в предсказаниях (делающем их без должного разумения или честности), говорят: он *вещает* и как Пифия⁶⁶, и как гадалка.

DER STREIT DER PHILOSOPHISCHEN FACULTÄT
MIT DER JURISTISCHEN

**Erneuerte Frage:
Ob das menschliche Geschlecht im beständigen
Fortschreiten zum Besseren sei?**

I.

Was will man hier wissen?

Man verlangt ein Stück von der Menschengeschichte und zwar nicht das von der vergangenen, sondern der künftigen Zeit, mithin eine *vorhersagende*, welche, wenn sie nicht nach bekannten Naturgesetzen (wie Sonnen- und Mondfinsternisse) geführt wird, *wahrsagend* und doch natürlich, kann sie aber nicht anders, als durch übernatürliche Mittheilung und Erweiterung der Aussicht in die künftige Zeit erworben werden, *weissagend* (prophetisch) genannt wird*. – Übrigens ist es hier auch nicht um die Naturgeschichte des Menschen (ob etwa

---

* Wer ins Wahrsagen pfuschert (es ohne Kenntniß oder Ehrlichkeit thut), von dem heißt es: er *wahrsagert*, von der Pythia an bis zur Zigeunerin.

в будущем новые человеческие расы), а в *истории нравов*, и притом не с точки зрения *видового понятия* (singulorum), а с точки зрения *всей* совокупности людей (universorum), которые на Земле объединены социально и разделены на нации.

2.

Каким образом возможно данное знание?

[Оно возможно] как предсказующее историческое повествование о том, что ожидается в будущем, следовательно, как возможное лишь а priori описание событий, которые должны произойти. – Но каким образом возможна история а priori? – Ответ: если предсказатель сам *творит* и вызывает события, которые он предрекает.

Иудейским пророкам нетрудно было предсказывать, что рано или поздно их государству предстоит не только упадок, но и полное исчезновение, ибо они сами были виновниками своей судьбы. – Возглавляя народ, они настолько обременили законодательство церковными и вытекающими из них гражданскими повинностями, что их государство оказалось совершенно непригодным для самостоятельного существования вместе с соседними народами. Поэтому совершенно естественно, что причитания его священнослужителей сотрясали воздух впустую, ибо последние преднамеренно и упорно цеплялись за принципы шаткого, ими самими созданного государственного устройства, будучи, таким образом, в состоянии предвидеть свой неминуемый конец.

Наши политики, насколько простирается их влияние, поступают точно так же и столь же преуспевают в деле пророчества. «Нужно брать людей такими, – говорят они, – каковы они есть, а не такими, какими их представляют себе далекие от жизни педанты и благодушные мечтатели». Но это *каковы они есть* означает: таковы, какими сделали их мы сами, несправедливо притесняя их, *устраивая* предательские, играющие на руку правительству заговоры, а именно – упрямыми и склонными к возмущению; поэтому-то, как только власти немного отпускают бразды правления, и происходят печальные события, подтверждающие пророчества этих якобы умных государственных мужей.

künftig neue Racen derselben entstehen möchten), sondern um die *Sittengeschichte* und zwar nicht nach dem *Gattungsbegriff* (singulorum), sondern dem *Ganzen* der gesellschaftlich auf Erden vereinigten, in Völkerschaften vertheilten Menschen (universorum) zu thun, wenn gefragt wird: ob das menschliche *Geschlecht* (im Großen) zum Besseren beständig fortschreite.

2.

Wie kann man es wissen?

Als wahrsagende Geschichtserzählung des Bevorstehenden in der künftigen Zeit: mithin als eine a priori mögliche Darstellung der Begebenheiten, die da kommen sollen. – Wie ist aber eine Geschichte a priori möglich? – Antwort: wenn der Wahrsager die Begebenheiten selber *macht* und veranstaltet, die er zum Voraus verkündigt.

Jüdische Propheten hatten gut weissagen, daß über kurz oder lang nicht bloß Verfall, sondern gänzliche Auflösung ihrem Staat bevorstehe; denn sie waren selbst die Urheber dieses ihres Schicksals. – Sie hatten als Volksleiter ihre Verfassung mit so viel kirchlichen und daraus abfließenden bürgerlichen Lasten beschwert, daß ihr Staat völlig untauglich wurde, für sich selbst, vornehmlich mit benachbarten Völkern zusammen zu bestehen, und die Jeremia den ihrer Priester mußten daher natürlicher Weise vergeblich in der Luft verhalten: weil diese hartnäckicht auf ihrem Vorsatz einer unhaltbaren, von ihnen selbst gemachten Verfassung beharrten, und so von ihnen selbst der Ausgang mit Unfehlbarkeit vorausgesehen werden konnte.

Unsere Politiker machen, so weit ihr Einfluß reicht, es eben so und sind auch im Wahrsagen eben so glücklich. – Man muß, sagen sie, die Menschen nehmen, wie sie sind, nicht wie der Welt unkundige Pedanten oder gutmüthige Phantasten träumen, daß sie sein sollten. Das *wie sie sind* aber sollte heißen: wozu wir sie durch ungerechten Zwang, durch verrätherische, der Regierung an die Hand gegebene Anschläge *gemacht haben*, nämlich halsstarrig und zur Empörung geneigt; wo dann freilich, wenn sie ihre Zügel ein wenig sinken läßt, sich traurige Folgen eräugnen, welche die Prophezeiung jener vermeintlich klugen Staatsmänner wahr machen.

Священнослужители также предсказывают порой совершенный упадок религии и близящийся приход антихриста, а тем временем делают все необходимое для его прихода; они стремятся внушить своим прихожанам не нравственные принципы, ведущие к добродетели, но вменяют им в обязанность историческую веру и строгое соблюдение правил, которые хотя и способствуют косвенным образом механическому единодушию, как при гражданском правлении, но не приводят к единству в моральном образе мыслей; а потом они жалуется на отсутствие религиозности, вызванное ими же самими, которое они и без особого пророческого дара могли предсказать заранее.

3.

Подразделение понятия о том,
что можно утверждать заранее о будущем

О предсказании будущего речь может идти в трех случаях. [Можно утверждать, что] род человеческий либо неуклонно движется назад ко злу, либо постоянно прогрессирует к лучшему в его моральном определении, либо пребывает в вечной неподвижности на данной ступени своего нравственного развития вместе со всем творением (что идентично вечному вращению вокруг одной и той же точки).

Первое утверждение можно назвать моральным *терроризмом*, второе – *эвдемонизмом* (который, поскольку он видит цель прогресса в отдаленной перспективе, можно назвать также *хилиазмом*⁶⁹), третье – *абдеритизмом*⁷⁰, ибо, так как действительно остановиться в моральном отношении невозможно, постоянная смена подъема и столь же частого глубокого падения (как бы вечное колебание) ведут к тому, что субъект как бы пребывает в неподвижности на одном месте.

а.

О террористическом способе представления истории человечества

Для рода человеческого падение во зло не может продолжаться вечно, так как при определенной степени последнего оно само

Auch Geistliche weissagen gelegentlich den gänzlichen Verfall der Religion und die nahe Erscheinung des Antichrists, während dessen sie gerade das thun, was erforderlich ist, ihn einzuführen: indem sie nämlich ihrer Gemeine nicht sittliche Grundsätze ans Herz zu legen bedacht sind, die geradezu aufs Bessern führen, sondern Observanzen und historischen Glauben zur wesentlichen Pflicht machen, die es indirect bewirken sollen, woraus zwar mechanische Einhelligkeit als in einer bürgerlichen Verfassung, aber keine in der moralischen Gesinnung erwachsen kann; alsdann aber über Irreligiosität klagen, welche sie selber gemacht haben, die sie also auch ohne besondere Wahrsagergabe vorherverkündigen konnten.

3.

Eintheilung des Begriffs von dem,
was man für die Zukunft vorherwissen will

Der Fälle, die eine Vorhersagung enthalten können, sind drei. Das menschliche Geschlecht ist entweder im continuirlichen *Rückgange* zum Argeren, oder im beständigen *Fortgange* zum Besseren in seiner moralischen Bestimmung, oder im ewigen *Stillstande* auf der jetzigen Stufe seines sittlichen Werths unter den Gliedern der Schöpfung (mit welchem die ewige Umdrehung im Kreise um denselben Punkt einerlei ist).

Die erste Behauptung kann man den moralischen *Terrorismus*, die zweite den *Eudämonismus* (der, das Ziel des Fortschreitens im weiten Prospect gesehen, auch *Chiliasmus* genannt werden würde), die dritte aber den *Abderitismus* nennen: weil, da ein wahrer Stillstand im moralischen nicht möglich ist, ein beständig wechselndes Steigen und eben so öfteres und tiefes Zurückfallen (gleichsam ein ewiges Schwanken) nichts mehr austrägt, als ob das Subject auf derselben Stelle und im Stillstande geblieben wäre.

а.

Von der terroristischen Vorstellungsart der Menschengeschichte

Der Verfall ins Ärgere kann im menschlichen Geschlechte nicht beständig fortwährend sein; denn bei einem gewissen Grade desselben würde es sich selbst

исчерпало бы себя. Поэтому, видя, как, словно горы, нарастают злодеяния и порождаемые ими страдания, говорят: более ужасного быть не может; Судный день⁷¹ настал, и набожному фантазеру уже грезится новое рождение всех вещей и обновленный мир, идущий на смену сторевавшему в огне старому.

b.

Об эвдемонистическом способе
представления человеческой истории

С тем, что количество свойственного нашей природе добра и зла остается постоянным и не может в одном и том же индивидууме ни увеличиваться, ни уменьшаться, – всегда можно согласиться. Но как может увеличиться изначальное количество добра, если это должно было бы происходить посредством свободы субъекта, для чего ему опять-таки потребовалось бы больше добра, чем у него есть? Действия не могут превысить силу действующих причин. Таким образом, количество добра, смешанного в человеке со злом, не способно перешагнуть определенной меры последнего, за которую человек мог бы выйти и постоянно двигаться к еще лучшему. Эвдемонизм с его сангвиническими упованиями оказывается, следовательно, несостоятельным, а в деле исторического пророчества относительно непрерывного поступательного шествия по стезе добра – малообещающим.

c.

О гипотезе абдеритизма рода человеческого
в деле предопределения его истории

Это мнение имеет, пожалуй, на своей стороне большинство. Нашему роду присуща деятельная глупость: вступить поскорей на стезю добра, но не оставаться на ней, а обратить вспять пути прогресса, хотя бы это делалось просто ради разнообразия, дабы не быть привязанными лишь к одной цели; строить с тем, чтобы иметь возможность разрушать; и возлагать на себя безнадежное бремя вкатывать сизифов камень на гору, чтобы позволить ему скатиться вниз. – Здесь, таким образом, представляется, что принцип зла, заложенный в природных задатках человеческого рода, не столько

aufreiben. Daher beim Anwachs großer, wie Berge sich aufthürmenden Greuelthaten und ihnen angemessenen Übel gesagt wird: nun kann es nicht mehr ärger werden; der jüngste Tag ist vor der Thür, und der fromme Schwärmer träumt nun schon von der Wiederbringung aller Dinge und einer erneuerten Welt, nachdem diese im Feuer untergegangen ist.

b.

Von der eudämonistischen Vorstellungsart der Menschengeschichte

Daß die Masse des unserer Natur angearteten Guten und Bösen in der Anlage immer dieselbe bleibe und in demselben Individuum weder vermehrt noch vermindert werden könne, mag immer eingeräumt werden; – und wie sollte sich auch dieses Quantum des Guten in der Anlage vermehren lassen, da es durch die Freiheit des Subjects geschehen müßte, wozu dieses aber wiederum eines größeren Fonds des Guten bedürfen würde, als es einmal hat? – Die Wirkungen können das Vermögen der wirkenden Ursache nicht übersteigen; und so kann das Quantum des mit dem Bösen im Menschen vermischten Guten ein gewisses Maß des letzteren nicht überschreiten, über welches er sich emporarbeiten und so auch immer zum noch besseren fortschreiten könnte. Der Eudämonism mit seinen sanguinischen Hoffnungen scheint also unhaltbar zu sein und zu Gunsten einer weissagenden Menschengeschichte in Ansehung des immerwährenden weitem Fortschreitens auf der Bahn des Guten wenig zu versprechen.

c.

Von der Hypothese des Abderitisms des Menschengeschlechts
zur Vorbestimmung seiner Geschichte

Diese Meinung möchte wohl die Mehrheit der Stimmen auf ihrer Seite haben. Geschäftige Thorheit ist der Charakter unserer Gattung: in die Bahn des Guten schnell einzutreten, aber darauf nicht zu beharren, sondern, um ja nicht an einen einzigen Zweck gebunden zu sein, wenn es auch nur der Abwechslung wegen geschähe, den Plan des Fortschritts umzukehren, zu bauen, um niederreißen zu können, und sich selbst die hoffnungslose Bemühung aufzulegen, den Stein des Sisyphus bergan zu wälzen, um ihn wieder zurückrollen zu lassen. – Das Princip des Bösen in der Naturanlage des menschlichen Geschlechts scheint also hier mit dem des Guten nicht sowohl amalgamirt

перемешан и сплавлен воедино с принципом добра, сколько одно нейтрализует другое; следствием этого оказывается бездеятельность (именуемая здесь покоем): ведь пустое занятие, шагая то вперед, то назад, позволять добру и злу так меняться местами, что вся игра нашего рода с самим собой на Земле должна была бы выглядеть со стороны простым фарсом, имеющим в глазах разума не большее значение, чем действия других животных, совершающих то же самое с меньшими затратами и без применения рассудка.

4.

Непосредственно решить задачу прогресса
с помощью опыта невозможно

Если бы обнаружилось, что человеческий род, рассматриваемый в целом, долгое время движется вперед к прогрессу, все же никто не мог бы поручиться, что именно теперь, в силу физических задатков нашего рода, он не вступил в эпоху своего регресса. И наоборот, если он повернул вспять, и падение во зло происходит со все возрастающей скоростью, не следует оставлять надежду на то, что поворотный пункт (*punctum flexus contrarii*)⁷² наступит именно в тот момент, когда в силу заложенного в человеческом роде морального начала ход его вновь обратится к лучшему. Ибо мы имеем дело со свободно действующими существами, которым хотя и можно заранее *диктовать*, что они *должны* делать, но нельзя *предсказать*, что они *будут* делать, и которые из сознания зла, причиненного ими самим себе, сумеют, если дело пойдет слишком далеко, извлечь более мощный стимул и добиться лучшего, чем до сих пор, положения. – И все же, как говорит аббат *Куйе*⁷³: «Бедные смертные, у вас нет ничего постоянного, кроме самого непостоянства!»

Но, может быть, и наша неверно избранная точка зрения, с которой мы смотрим на ход человеческих дел, отчасти является причиной того, что последний кажется нам столь неразумным. Планеты, если наблюдать за ними с Земли, то движутся назад, то покоятся, то перемещаются вперед. Если же изменить точку зрения и наблюдать за ними с Солнца, что доступно только

(verschmolzen), als vielmehr Eines durchs Andere neutralisirt zu sein, welches Thatlosigkeit zu Folge haben würde (die hier der Stillstand heißt): eine leere Geschäftigkeit, das Gute mit dem Bösen durch Vorwärts und Rückwärts gehen so abwechseln zu lassen, daß das ganze Spiel des Verkehrs unserer Gattung mit sich selbst auf diesem Glob als ein bloßes Possenspiel angesehen werden müßte, was ihr keinen größeren Werth in den Augen der Vernunft verschaffen kann, als den die andere Thiergeschlechter haben, die dieses Spiel mit weniger Kosten und ohne Verstandesaufwand treiben.

4.

Durch Erfahrung unmittelbar ist die Aufgabe
des Fortschreitens nicht aufzulösen

Wenn das menschliche Geschlecht, im Ganzen betrachtet, eine noch so lange Zeit vorwärts gehend und im Fortschreiten begriffen gewesen zu sein befunden würde, so kann doch niemand dafür stehen, daß nun nicht gerade jetzt vermöge der physischen Anlage unserer Gattung die Epoche seines Rückganges eintrete; und umgekehrt, wenn es rücklings und mit beschleunigtem Falle zum Ärgeren geht, so darf man nicht verzagen, daß nicht eben da der Umwendungspunkt (*punctum flexus contrarii*) anzutreffen wäre, wo vermöge der moralischen Anlage in unserem Geschlecht der Gang desselben sich wiederum zum Besseren wendete. Denn wir haben es mit freihandelnden Wesen zu thun, denen sich zwar vorher *dictiren* läßt, was sie thun *sollen*, aber nicht *vorhersagen* läßt, was sie thun *werden*, und die aus dem Gefühl der Übel, die sie sich selbst zufügten, wenn es recht böse wird, eine verstärkte Triebfeder zu nehmen wissen, es nun doch besser zu machen, als es vor jenem Zustande war. – Aber «arme Sterbliche (sagt der Abt *Coyer*), unter euch ist nichts beständig, als die Unbeständigkeit!»

Vielleicht liegt es auch an unserer unrecht genommenen Wahl des Standpunkts, aus dem wir den Lauf menschlicher Dinge ansehen, daß dieser uns so widersinnisch scheint. Die Planeten, von der Erde aus gesehen, sind bald rückgängig, bald stillstehend, bald fortgängig. Den Standpunkt aber von der Sonne aus genommen, welches nur

разуму, то окажется, что они постоянно равномерно движутся в соответствии с Коперниковой гипотезой. Впрочем, некоторые в целом неглупые люди склонны упорно настаивать на своем объяснении явлений и на однажды ими избранной точке зрения, хотя бы при этом они и впадали в Тиховы⁷⁴ циклы и эпициклы и доходили до нелепостей. Но в том-то и беда, что мы не можем стать на точку зрения, с которой возможно предвидение свободных поступков, ибо это была бы точка зрения *провидения*, недоступная человеческой мудрости, распространяющаяся также и на *свободные* деяния человека, которые хотя и могут быть им *увидены*, однако не могут быть *предвидены* со всей определенностью (для божественного ока здесь различия нет), ибо для этого ему нужно видеть связь причин по естественным законам, а в отношении будущих *свободных* деяний он должен обходиться без подобного руководства или указания.

Если бы человека можно было наделить врожденной и неизменно доброй, хотя и ограниченной, волей, то он был бы в состоянии предвидеть со всей определенностью движение своего рода к лучшему, так как это касалось бы событий, которые он мог бы творить сам. Однако ввиду изначального смешения в нем добра и зла, мера которых ему неизвестна, он сам не знает, каких последствий ему от этого следует ждать.

5.

Но на какой-то опыт предсказующая история человечества ведь должна опираться

Человеческому роду должен быть присущ известный опыт, который, находя выражение в каком-то событии, свидетельствовал бы о его свойствах и способности быть *причиной* своего движения к лучшему и его *творцам* (так как это должно быть деянием наделенного свободой существа). Но предсказать событие как действие данной причины можно лишь в том случае, если будут налицо обстоятельства, способствующие этому. Предсказать, что они когда-нибудь возникнут, можно лишь в общем, как при вероятностном расчете в игре, но определить, произойдет ли это в моей жизни и будет

die Vernunft thun kann, gehen sie nach der Kopernikanischen Hypothese beständig ihren regelmäßigen Gang fort. Es gefällt aber einigen sonst nicht Unweisen, steif auf ihrer Erklärungsart der Erscheinungen und dem Standpunkte zu beharren, den sie einmal genommen haben: sollten sie sich darüber auch in Tychonische Cyklen und Epicyklen bis zur Ungereimtheit verwickeln. – Aber das ist eben das Unglück, daß wir uns in diesen Standpunkt, wenn es die Vorhersehung freier Handlungen angeht, zu versetzen nicht vermögend sind. Denn das wäre der Standpunkt der *Vorsehung*, der über alle menschliche Weisheit hinausliegt, welche sich auch auf *freie* Handlungen des Menschen erstreckt, die von diesem zwar *gesehen*, aber mit Gewißheit nicht *vorhergesehen* werden können (für das göttliche Auge ist hier kein Unterschied), weil er zu dem letzteren den Zusammenhang nach Naturgesetzen bedarf, in Ansehung der künftigen freien Handlungen aber dieser Leitung oder Hinweisung entbehren muß.

Wenn man den Menschen einen angeborenen und unveränderlich-guten obzwar eingeschränkten Willen beilegen dürfte, so würde er dieses Fortschreiten seiner Gattung zum Besseren mit Sicherheit vorhersagen können: weil es eine Begebenheit träfe, die er selbst machen kann. Bei der Mischung des Bösen aber mit dem Guten in der Anlage, deren Maß er nicht kennt, weiß er selbst nicht, welcher Wirkung er sich davon gewärtigen könne.

5.

An irgend eine Erfahrung muß doch die wahrsagende Geschichte des Menschengeschlechts angeknüpft werden

Es muß irgend eine Erfahrung im Menschengeschlechte vorkommen, die als eine Begebenheit auf eine Beschaffenheit und ein Vermögen desselben hinweist, *Ursache* von dem Fortrücken desselben zum Besseren und (da dieses die That eines mit Freiheit begabten Wesens sein soll) *Urheber* desselben zu sein; aus einer gegebenen Ursache aber läßt sich eine Begebenheit als Wirkung vorhersagen, wenn sich die Umstände eräugnen, welche dazu mitwirkend sind. Daß diese letztere sich aber irgend einmal eräugnen müssen, kann wie beim Calcul der Wahrscheinlichkeit im Spiel wohl im Allgemeinen vorhergesagt, aber nicht bestimmt werden, ob es sich in meinem Leben zutragen und

ли оно дано мне в опыте, невозможно. – Итак, необходимо искать событие, которое указывало бы на существование такой причины и на акт ее каузальности в человеческом роде без определения во времени и позволило бы в качестве неизбежного следствия сделать заключение о движении к лучшему, а затем распространить это заключение и на историю прошлого времени (т. е. показать, что оно и в прошлом вело к лучшему); однако сделать это заключение следует так, чтобы само это событие рассматривалось не как причина прогресса, а только как указывающее на него, как *исторический знак* (*signum rememorativum, demonstrativum, prognosticon*)⁷⁵, и тем самым доказывало бы наличие такой *тенденции*, присущей человеческому роду *в целом*, т.е. применительно не к отдельным индивидуумам (ибо это дало бы лишь бесконечные подсчеты и исчисления), а ко всему человечеству, разделенному на Земле на народности и государства.

6.

О событии нашего времени,
которое доказывает наличие этой моральной
тенденции в человеческом роде

Это событие состоит не в важных совершенных людьми деяниях или злодеяниях, посредством которых великое становится для людей ничтожным, а ничтожное – великим, не в том, что, как по мановению волшебства, великолепные древние государства исчезают и на их месте возникают, словно из под земли, другие. Нет, дело совсем не в этом. В этой игре великих преобразований лишь образ мышления зрителей *открыто* проявляет себя и заявляет во всеуслышание о таком всеобщем и вместе с тем бескорыстном их сочувствии играющим на одной стороне против играющих на другой, что такая партийность может оказаться опасной и очень повредить им; это доказывает (своей всеобщностью), что человеческий род в целом обладает характером и (своим бескорыстием) что этот характер, по крайней мере в задатках, морален; и он не только позволяет надеяться на продвижение к лучшему, но уже

ич die Erfahrung davon haben werde, die jene Vorhersagung bestätigte. – Also muß eine Begebenheit nachgesucht werden, welche auf das Dasein einer solchen Ursache und auch auf den Act ihrer Causalität im Menschengeschlechte unbestimmt in Ansehung der Zeit hinweise, und die auf das Fortschreiten zum Besseren als unausbleibliche Folge schließen ließe, welcher Schluß dann auch auf die Geschichte der vergangenen Zeit (daß es immer im Fortschritt gewesen sei) ausgedehnt werden könnte, doch so, daß jene Begebenheit nicht selbst als Ursache des letzteren, sondern nur als hindeutend, als *Gesichtszeichen* (*signum rememorativum, demonstrativum, prognostikon*), angesehen werden müsse und so die *Tendenz* des menschlichen Geschlechts im *Ganzen*, d.i. nicht nach den Individuen betrachtet (denn das würde eine nicht zu beendigende Aufzählung und Berechnung abgeben), sondern wie es in Völkern und Staaten getheilt auf Erden angetroffen wird, beweisen könnte.

6.

Von einer Begebenheit unserer Zeit, welche diese moralische
Tendenz des Menschengeschlechts beweiset

Diese Begebenheit besteht nicht etwa in wichtigen, von Menschen verrichteten Thaten oder Unthaten, wodurch, was groß war, unter Menschen klein oder, was klein war, groß gemacht wird, und wie gleich als durch Zauberei alte, glänzende Staatsgebäude verschwinden, und andere an deren Statt wie aus den Tiefen der Erde hervorkommen. Nein: nichts von allem dem. Es ist bloß die Denkgangsart der Zuschauer, welche sich bei diesem Spiele großer Umwandlungen *öffentlich* verräth und eine so allgemeine und doch uneigennütige Theilnehmung der Spielenden auf einer Seite gegen die auf der andern, selbst mit Gefahr, diese Parteilichkeit könne ihnen sehr nachtheilig werden, dennoch laut werden läßt, so aber (der Allgemeinheit wegen) einen Charakter des Menschengeschlechts im Ganzen und zugleich (der Uneigennützigkeit wegen) einen moralischen Charakter desselben wenigstens in der Anlage beweiset, der das Fortschreiten zum Besseren nicht allein hoffen läßt, sondern selbst schon

сам по себе есть таковой, насколько это возможно для него в данный момент.

Революция духовно богатого народа, происходящая в эти дни на наших глазах⁷⁶, победит ли она или потерпит поражение, будет ли она полна горем и зверствами до такой степени, что благоразумный человек, даже если бы он мог надеяться на ее счастливый исход во второй раз, все же никогда бы не решился на повторение подобного эксперимента такой ценой, – эта революция, говорю я, находит в сердцах всех зрителей (не вовлеченных в эту игру) равный их сокровенному желанию *отклик*, граничащий с энтузиазмом, уже одно выражение которого связано с опасностью и который не может иметь никакой другой причины, кроме морального начала в человечестве.

Данная морально воздействующая причина двояка: во-первых, она определяется *правам*, требующим, чтобы другие силы не препятствовали народу принимать такую конституцию, которая представляется ему наилучшей; во-вторых – *целью* (которая одновременно есть и долг) считать *законной* и моральной лишь ту конституцию народа, которая по своей природе принципиально отвергает агрессивную войну, а таковой может быть, по крайней мере по своей идее, только республиканская конституция^{*};

^{*} Здесь не подразумевается, однако, что народ, имеющий монархическую конституцию, обладает правом и даже, более того, смеет в тайне питать надежду на ее изменение; быть может, его слишком уязвимое расположение в Европе диктует ему именно такую конституцию, при которой он может сохранить себя среди могущественных соседей. И недовольство подданных, вызываемое не сущностью правительства, а его политикой по отношению к другим государствам, когда оно, например, мешает им республиканизироваться, вовсе не является доказательством недовольства народа его собственной конституцией, а напротив, доказывает, скорее, любовь к ней, потому что его собственная безопасность будет тем прочнее, чем более будут республиканизироваться другие народы. Тем не менее клеветники-сикофанты с целью придать себе больше важности пытались выдавать эту невинную болтовню за стремление к обновлению, за якобинство и бунт, якобы угрожающие государству, в то время как для подобных заявлений не было ни малейшего основания, по крайней мере в стране, удаленной от очага революции более чем на сто миль.

ein solches ist, so weit das Vermögen desselben für jetzt zureicht.

Die Revolution eines geistreichen Volks, die wir in unseren Tagen haben vor sich gehen sehen, mag gelingen oder scheitern; sie mag mit Elend und Greuelthaten dermaßen angefüllt sein, daß ein wohl denkender Mensch sie, wenn er sie zum zweitenmale unternehmend glücklich auszuführen hoffen könnte, doch das Experiment auf solche Kosten zu machen nie beschließen würde, – diese Revolution, sage ich, findet doch in den Gemüthern aller Zuschauer (die nicht selbst in diesem Spiele mit verwickelt sind) eine *Theilnehmung* dem Wunsche nach, die nahe an Enthusiasm grenzt, und deren Äußerung selbst mit Gefahr verbunden war, die also keine andere als eine moralische Anlage im Menschengeschlecht zur Ursache haben kann.

Diese moralische einfließende Ursache ist zwiefach: erstens die des *Rechts*, daß ein Volk von anderen Mächten nicht gehindert werden müsse, sich eine bürgerliche Verfassung zu geben, wie sie ihm selbst gut zu sein dünkt; zweitens die des *Zwecks* (der zugleich Pflicht ist), daß diejenige Verfassung eines Volks allein an sich *rechtlich* und moralisch-gut sei, welche ihrer Natur nach so beschaffen ist, den Angriffskrieg nach Grundsätzen zu meiden, welche keine andere als die republicanische Verfassung, wenigstens der Idee nach, sein kann^{*},

^{*} Es ist aber hiemit nicht gemeint, daß ein Volk, welches eine monarchische Constitution hat, sich damit das Recht anmaße, ja auch nur in sich geheim den Wunsch hege, sie abgeändert zu wissen; denn seine vielleicht sehr verbreitete Lage in Europa kann ihm jene Verfassung als die einzige anempfehlen, bei der es sich zwischen mächtigen Nachbarn erhalten kann. Auch ist das Murren der Unterthanen nicht des Innern der Regierung halber, sondern wegen des Benehmens derselben gegen Auswärtige, wenn sie diese etwa am Republicanisiren hinderte, gar kein Beweis der Unzufriedenheit des Volks mit seiner eigenen Verfassung, sondern vielmehr der Liebe für dieselbe, weil es wider eigene Gefahr desto mehr gesichert ist, je mehr sich andere Völker republicanisiren. – Dennoch haben verläumderische Sykophanten, um sich wichtig zu machen, diese unschuldige Kannegießerei für Neuerungssucht, Jacobinerei und Rottirung, die dem Staat Gefahr drohe, auszugeben gesucht: indessen daß auch nicht der mindeste Grund zu diesem Vorgeben da war, vornehmlich nicht in einem Lande, was vom Schauplatz der Revolution mehr als hundert Meilen entfernt war.

она способна создать условия, при которых война (источник всех бедствий и упадка нравов) будет по возможности предотвращаться, и тем самым человеческому роду при всей его слабости будет негативно обеспечено его движение к лучшему, по крайней мере устранение препятствий на его пути.

Таким образом, это и граничащая с *аффектом* склонность к добру, *энтузиазм*, хотя и не заслуживающий полного одобрения, ибо аффект как таковой достоин порицания, все-таки дают на основании происходящих событий повод к важному для антропологии замечанию: истинный энтузиазм всегда тяготеет к *идеальному*, причем чисто моральному, к такому, как понятие права, и не может быть основан на своекорыстии. Деньгами нельзя было вызвать у противников революции рвение и душевное величие, которые пробуждало у ее сторонников правовое понятие, и даже понятие чести, присущее древней воинственной знати (аналог энтузиазма), отступало перед оружием тех, кто боролся за *право* народа, к которому они сами принадлежали*

* О подобном энтузиазме правоутверждения человечества можно сказать: *Postquam ad arma Vulcania ventum est, – mortalis mucro glacies seu futilis ictu dissiluit*⁷⁷. Почему еще ни один властитель не осмелился открыто заявить, что он не признает никакого *права* народа по отношению к себе, что народ обязан своим счастьем исключительно *благодетельным* правительства, которые оно ему оказывает, и что всякое притязание подданных на право выступать против него (потому что оно содержит понятие дозволенного сопротивления) является нелепым и даже наказуемым? Причина в следующем: подобное публичное заявление вызвало бы возмущение всех подданных, несмотря на то, что они, как послушные овцы, ведомые добрым и разумным господином, облагодетельствованные и надежно защищенные им, ни на какое ущемление своего благополучия не жаловались. Ибо существу, наделенному свободой, мало одного только наслаждения благами жизни, которые оно может получить и от других (в данном случае от правительства). Здесь все дело в *принципе*, на основе которого оно ими пользуется. А благополучие беспринципно и для того, кто им пользуется, и для того, кто его доставляет (один полагает его в одном, другой – в другом), потому что главное – в *материальном* начале воли,

mithin in die Bedingung einzutreten, wodurch der Krieg (der Quell aller Übel und Verderbniß der Sitten) abgehalten und so dem Menschengeschlechte bei aller seiner Gebrechlichkeit der Fortschritt zum Besseren negativ gesichert wird, im Fortschreiten wenigstens nicht gestört zu werden.

Dies also und die Theilnehmung am Guten mit *Affect*, der *Enthusiasm*, ob er zwar, weil aller Affect als ein solcher Tadel verdient, nicht ganz zu billigen ist, giebt doch vermittelt dieser Geschichte zu der für die Anthropologie wichtigen Bemerkung Anlaß: daß wahrer Enthusiasm nur immer aufs *Idealische* und zwar rein *Moralische* geht, dergleichen der Rechtsbegriff ist, und nicht auf den Eigennutz gepfropft werden kann. Durch Geldbelohnungen konnten die Gegner der Revolutionirenden zu dem Eifer und der Seelengröße nicht gespannt werden, den der bloße Rechtsbegriff in ihnen hervorbrachte, und selbst der Ehrbegriff des alten kriegerischen Adels (ein Analogon des Enthusiasm) verschwand vor den Waffen derer, welche das *Recht* des Volks, wozu sie gehörten, ins Auge gefaßt hatten*

* Von einem solchen Enthusiasm der Rechtsbehauptung für das menschliche Geschlecht kann man sagen: *postquam ad arma Vulcania ventum est, – mortalis mucro glacies ceu futilis ictu dissiluit*. – Warum hat es noch nie ein Herrscher gewagt, frei herauszusagen, daß er gar kein *Recht* des Volks gegen ihn anerkenne; daß dieses seine Glückseligkeit bloß der *Wohlthätigkeit* einer Regierung, die diese ihm angedeihen läßt, verdanke, und alle Anmaßung des Unterthans zu einem Recht gegen dieselbe (weil dieses den Begriff eines erlaubten Widerstands in sich' enthält) ungereimt, ja gar strafbar sei? – Die Ursache ist; weil eine solche öffentliche Erklärung aller Unterthanen gegen ihn empören würde, ob sie gleich, wie folgsame Schafe von einem gütigen und verständigen Herren geleitet, wohlgefüttert und kräftig geschützt, über nichts, was ihrer Wohlfahrt abginge, zu klagen hätten. Denn mit Freiheit begabten Wesen gnügt nicht der Genuß der Lebensannehmlichkeit, die ihm auch von Anderen (und hier von der Regierung) zu Theil werden kann; sondern auf das *Princip* kommt es an, nach welchem es sich solche verschafft. Wohlfahrt aber hat kein Princip, weder für den, der sie empfängt, noch der sie austeilt (der eine setzt sie hierin, der andere darin): weil es dabei auf das *Materiale* des Willens ankommt,

и защитниками которого себя считали; эта экзальтация вызвала живейшую симпатию сторонней наблюдающей за событиями публики, не имевшей ни малейшего желания в них участвовать.

7.

Предсказующая история человечества

В самом принципе должно быть нечто *моральное*, что разум демонстрирует как чистое и вместе с тем, ввиду огромного, составляющего эпоху влияния, как нечто свидетельствующее о долге призванной к этому души человека и относящееся ко всему роду человеческому в целом (non singulorum, sed universorum)⁷⁸, как нечто такое, желанный успех чего или попытки к его достижению род человеческий встречает с таким всеобщим ликованием и бескорыстным участием. Это событие – феномен не революции, а,

которое эмпирично и не может быть подведено под общее правило. Следовательно, существо, наделенное свободой, не может и не должно, сознавая это свое преимущество перед животным и руководствуясь только *формальным* принципом своей воли, требовать для народа, к которому оно принадлежит, другого правительства, кроме такого, в лице которого народ участвует в законодательстве; т. е. право людей, призванных к послушанию, должно с необходимостью предшествовать всяким соображениям благополучия; оно является святыней, стоящей выше всякой выгоды (пользы), и на эту святыню ни одно правительство, каким бы благотельным оно ни было, не смеет посягать. Но это право – всего лишь идея, воплощение которой ограничено условиями соответствия *средств* этого воплощения моральности, переступить которую народ не смеет. Оно не должно быть завоевано революционным путем, всегда несправедливым. *Господствовать* авторитарно и при этом *управлять* все же по-республикански, т. е. в духе республиканства или по аналогии с ним, – и есть то, что делает народ довольным его конституцией.

und sich als Beschützer desselben dachten; mit welcher Exaltation das äußere, zuschauende Publicum dann ohne die mindeste Absicht der Mitwirkung sympathisirte.

7.

Wahrsagende Geschichte der Menschheit

Es muß etwas *Moralisches* im Grundsatz sein, welches die Vernunft als rein, zugleich aber auch wegen des großen und Epoche machenden Einflusses als etwas, das die dazu anerkannte Pflicht der Seele des Menschen vor Augen stellt, und das menschliche Geschlecht im Ganzen seiner Vereinigung (non singulorum, sed universorum) angeht, dessen verhofftem Gelingen und den Versuchen zu demselben es mit so allgemeiner und uneigennütziger Theilnehmung zujauchzt. – Diese Begebenheit ist das Phänomen nicht einer Revolution, sondern

welches empirisch und so der Allgemeinheit einer Regel unfähig ist. Ein mit Freiheit begabtes Wesen kann und soll also im Bewußtsein dieses seines Vorzuges vor dem vernunftlosen Thier nach dem *formalen* Princip seiner Willkür keine andere Regierung für das Volk, wozu es gehört, verlangen, als eine solche, in welcher dieses mit gesetzgebend ist: d. i. das Recht der Menschen, welche gehorchen sollen, muß nothwendig vor aller Rücksicht auf Wohlbefinden vorhergehen, und dieses ist ein Heiligthum, das über allen Preis (der Nützlichkeit) erhaben ist, und welches keine Regierung, so wohlthätig sie auch immer sein mag, antasten darf. – Aber dieses Recht ist doch immer nur eine Idee, deren Ausführung auf die Bedingung der Zusammenstimmung ihrer *Mittel* mit der Moralität eingeschränkt ist, welche das Volk nicht überschreiten darf; welches nicht durch Revolution, die jederzeit ungerecht ist, geschehen darf. – Autokratisch *herrschen* und dabei doch republicanisch, d. h. im Geiste des Republicanism und nach einer Analogie mit demselben, *regieren*, ist das, was ein Volk mit seiner Verfassung zufrieden macht.

как говорит г. Эрхард⁷⁹, эволюции естественно-правовой конституции, которая сама по себе никак не может быть достигнута только в жестоких битвах, – поскольку война разрушает изнутри и извне все до сих пор устоявшееся и *узаконенное*, но порождает стремление к такой конституции, которая не может быть воинственной, т.е. к республиканской; последняя может быть таковой либо по самой своей *государственной* форме, либо только по *способу правления*, при согласии главы (монарха) управлять государством по законам, которые народ сам дал бы себе, руководствуясь всеобщими принципами.

И вот я утверждаю, что по симптомам и предзнаменованиям наших дней могу и без особого дара предвидения предсказать человечеству достижение этой цели, а вместе с тем и его с того самого момента не обратимое более вспять шествие к лучшему. Ибо подобное событие в истории человечества *не будет забыто*, потому что оно вскрыло в человеческой природе задатки и способность к совершенствованию, которые на основе происшедшего до сих пор не смог бы открыть ни один политик; лишь оно способно было предсказать объединение природы и свободы в человеческом роде по внутренним правовым принципам, но лишь как событие, не определенное во времени и случайное.

Но даже если цель, предполагаемая данным событием, и теперь не будет достигнута, если революция и реформа конституции народа все же в конце концов потерпят неудачу или же, по истечении некоторого времени, все опять вернется на свою прежнюю колею (как предсказывают уже теперь политики), указанное философское предсказание не утратит своей силы. – Ибо данное событие слишком огромно, слишком переплетено с интересами человечества и по своему влиянию слишком распространилось на весь мир, чтобы народы не вспомнили о нем при благоприятной возможности и попытки подобного рода не были бы возобновлены. И тогда, учитывая всю

(wie es Hr. Erhard ausdrückt) der *Evolution* einer *naturrechtlichen* Verfassung, die zwar nur unter wilden Kämpfen noch nicht selbst errungen wird – indem der Krieg von innen und außen alle bisher bestandene *statutarische* zerstört – , die aber doch dahin führt, zu einer Verfassung hinzustreben, welche nicht kriegssüchtig sein kann, nämlich der republicanischen; die es entweder selbst der *Staatsform* nach sein mag, oder auch nur nach der *Regierungsart*, bei der Einheit des Oberhauptes (des Monarchen) den Gesetzen analogisch, die sich ein Volk selbst nach allgemeinen Rechtsprincipien geben würde, den Staat verwalten zu lassen.

Nun behaupte ich dem Menschengeschlechte nach den Aspecten und Vorzeichen unserer Tage die Erreichung dieses Zwecks und hiemit zugleich das von da an nicht mehr gänzlich rückgängig werdende Fortschreiten desselben zum Besseren auch ohne Sehergeist vorhersagen zu können. Denn ein solches Phänomen in der Menschengeschichte *vergift sich nicht mehr*, weil es eine Anlage und ein Vermögen in der menschlichen Natur zum Besseren aufgedeckt hat, dergleichen kein Politiker aus dem bisherigen Laufe der Dinge herausgeklügelt hätte, und welches allein Natur und Freiheit, nach inneren Rechtsprincipien im Menschengeschlechte vereinigt, aber, was die Zeit betrifft, nur als unbestimmt und Begebenheit aus Zufall verheißen konnte.

Aber wenn der bei dieser Begebenheit beabsichtigte Zweck auch jetzt nicht erreicht würde, wenn die Revolution oder Reform der Verfassung eines Volks gegen das Ende doch fehlschlüge, oder, nachdem diese einige Zeit gewährt hätte, doch wiederum alles ins vorige Gleis zurückgebracht würde (wie Politiker jetzt wahrsagen), so verliert jene philosophische Vorhersagung doch nichts von ihrer Kraft. – Denn jene Begebenheit ist zu groß, zu sehr mit dem Interesse der Menschheit verwebt und ihrem Einflusse nach auf die Welt in allen ihren Theilen zu ausgebreitet, als daß sie nicht den Völkern bei irgend einer Veranlassung günstiger Umstände in Erinnerung gebracht und zu Wiederholung neuer Versuche dieser Art erweckt werden sollte; da dann bei einer

важность этого вопроса для человечества, желанная конституция должна все же обрести ту прочность, которая благодаря долговременному восприятию не преминет оставить след в душах всех людей.

Итак, это не просто благожелательное и в практическом отношении рекомендуемое, но вопреки всем скептикам имеющее силу и для самой строгой теории положение: род человеческий всегда шел по пути прогресса к лучшему и будет идти этим путем и впредь; это положение, если иметь в виду не только происходящее в том или ином народе, но и его распространение на все народы Земли, которые постепенно будут принимать в этом участие, открывает перспективу необозримого будущего – если только вслед за эпохой первой революции в природе, которая, согласно *Камперу* и *Блюменбаху*⁸⁰, погребла, когда людей еще не было, только растительный и животный мир, не последует вторая, которая уготовит роду человеческому такую же участь, чтобы на сцену вышли другие создания, и т.д. Ибо для всемогущества природы или, скорее, для недоступной нам высшей причины человек есть всего лишь мелочь. Но то, что властители одного с ним рода считают его таковой и обращаются с ним как с животным или просто как с орудием своих целей, травливают в своих распрях людей друг на друга, чтобы их убивать, – это уже не мелочь, а прямое извращение *конечной цели* самого творения.

8.

О трудности максим,
направленных на движение к благу мира,
в отношении их публичности

Просвещение народа есть публичное обучение народа его обязанностям и правам по отношению к государству, к которому он принадлежит. Поскольку здесь речь идет о естественных, проистекающих из общего человеческого рассудка

für das Menschengeschlecht so wichtigen Angelegenheit endlich doch zu irgend einer Zeit die beabsichtigte Verfassung diejenige Festigkeit erreichen muß, welche die Belehrung durch öftere Erfahrung in den Gemüthern Aller zu bewirken nicht ermangeln würde.

Es ist also ein nicht bloß gutgemeinter und in praktischer Absicht empfehlungswürdiger, sondern allen Ungläubigen zum Trotz auch für die strengste Theorie haltbarer Satz: daß das menschliche Geschlecht im Fortschreiten zum Besseren immer gewesen sei und so fernerhin fortgehen werde, welches, wenn man nicht bloß auf das sieht, was in irgend einem Volk geschehen kann, sondern auch auf die Verbreitung über alle Völker der Erde, die nach und nach daran Theil nehmen dürften, die Aussicht in eine unabsehbliche Zeit eröffnet; wofern nicht etwa auf die erste Epoche einer Naturrevolution, die (nach *Camper* und *Blumenbach*) bloß das Thier- und Pflanzenreich, ehe noch Menschen waren, vergrub, noch eine zweite folgt, welche auch dem Menschengeschlechte eben so mitspielt, um andere Geschöpfe auf diese Bühne treten zu lassen, u. s. w.. Denn für die Allgewalt der Natur, oder vielmehr ihrer uns unerreichbaren obersten Ursache ist der Mensch wiederum nur eine Kleinigkeit. Daß ihn aber auch die Herrscher von seiner eigenen Gattung dafür nehmen und als eine solche behandeln, indem sie ihn theils thierisch, als bloßes Werkzeug ihrer Absichten, belasten, theils in ihren Streitigkeiten gegen einander aufstellen, um sie schlachten zu lassen, – das ist keine Kleinigkeit, sondern Umkehrung des *Endzwecks* der Schöpfung selbst.

8.

Von der Schwierigkeit der auf das Fortschreiten zum
Weltbesten angelegten Maximen in Ansehung
ihrer Publicität

Volksaufklärung ist die öffentliche Belehrung des Volks von seinen Pflichten und Rechten in Ansehung des Staats, dem es angehört. Weil es hier nur natürliche und aus dem gemeinen Menschenverstande hervorgehende

правах, провозглашателями и толкователями их в народе становятся не назначенные государством юристы, занимающие определенные должности, а свободные учителя права, т.е. философы, которые именно вследствие своей свободы неуютны государству, стремящемуся всегда только к господству; их именуют *просветителями*, опасными для государства людьми, хотя они не *доверительно* взывают к народу (которому почти или совсем нет дела до их трудов), а *почтительно* обращаются к государству, умоляя его принять во внимание правовую потребность народа; произойти же это может только публично, если весь народ намеревается высказать свои жалобы (*gravamen*)⁸¹. *Запрещение* публичности препятствует продвижению народа к лучшему, даже в том, что касается наименьшего из его требований, его естественного права.

Другим, хотя и легко раскрываемым, но все же в приказном порядке навязанным народу секретом является утаивание истинного характера его государственного устройства. Было бы оскорблением величия народа Великобритании утверждать, что последняя представляет собою *неограниченную монархию*: напротив, утверждают, что в основе ее лежит конституция, *ограничивающая* волю монарха с помощью двух палат парламента как народных представителей. И тем не менее каждый хорошо знает, что влияние монарха на этих представителей настолько велико, что упомянутыми палатами не решается ничего, кроме того, что хочет он и что он предлагает им через своих министров. Он предлагает им и такие решения, относительно которых он предвидит – и даже *инсценирует* – возражения (например, по поводу торговли неграми), чтобы показать мнимую свободу парламента. – Подобное иллюзорное представление о положении вещей вредно тем, что ведет к прекращению попыток найти подлинную основанную на праве конституцию, поскольку она якобы уже существует в найденной ранее, а лживая публичность с инсценировкой

Rechte betrifft, so sind die natürlichen Verkündiger und Ausleger derselben im Volk nicht die vom Staat bestellte amtsmäßige, sondern freie Rechtslehrer, d. i. die Philosophen, welche eben um dieser Freiheit willen, die sie sich erlauben, dem Staate, der immer nur herrschen will, anstößig sind, und werden unter dem Namen *Aufklärer* als für den Staat gefährliche Leute verschrien; obzwar ihre Stimme nicht *vertraulich* ans Volk (als welches davon und von ihren Schriften wenig oder gar keine Notiz nimmt), sondern *ehrerbietig* an den Staat gerichtet und dieser jenes sein rechtliches Bedürfnis zu beherzigen angefleht wird; welches durch keinen andern Weg als den der Publicität geschehen kann, wenn ein ganzes Volk seine Beschwerde (*gravamen*) vortragen will. So verhindert das *Verbot* der Publicität den Fortschritt eines Volks zum Besseren, selbst in dem, was das Mindeste seiner Forderung, nämlich bloß sein natürliches Recht, angeht.

Eine andere, obzwar leicht durchzuschauende, aber doch gesetzmäßig einem Volk befohlene Verheimlichung ist die von der wahren Beschaffenheit seiner Constitution. Es wäre Verletzung der Majestät des großbritannischen Volks, von ihm zu sagen, es sei eine *unbeschränkte Monarchie*: sondern man will, es soll eine durch die zwei Häuser des Parlaments, als Volksrepräsentanten, den Willen des Monarchen *einschränkende* Verfassung sein, und doch weiß ein jeder sehr gut, daß der Einfluß desselben auf diese Repräsentanten so groß und so unfehlbar ist, daß von gedachten Häusern nichts anderes beschlossen wird, als was Er will und durch seinen Minister anträgt; der dann auch wohl einmal auf Beschlüsse anträgt, bei denen er weiß und es auch *macht*, daß ihm werde widersprochen werden (z.B. wegen des Negerhandels), um von der Freiheit des Parlaments einen scheinbaren Beweis zu geben. – Diese Vorstellung der Beschaffenheit der Sache hat das Trügliche an sich, daß die wahre, zu Recht beständige Verfassung gar nicht mehr gesucht wird: weil man sie in einem schon vorhandenen Beispiel gefunden zu haben vermeint, und eine lügenhafte Publicität das Volk mit Vorspiegelung

ограничения монархии* законом, исходящим якобы от народа, вводит последний в заблуждение, между тем как его подкупленные представители втайне подчиняют народ абсолютному монарху.

* * *

Идея конституции, отвечающей естественному человеческому праву, а именно: чтобы те, кто подчиняется закону, вместе с тем участвовали в законодательстве – эта идея лежит в основе всех государственных форм, а общность, мыслимая соответственно этой идее в чистых понятиях разума и представляющая платоновский *идеал* (*respublica noumenon*), – не пустая химера, но вечная норма гражданской конституции, чуждая войне. Гражданское общество, организованное в соответствии с этой идеей, является ее изображением по законам свободы посредством данного в опыте примера (*respublica phaenomenon*) и может быть лишь

* Причина, свойство которой непосредственно не известно, раскрывается в своем действии, которое за ней незамедлительно следует. – Что такое абсолютный монарх? Абсолютным монархом является тот, по чьему приказу начать войну последняя тут же разражается. – А что такое монарх, ограниченный в своих действиях? Это такой монарх, который вынужден спрашивать народ, быть войне или не быть, и если народ говорит, что войны быть не должно, то война и не ведется. – Ведь война – это такое состояние, когда все силы государства должны находиться в распоряжении верховной власти. А монарх Великобритании за последнее время вел довольно много войн, не испрашивая никакого одобрения. Следовательно, такой король – абсолютный монарх, каковым, однако, он не должен быть согласно конституции; впрочем, ее он всегда может обойти, ибо способен обеспечить себе поддержку народных представителей с помощью тех же самых государственных сил, ведь в его власти предоставлять должности и звания. Подобная система для своего успешного существования, разумеется, отнюдь не нуждается в публичности, и поэтому все пребывает под весьма прозрачной завесой таинственности.

einer durch das von ihm ausgehende Gesetz eingeschränkten Monarchie* täuscht, indessen daß seine stellvertreter, durch Bestechung gewonnen, es ingeheim einem absoluten Monarchen unterwarfen.

* * *

Die Idee einer mit dem natürlichen Rechte der Menschen zusammenstimmenden Constitution: daß nämlich die dem Gesetz Gehorchenden auch zugleich, vereinigt, gesetzgebend sein sollen, liegt bei allen Staatsformen zum Grunde, und das gemeine Wesen, welches, ihr gemäß durch reine Vernunftbegriffe gedacht, ein platonisches *Ideal* heißt (*respublica noumenon*), ist nicht ein leeres Hirngespinnst, sondern die ewige Norm für alle bürgerliche Verfassung überhaupt und entfernt allen Krieg. Eine dieser gemäß organisirte bürgerliche Gesellschaft ist die Darstellung derselben nach Freiheitsgesetzen durch ein Beispiel in der Erfahrung (*respublica phaenomenon*) und kann nur

* Eine Ursache, deren Beschaffenheit man nicht unmittelbar einsieht, entdeckt sich durch die Wirkung, die ihr unausbleiblich anhängt. – Was ist ein absoluter Monarch? Es ist derjenige, auf dessen Befehl, wenn er sagt, es soll Krieg sein, sofort Krieg ist. – Was ist dagegen ein eingeschränkter Monarch? Der, welcher vorher das Volk befragen muß, ob Krieg sein solle oder nicht, und sagt das Volk: es soll nicht Krieg sein, so ist kein Krieg. – Denn Krieg ist ein Zustand, in welchem dem Staatsoberhaupte alle Staatskräfte zu Gebot stehen müssen. Nun hat der großbritannische Monarch recht viel Kriege geführt, ohne dazu jene Einwilligung zu suchen. Also ist dieser König ein absoluter Monarch, der er zwar der Constitution nach nicht sein sollte; die er aber immer vorbei gehen kann, weil er eben durch jene Staatskräfte, nämlich daß er alle Ämter und Würden zu vergeben in seiner Macht hat, sich der Beistimmung der Volksrepräsentanten versichert halten kann. Dieses Bestechungssystem muß aber freilich nicht Publicität haben, um zu gelingen. Es bleibt daher unter dem sehr durchsichtigen Schleier des Geheimnisses.

с трудом построено после многочисленных распрей и войн. Но его конституция, если она однажды будет в основном осуществлена, признается лучшей среди всех в деле предотвращения войны, этого разрушителя всякого блага. Следовательно, принятие такой конституции есть долг, но поначалу (потому что это осуществимо не сразу) долг монархов, хотя бы они властвовали *автократически*, управлять все же *по-республикански* (не демократически), т.е. обходиться с народом по принципам, соответствующим духу законов свободы (как их предписал бы себе сам народ со зрым разумом), хотя формально его согласия на это и не испрашивалось бы.

9.

Какие плоды сулит человеческому роду прогресс к лучшему?

Не во все возрастающем количестве *моральности* в образе мыслей, а в увеличении результатов ее *легальности* и в соответствующих долгу поступках, какими бы мотивами они ни были продиктованы, т.е. в добрых *деяниях* людей, все увеличивающихся и все более удачных, следовательно, в проявлениях нравственного начала в человеческом роде, только и можно полагать главный итог его изменения к лучшему. – Ибо мы основываем свое предсказание на *эмпирических* данных (на опыте), а именно – на физической причине наших поступков, поскольку они происходят, т.е. сами суть явления, а не на моральной, содержащей понятие долга по отношению к тому, что должно произойти, причем это понятие может быть установлено только чисто а priori.

Постепенно насилие властей будет ослабевать, а послушание закону возрастать. В обществе несколько увеличатся благодеяния, уменьшатся распри и судебные процессы, появится вера в надежность данного слова и т.д. – как следствие

nach mannigfaltigen Befehdungen und Kriegen mühsam erworben werden; ihre Verfassung aber, wenn sie im Großen einmal errungen worden, qualificirt sich zur besten unter allen, um den Krieg, den Zerstörer alles Guten, entfernt zu halten; mithin ist es Pflicht in eine solche einzutreten, vorläufig aber (weil jenes nicht so bald zu Stande kommt) Pflicht der Monarchen, ob sie gleich *autokratisch* herrschen, dennoch *republicanisch* (nicht demokratisch) zu regieren, d. i. das Volk nach Principien zu behandeln, die dem Geist der Freiheitsgesetze (wie ein Volk mit reifer Vernunft sie sich selbst vorschreiben würde) gemäß sind, wenn gleich dem Buchstaben nach es um seine Einwilligung nicht befragt würde.

9.

Welchen Ertrag wird der Fortschritt zum Besseren dem Menschengeschlecht abwerfen?

Nicht ein immer wachsendes Quantum der *Moralität* in der Gesinnung, sondern Vermehrung der Producte ihrer *Legalität* in pflichtmäßigen Handlungen, durch welche Triebfeder sie auch veranlaßt sein mögen; d. i. in den guten *Thaten* der Menschen, die immer zahlreicher und besser ausfallen werden, also in den Phänomenen der sittlichen Beschaffenheit des Menschengeschlechts, wird der Ertrag (das Resultat) der Bearbeitung desselben zum Besseren allein gesetzt werden können. – Denn wir haben nur *empirische* Data (Erfahrungen), worauf wir diese Vorhersagung gründen: nämlich auf die physische Ursache unserer Handlungen, in sofern sie geschehen, die also selbst Erscheinungen sind, nicht die moralische, welche den Pflichtbegriff von dem enthält, was geschehen sollte, und der allein rein, a priori, aufgestellt werden kann.

Allmählich wird der Gewaltthätigkeit von Seiten der mächtigen weniger, der Folgsamkeit in Ansehung der Gesetze mehr werden. Es wird etwa mehr Wohlthätigkeit, weniger Zank in Processen, mehr Zuverlässigkeit im Worthalten u.s.w. theils aus

отчасти благопристойности, отчасти правильного понимания собственной выгоды; в конце концов все это распространится на отношения между народами и найдет свое завершение во всемирном гражданском обществе; при этом не произойдет ни малейшего увеличения основы моральности в человеческом роде, для чего потребовалось бы нечто вроде нового творения (сверхъестественного влияния). – Не следует ждать слишком многого от людей в их продвижении к лучшему, ибо в противном случае мы можем с полным основанием стать предметом насмешек политика, склонного принимать высказанную здесь надежду за фантазию экзальтированного ума*.

10.

На каком пути можно ожидать
продвижения к лучшему?

Ответ гласит: на пути движения вещей не *снизу вверх*, а *сверху вниз*. – Ждать, что, наставляя юношество в домашних

* Очень *заманчиво* мыслить такие конституции, которые отвечали бы требованиям разума (главным образом в правовом отношении), но предлагать их *рискованно*, а подстрекать народ к ликвидации уже существующей *заслуживает наказания*.

«Атлантида» Платона, «Утопия» Мора, «Океания» Харрингтона и «Севарамбия» Алме⁸² появлялись на свет постепенно, но попытки к их осуществлению никогда (за исключением неудачливого ублюдка деспотической республики Кромвелля) не предпринимались. – Судьба этих государственных творений оказалась такой же, как и судьба сотворения мира: ни один человек не присутствовал при этом, да и не мог присутствовать, так как в этом случае он был бы творцом самого себя. Питать надежду на то, что когда-либо, пусть даже поздно, государство, как оно здесь мыслится, будет осуществлено, есть сладкая мечта; но постепенное приближение к нему не только *мыслимо*, но и, насколько это совместимо с моральным законом, есть *долг*, долг не граждан, а главы государства.

Ehrliche, theils aus wohlverstandenen eigenen Vortheil im gemeinen Wesen entspringen und sich endlich dies auch auf die Völker im äußeren Verhältniß gegen einander bis zur weltbürgerlichen Gesellschaft erstrecken, ohne daß dabei die moralische Grundlage im Menschengeschlechte im mindesten vergrößert werden darf; als wozu auch eine Art von neuer Schöpfung (übernatürlicher Einfluß) erforderlich sein würde. – Denn wir müssen uns von Menschen in ihren Fortschritten zum Besseren auch nicht zu viel versprechen, um nicht in den Spott des Politikers mit Grunde zu verfallen, der die Hoffnung des ersteren gerne für Träumerei eines überspannten Kopfs halten möchte*.

10.

In welcher Ordnung allein kann der Fortschritt
zum Besseren erwartet werden?

Die Antwort ist: nicht durch den Gang der Dinge *von unten hin- auf*, sondern den *von oben herab*. – Zu erwarten, daß durch Bildung der Jugend in häuslicher

* Es ist doch *süß*, sich Staatsverfassungen auszudenken, die den Forderungen der Vernunft (vornehmlich in rechtlicher Absicht) entsprechen: aber *vermessen*, sie vorzuschlagen, und *strafbar*, das Volk zur Abschaffung der jetzt bestehenden aufzuwiegel.

Platos Atlantica, Morus' Utopia, Harringtons Oceana und Allais' Seve- rambia sind nach und nach auf die Bühne gebracht, aber nie (Cromwells verunglückte Mißgeburt einer despotischen Republik ausgenommen) auch nur versucht worden. – Es ist mit diesen Staatsschöpfungen wie mit der Welterschöpfung zugegangen: kein Mensch war dabei zugegen, noch konnte er bei einer solchen gegenwärtig sein, weil er sonst sein eigener Schöpfer hätte sein müssen. Ein Staatsproduct, wie man es hier denkt, als dereinst, so spät es auch sei, vollendet zu hoffen, ist ein süßer Traum; aber sich ihm immer zu nähern, nicht allein *denkbar*, sondern, so weit es mit dem moralischen Gesetze zusammen bestehen kann, *Pflicht*, nicht der Staatsbürger, sondern des Staatsoberhaupt.

условиях, затем в школах, начиная с низших и кончая высшими, ведя их к пониманию духовной и моральной, поддерживаемой религиозным учением культуры, удастся в конце концов не только воспитать хороших граждан государства, но и направить их к добру, постоянно прогрессирующему и сохраняющему свое действие, – план, который едва ли позволяет надеяться на желанный успех. Ведь дело не только в том, что, по мнению народа, расходы по воспитанию юношества должен нести не он, а государство, у государства же нет средств на оплату хороших, ревностно исполняющих свои обязанности учителей (как сетует *Бюшинг*⁸³), так как оно расходует все на войну, то также и в том, что вся система образования будет лишена связи, если в ее основу не положен план, разработанный высшей государственной властью в соответствии с ее намерениями и сохранен ею в таком виде; с этим могло бы быть связано происходящее время от времени реформирование государства – пытаюсь заменить революцию эволюцией, оно постоянно двигалось бы к лучшему. Но так как те, кто должен осуществить воспитание юношества, также только *люди*, которые и сами должны быть воспитаны для этой деятельности, то при слабости человеческой природы и случайности обстоятельств, которые могут способствовать такому результату, надежду на прогресс можно связывать только с мудростью свыше (если она невидима, мы называем ее провидением) в качестве положительного условия; а от *людей* можно ожидать и требовать для достижения этой цели только негативной мудрости, а именно – чтобы они увидели необходимость сделать *войну*, самое большое препятствие для моральности, постоянно отдаляющее поставленную здесь цель, прежде всего более человеческой, затем все более редкой и, наконец, сумели бы полностью устранить агрессивную войну; тогда они могли бы надеяться обрести конституцию, которая по своей природе, основываясь на подлинных правовых принципах и сохраняя свою силу, могла бы неуклонно идти к лучшему.

Unterweisung und weiterhin in Schulen, von den niedrigen an bis zu den höchsten, in Geistes- und moralischer, durch Religionslehre verstärkter Cultur es endlich dahin kommen werde, nicht bloß gute Staatsbürger, sondern zum Guten, was immer weiter fortschreiten und sich erhalten kann, zu erziehen, ist ein Plan, der den erwünschten Erfolg schwerlich hoffen läßt. Denn nicht allein daß das Volk dafür hält, daß die Kosten der Erziehung seiner Jugend nicht ihm, sondern dem Staate zu Lasten kommen müssen, der Staat aber dagegen seinerseits zu Besoldung tüchtiger und mit Lust ihrem Amte obliegender Lehrer kein Geld übrig hat (wie *Büsching* klagt), weil er alles zum Kriege braucht: sondern das ganze Maschinenwesen dieser Bildung hat keinen Zusammenhang, wenn es nicht nach einem überlegten Plane der obersten Staatsmacht und nach dieser ihrer Absicht entworfen, ins Spiel gesetzt und darin auch immer gleichförmig erhalten wird; wozu wohl gehören möchte, daß der Staat sich von Zeit zu Zeit auch selbst reformire und, statt Revolution Evolution versuchend, zum Besseren beständig fortschreite. Da es aber doch auch *Menschen* sind, welche diese Erziehung bewirken sollen, mithin solche, die dazu selbst haben gezogen werden müssen: so ist bei dieser Gebrechlichkeit der menschlichen Natur unter der Zufälligkeit der Umstände, die einen solchen Effect begünstigen, die Hoffnung ihres Fortschreitens nur in einer Weisheit von oben herab (welche, wenn sie uns unsichtbar ist, Vorsehung heißt) als positiver Bedingung, für das aber, was hierin von *Menschen* erwartet und gefordert werden kann, bloß negative Weisheit zur Beförderung dieses Zwecks zu erwarten, nämlich daß sie das größte Hinderniß des Moralischen, nämlich den *Krieg*, der diesen immer zurückgängig macht, erstlich nach und nach menschlicher, darauf seltener, endlich als Angriffskrieg ganz schwinden zu lassen sich genöthigt sehen werden, um eine Verfassung einzuschlagen, die ihrer Natur nach, ohne sich zu schwächen, auf ächte Rechtsprincipien gegründet, beharrlich zum Bessern fortschreiten kann.

Заключение

Пациента, которому врач обещает со дня на день выздоровление, говоря в первый день, что пульс, на второй – что мокрота, а на третий – что потливость предвещают выздоровление и т.д., посетил один из его друзей и первым его вопросом было: «Как вы себя чувствуете, как ваша болезнь, друг мой?» – «Как я себя чувствую? Я умираю от постоянного улучшения!» – Я не порицаю того, кто при виде недостатков государства начинает сомневаться в благой судьбе человеческого рода и в его движении к лучшему, однако я полагаюсь на героическое лекарство, обещающее быстрое выздоровление, о котором говорит Юм. «Когда я в наши дни вижу (говорит он) воюющие нации, они напоминают мне драку двух пьяных парней в магазине фарфора. Мало того, что им придется долго залечивать ушибы, нанесенные друг другу, они еще будут вынуждены оплатить причиненный ими ущерб». Sero sapiunt Phryges⁸⁴. Последствия войны настоящего времени заставляют политического провидца предсказать человеческому роду предстоящий поворот к лучшему, который в перспективе виден уже теперь.

Beschluß

Ein Arzt, der seine Patienten von Tag zu Tag auf baldige Genesung vertröstete: den einen, daß der Puls besser schlug; den anderen, daß der Auswurf, den dritten, daß der Schweiß Besserung verspräche, u. s. w., bekam einen Besuch von einem seiner Freunde. Wie gehts, Freund, mit eurer Krankheit? war die erste Frage. Wie wirds gehen? *Ich sterbe vor lauter Besserung!* – Ich verdenke es Keinem, wenn er in Ansehung der Staatsübel an dem Heil des Menschengeschlechts und dem Fortschreiten desselben zum Besseren zu verzagen anhebt; allein ich verlasse mich auf das heroische Arzneimittel, welches *Hume* anführt und eine schnelle Cur bewirken dürfte. – «Wenn ich jetzt (sagt er) die Nationen im Kriege gegen einander begriffen sehe, so ist es, als ob ich zwei besoffene Kerle sähe, die sich in einem Porzellanladen mit Prügeln herumschlagen. Denn nicht genug, daß sie an den Beulen, die sie sich wechselseitig geben, lange zu heilen haben, so müssen sie hinterher noch allen den Schaden bezahlen, zahlen, den sie anrichteten.» Sero sapiunt Phryges. Die Nachwehen des gegenwärtigen Krieges aber können dem politischen Wahrsager das Geständniß einer nahe bevorstehenden Wendung des menschlichen Geschlechts zum Besseren abnöthigen, das schon jetzt im Prospect ist.

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

СПОР ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА С МЕДИЦИНСКИМ

О способности духа с помощью
одного лишь намерения справиться
со своими болезненными ощущениями

Ответ господину надворному советнику
профессору Хуфеланду⁸⁵

Вы могли бы, пожалуй, с полным основанием считать, что выраженная мною в письме, датированном январем *текущего* года, благодарность за посланную мне 12 декабря 1796 г. в дар Вашу поучительную и приятную книгу «*О способе продлить человеческую жизнь*» сама свидетельствует о намерении прожить долгую жизнь, если бы старости вообще не было свойственно *откладывать* (procrastinatio) важные решения: ведь таковым является и решение умереть, а между тем смерть всегда приходит слишком рано, и мы неисчерпаемы в доводах, которые могли бы заставить ее подождать.

Вы требуете от меня суждения о Вашем «стремлении подходить к физической природе человека с позиций морали, представить человека в целом, в том числе и его физическую сторону, как существо, руководствующееся моральными побуждениями, и показать, что моральная культура необходима для физического завершения человеческой природы,

DRITTER ABSCHNITT

DER STREIT DER PHILOSOPHISCHEN FACULTÄT MIT DER MEDICINISCHEN

Von der Macht des Gemüths
durch den bloßen Vorsatz
seiner krankhaften Gefühle Meister zu sein

Ein Antwortschreiben an Herrn Hofrath
und Professor Hufeland

Daß meine Danksagung für das den 12ten Dec. 1796 an mich bestellte Geschenk Ihres lehrreichen und angenehmen Buchs «*von der Kunst das menschliche Leben zu verlängern*» selbst auf ein langes Leben berechnet gewesen sein dürfte, möchten Sie vielleicht aus dem Datum dieser meiner Antwort vom Januar *dieses* Jahres zu schließen Ursache haben, wenn das Altgewordensein nicht schon die öftere *Vertagung* (procrastinatio) wichtiger Beschlüsse bei sich führte, dergleichen doch wohl der des Todes ist, welcher sich immer zu früh für uns anmeldet, und den man warten zu lassen an Ausreden unerschöpflich ist.

Sie verlangen von mir ein Urtheil über ihr «Bestreben, das Physische im Menschen moralisch zu behandeln; den ganzen, auch physischen Menschen als ein auf Moralität berechnetes Wesen darzustellen und die moralische Kultur als unentbehrlich zur physischen Vollendung der überall nur in der Anlage vorhandenen Menschennatur

которая всюду проявляет себя лишь в виде задатков». И далее Вы продолжаете: «Я могу, положив руку на сердце, утверждать, что мною руководило не заранее сложившееся мнение, но что мой метод – следствие упорного труда и тщательного исследования». Такой взгляд на существо дела выдает философа, а не просто умничающего специалиста: человека, который стремится не только к тому, чтобы умело пользоваться в своем лечении диктуемыми разумом *средствами*, применять их (технически), как его учит опыт – как бы уподобляясь в этом одному из директоров французского Конвента, – но выступает как член законодательного корпуса врачей и руководствуется в выборе этих средств велением чистого разума, который вместе с умением (что *помогает*) мудро предписывает ему и то, что само по себе есть *долг*: таким образом моральная, практическая философия является также универсальной медициной, которая, правда, не излечивает всех от всего, но необходимо должна присутствовать в каждом лечении.

Это универсальное средство касается, однако, только *диететики*, т.е. действует *негативно*, в качестве способа *предотвратить* заболевание. Подобное искусство предполагает такую способность, которую может дать только философия или ее дух, чье наличие заранее предполагается. С ним связана главная диететическая задача, выраженная в следующей теме:

*О способности человеческого духа
с помощью одного лишь намерения
справиться со своими болезненными ощущениями*

Я не могу заимствовать подтверждающие справедливость этого положения примеры из опыта *других* людей; мне приходится прежде всего обратиться к собственным наблюдениям, поскольку они проистекают из самосознания, и лишь затем задать другим вопрос: не ощущали ли они то же самое. – Поэтому я вынужден предоставить *говорить* моему Я, что было бы

zu zeigen», und setzen hinzu: «Wenigstens kann ich versichern, daß es keine vorgefaßte Meinungen waren, sondern ich durch die Arbeit und Untersuchung selbst unwiderstehlich in diese Behandlungsart hineingezogen wurde.» – – Eine solche Ansicht der Sache verräth den Philosophen, nicht den bloßen Vernunftkünstler; einen Mann, der nicht allein gleich einem der Directoren des französischen Convents die von der Vernunft verordneten *Mittel* der Ausführung (technisch), wie sie die Erfahrung darbietet, zu seiner Heilkunde mit Geschicklichkeit, sondern als gesetzgebendes Glied im Corps der Ärzte aus der reinen Vernunft hernimmt, welche zu dem, was *hilft*, mit Geschicklichkeit auch das, was zugleich an sich *Pflicht* ist, mit Weisheit zu verordnen weiß: so daß moralisch-praktische Philosophie zugleich eine Universalmedicin abgibt, die zwar nicht Allen für Alles hilft, aber doch in keinem Recepte mangeln kann.

Dieses Universalmittel betrifft aber nur die *Diätetik*, d. i. es wirkt nur *negativ*, als Kunst, Krankheiten *abzuhalten*. Dergleichen Kunst aber setzt ein Vermögen voraus, das nur Philosophie, oder der Geist derselben, den man schlechthin voraussetzen muß, geben kann. Auf diesen bezieht sich die oberste diätetische Aufgabe, welche in dem Thema enthalten ist:

*Von der Macht des Gemüths des Menschen über seine
krankhafte Gefühle durch den bloßen festen Vorsatz
Meister zu sein*

Die die Möglichkeit dieses Ausspruchs bestätigenden Beispiele kann ich nicht von der Erfahrung *Anderer* hernehmen, sondern zuerst nur von der an mir selbst angestellten, weil sie aus dem Selbstbewußtsein hervorgeht und sich nachher allererst Andere fragen läßt: ob es nicht auch sie eben so in sich wahrnehmen. – Ich sehe mich also genöthigt, mein *Ich laut* werden zu lassen,

нескромным в догматическом сообщении*, но простибельно, если речь идет не об имеющемся у всех опыте, а касается внутреннего эксперимента или наблюдения, которое я вынужден был сначала произвести на себе, и лишь потом предложить суждению других то, что не всегда удается постигнуть без посторонней помощи. – Занимать других историей моих размышлений, содержащих субъективную (для меня), но не объективную значимость (для всех), было бы претензией, достойной порицания. Однако если это внимание к самому себе и основанное на нем наблюдение объясняется более глубокими соображениями, а обращение ко всем подумав об этом вызвано необходимостью и заслуживает серьезного к нему отношения, тогда претензию на то, чтобы занимать других своими ощущениями, можно хотя бы простить.

Прежде чем приступить к выводам, основанным на моих наблюдениях над самим собой с диететических позиций, я считаю необходимым сделать ряд замечаний о том, как господин *Хуфеланд* определяет задачу *диететики*, т.е. умения *предотвращать* болезни, в отличие от *терапии*, которая стремится их *лечить*.

Он называет диететику «умением продлить человеческую жизнь».

В своем определении он исходит из того, что составляет самое заветное желание людей, хотя, быть может, его и не стоит. Люди хотят исполнения двух своих пожеланий, а именно: *долго жить* и при этом быть *здоровыми*; однако первое совсем не обязательно обусловлено вторым, оно вообще ничем не обусловлено. Если больной, долгие годы прикованный к постели, испытывающий жесточайшие страдания, постоянно призывает смерть, которая избавит его от мучений, – не верьте ему,

* В догматическо-практической речи, например в таком наблюдении над собой, которое касается долга каждого, проповедник говорит не *Я*, а *Мы*. В повествовании же, рассказывая о своем личном ощущении (в сообщении пациента врачу) или собственном опыте, принято говорить *Я*.

was im dogmatischen Vortrage* scheidenheit verräth, aber Verzeihung verdient, wenn es nicht gemeine Erfahrung, sondern ein inneres Experiment oder Beobachtung betrifft, welche ich zuerst an mir selbst angestellt haben muß, um etwas, was nicht jedermann von selbst, und ohne darauf geführt zu sein, beifällt, zu seiner Beurtheilung vorzulegen. – Es würde tadelhafte Anmaßung sein, Andere mit der inneren Geschichte meines Gedankenspiels unterhalten zu wollen, welche zwar subjective Wichtigkeit (für mich), aber keine objective (für jedermann geltende) enthielte. Wenn aber dieses Aufmerken auf sich selbst und die daraus hervorgehende Wahrnehmung nicht so gemein ist, sondern, daß jeder dazu aufgefordert werde, eine Sache ist, die es bedarf und verdient, so kann dieser Übelstand mit seinen Privatempfindungen Andere zu unterhalten, wenigstens verziehen werden.

Ehe ich nun mit dem Resultat meiner in Absicht auf Diätetik angestellten Selbstbeobachtung aufzutreten wage, muß ich noch etwas über die Art bemerken, wie Herr *Hufeland* die Aufgabe der *Diätetik*, d. i. der Kunst stellt, Krankheiten *vorzubeugen*, im Gegensatz mit der *Therapeutik*, sie zu *heilen*.

Sie heißt ihm «die Kunst das menschliche Leben zu verlängern.»

Er nimmt seine Benennung von demjenigen her, was die Menschen am sehnlichsten wünschen, ob es gleich vielleicht weniger wünschenswerth sein dürfte. Sie möchten zwar gern zwei Wünsche zugleich thun: nämlich *lange zu leben* und dabei *gesund zu sein*; aber der erstere Wunsch hat den letzteren nicht zur nothwendigen Bedingung: sondern er ist unbedingt. Laßt den Hospitalkranken Jahre lang auf seinem Lager leiden und darben und ihn oft wünschen hören, daß ihn der Tod je eher je lieber von dieser Plage erlösen möge; glaubt ihm nicht,

* Im dogmatisch-praktischen Vortrage, z. B. derjenigen Beobachtung seiner selbst, die auf Pflichten abzweckt, die Jedermann angehen, spricht der Kanzelredner nicht durch *Ich*, sondern *Wir*. In dem erzählenden aber, der Privatempfindung (der Beichte, welche der Patient seinem Arzte ablegt), oder eigener Erfahrung an sich selbst muß er durch *Ich* reden.

это не есть его действительное желание. Разум, правда, подсказывает ему это, но инстинкт против этого восстает. Если он и взывает к смерти – избавительнице от страданий – (Jovi Liberatori [к Юпитеру-освободителю]), то вместе с тем он всегда требует еще некоторой отсрочки и постоянно находит повод для того, чтобы *отодвинуть* (procastinatio) окончательный приговор. Принятое в диком смятении чувств решение самоубийцы положить конец своей жизни не противоречит сказанному: это – действие аффекта, граничащего с безумием экзальтации. – Из двух обещаний награды за выполнение долга перед родителями («чтобы продлились дни твои и чтобы хорошо тебе было» [Пятая книга Моисеева, V, 16]) первое служит более сильным импульсом, даже в суждении разума, а именно – как долг, выполнение которого есть вместе с тем некая *заслуга*.

Долг *читать старость* основан совсем не на том, что молодые должны, как предполагается, щадить слабость старости; ибо слабость сама по себе не есть основание для *уважения*. Следовательно, старость, поскольку ее *чтят*, рассматривается как *заслуга*. Таким образом, людей в годах Нестора⁸⁶ чтят совсем не потому, что они обрели *мудрость* на основе большого опыта своей долгой жизни и могут направить молодых на правильный путь, а потому, что человек, проживший долгую жизнь, – если только она ничем не запятнана, – сумел в течение длительного времени избежать удела смертных, самого унижительного приговора, какой только может быть вынесен разумному существу («ибо прах ты, и в прах возвратишься» [Книга Бытия, III, 191]), и тем самым как бы приблизился к бессмертию; потому, повторяю, что такой человек долго сохранял свою жизнь и может служить примером другим.

Однако со вторым естественным желанием человека, со здоровьем, дело обстоит более сложно. Можно *чувствовать* себя здоровым (основываясь на своем общем жизнеощущении), но никогда нельзя *знать*, здоров ли ты действительно. – Причиной естественной смерти всегда является болезнь,

es ist nicht sein Ernst. Seine Vernunft sagt es ihm zwar vor, aber der Naturinstinct will es anders. Wenn er dem Tode als seinem Befreier (jovi liberatori) winkt, so verlangt er doch immer noch eine kleine Frist und hat immer irgend einen Vorwand zur *Vertagung* (procastinatio) seines peremptorischen Decrets. Der in wilder Entrüstung gefaßte Entschluß des Selbstmörders, seinem Leben ein Ende zu machen, macht hievon keine Ausnahme: denn er ist die Wirkung eines bis zum Wahnsinn exaltirten Affects. – Unter den zwei Verheißungen für die Befolgung der Kindespflicht («auf daß dir es wohlgehe, und du lange lebest auf Erden») enthält die letztere die stärkere Triebfeder, selbst im Urtheile der Vernunft, nämlich als Pflicht, deren Beobachtung zugleich *verdienstlich* ist.

Die Pflicht, das *Alter* zu *ehren*, gründet sich nämlich eigentlich nicht auf die billige Schonung, die man den Jüngeren gegen die Schwachheit der Alten zumuthet: denn die ist kein Grund zu einer ihnen schuldigen *Achtung*. Das Alter will also noch für etwas *Verdienstliches* angesehen werden, weil ihm eine *Verehrung* zugestanden wird. Also nicht etwa weil Nestorjahre zugleich durch viele und lange Erfahrung erworbene *Weisheit* zu Leitung der jüngeren Welt bei sich führen, sondern blos weil, wenn nur keine Schande dasselbe befleckt hat, der Mann, welcher sich so lange erhalten hat, d. i. der Sterblichkeit als dem demüthigendsten Ausspruch, der über ein vernünftiges Wesen nur gefällt werden kann («du bist Erde und sollst zu Erde werden»), so lange hat ausweichen und gleichsam der Unsterblichkeit hat abgewinnen können, weil, sage ich, ein solcher Mann sich so lange lebend erhalten und zum Beispiel aufgestellt hat.

Mit der Gesundheit, als dem zweiten natürlichen Wunsche, ist es dagegen nur mißlich bewandt. Man kann sich gesund *fühlen* (aus dem behaglichen Gefühl seines Lebens urtheilen), nie aber *wissen*, daß man gesund sei. – Jede Ursache des natürlichen Todes ist Krankheit:

ощущаем мы ее или нет. Есть много людей, о которых, совсем не желая насмеяться над ними, говорят, что они все время *хворают* и никогда не *болеют*; их диета является постоянным чередованием отклонений и возвращений в их образе жизни, и они достигают многого, если не в смысле сохранения силы, то в смысле длительности своего существования. Сколько я пережил друзей и знакомых, которые, ведя раз и навсегда установленный, упорядоченный образ жизни, похвалялись отменным здоровьем, тогда как в них незаметно таился близкий к своему развитию зародыш смерти (болезнь), и тот, кто *чувствовал* себя здоровым, не *знал*, что он болен; ибо *причиной* естественной смерти может считаться только болезнь. Между тем *причинность* мы чувствовать не можем, это дело рассудка, суждение которого может быть неверным; чувство же не обманывает, но только тогда, когда человек *чувствует* себя больным, определяет себя таковым; если же он себя больным не *чувствует*, болезнь может тем не менее незаметно присутствовать в нем, ожидая в ближайшее время своего развития; поэтому, если человек не чувствует себя больным, он может только сказать, что он, *по-видимому*, здоров. Следовательно, долгая жизнь, которую мы обозреваем, может свидетельствовать лишь о здоровье, которым *наслаждался* человек, и диететика должна доказать свое умение и научную значимость тем, что она может *продлить* жизнь (а не обеспечить *наслаждение* ею). Именно это и стремится показать господин *Хуфеланд*.

Основоположение диететики

Диететика не основывается на том, что *приятно*, ибо подобное бережное отношение к своим силам и чувствам является изнеженностью, т. к. ведет к слабости и бессилию, к постепенному затуханию жизненной силы из-за отсутствия тренировки; совершенно так же, как при слишком частом и интенсивном ее использовании, наступает утомление. *Стоицизм* как принцип диететики (*sustine et abstine*)⁸⁷ является,

man mag sie fühlen oder nicht. – Es gibt viele, von denen, ohne sie eben verspotten zu wollen, man sagt, daß sie für immer *kränkeln*, nie *krank* werden können; deren Diät ein immer wechselndes Abschweifen und wieder Einbeugen ihrer Lebensweise ist, und die es im Leben, wenn gleich nicht den Kraftäuberungen, doch der Länge nach weit bringen. Wie viel aber meiner Freunde oder Bekannten habe ich nicht überlebt, die sich bei einer einmal angenommenen ordentlichen Lebensart einer völligen Gesundheit rühmten: indessen daß der Keim des Todes (die Krankheit), der Entwicklung nahe, unbemerkt in ihnen lag, und der, welcher sich gesund *fühlte*, nicht *wußte*, daß er krank war; denn die *Ursache* eines natürlichen Todes kann man doch nicht anders als Krankheit nennen. Die *Causalität* aber kann man nicht fühlen, dazu gehört Verstand, dessen Urtheil irrig sein kann; indessen daß das Gefühl untrüglich ist, aber nur dann, wenn man sich krankhaft *fühlt*, diesen Namen führt; *fühlt* man sich aber so auch nicht, doch gleichwohl in dem Menschen verborgenerweise und zur baldigen Entwicklung bereit liegen kann; daher der Mangel dieses Gefühls keinen andern Ausdruck des Menschen für sein Wohlbefinden verstatet, als daß er *scheinbarlich* gesund sei. Das lange Leben also, wenn man dahin zurücksieht, kann nur die *genossene* Gesundheit bezeugen, und die Diätetik wird vor allem in der Kunst das Leben zu *verlängern* (nicht es zu *genießen*) ihre Geschicklichkeit oder Wissenschaft zu beweisen haben: wie es auch Herr *Hufeland* so ausgedrückt haben will.

Grundsatz der Diätetik

Auf *Gemächlichkeit* muß die Diätetik nicht berechnet werden; denn diese Schonung seiner Kräfte und Gefühle ist Verzärtelung, d. i. sie hat Schwäche und Kraftlosigkeit zur Folge und ein allmähliges Erlöschen der Lebenskraft aus Mangel der Übung; so wie eine Erschöpfung derselben durch zu häufigen und starken Gebrauch derselben. Der *Stoicism* als Princip der Diätetik (*sustine et abstine*) gehört

следовательно, частью практической философии не только в качестве науки о добродетели, но и в качестве науки врачевания. Последняя становится философской в том случае, если образ жизни человека определяется только разумом в силу принятого им самим решения властвовать над своими чувствами. Напротив, если для возбуждения или устранения этих ощущений разум прибегает к помощи *извне*, к средствам физиологического воздействия (к аптеке или хирургам), он становится только эмпирическим и механическим.

Тепло, сон, тщательный уход за человеком, который не болен, относятся к такого рода изнеженности, которую порождают удобства.

1) В соответствии с собственным опытом я не могу согласиться с предписанием, что голову и ноги следует держать в тепле. Напротив, я считаю значительно более полезным держать то и другое в холоде (русские держат в холоде и грудь) именно для того, чтобы *не простужаться*. Конечно, в зимнее время значительно приятнее мыть ноги в теплой, нежели в ледяной воде; зато, придерживаясь второго способа, можно избежать ослабления кровяных сосудов в далеко от сердца расположенных частях тела, которое в старости часто влечет за собой неизлечимую болезнь ног. – Предписание держать в тепле живот, особенно в холодную погоду, относится скорее к диететике, чем к изнеженности, так как в животе заключен кишечник, задача которого прогонять по длинному пути неждкий продукт; для этого в старости следует носить так называемый пояс (широкую, охватывающую живот и поддерживающую мускулы повязку), причем это делается не для тепла.

2) *Долгий* (или повторный, послеобеденный) сон помогает, правда, избежать многих неприятностей, неизбежных в нашей жизни; однако странно, что люди хотят долго жить для того, чтобы проспать большую часть своей жизни. Но то, к чему здесь, собственно говоря, все сводится, – это мнимое средство удлинения жизни, это удобство – противоречит лежащему в его основе

also nicht bloß zur praktischen Philosophie als Tugendlehre, sondern auch zu ihr als Heilkunde. – Diese ist alsdann philosophisch, wenn bloß die Macht der Vernunft im Menschen, über seine sinnliche Gefühle durch einen sich selbst gegebenen Grundsatz Meister zu sein, die Lebensweise bestimmt. Dagegen wenn sie diese Empfindungen zu erregen oder abzuwehren die Hülfe *außer sich* in körperlichen Mitteln (der Apotheke, oder der Chirurgie) sucht, sie bloß empirisch und mechanisch ist.

Die Wärme, der Schlaf, die sorgfältige Pflege des nicht kranken sind solche Verwöhnungen der Gemächlichkeit.

1) Ich kann der Erfahrung an mir selbst gemäß der Vorschrift nicht bestimmen: man soll Kopf und Füße warm halten. Ich finde es dagegen gerathener, beide kalt zu halten (wozu die Russen auch die Brust zählen), gerade der Sorgfalt wegen, *um mich nicht zu verkälten*. – Es ist freilich gemächlicher, im laulichen Wasser sich die Füße zu waschen, als es zur Winterszeit mit beinahe eiskaltem zu thun; dafür aber entgeht man dem Übel der Erschlaffung der Blutgefäße in so weit vom Herzen entlegenen Theilen, welches im Alter oft eine nicht mehr zu hebende Krankheit der Füße nach sich zieht. – Den Bauch, vornehmlich bei kalter Witterung, warm zu halten, möchte eher zur diätetischen Vorschrift statt der Gemächlichkeit gehören: weil er Gedärme in sich schließt, die einen langen Gang hindurch einen nicht-flüssigen Stoff fortreiben sollen; wozu der sogenannte Schmachtriemen (ein breites, den Unterleib haltendes und die Muskeln desselben unterstützendes Band) bei Alten, aber eigentlich nicht der Wärme wegen gehört.

2) *Lange* oder (wiederholentlich, durch Mittagsruhe) viel schlafen ist freilich eben so viel Ersparniß am Ungemache, was überhaupt das Leben im Wachen unvermeidlich bei sich führt, und es ist wunderlich genug, sich ein langes Leben zu wünschen, um es größtentheils zu verschlafen. Aber das, worauf es hier eigentlich ankommt, dieses vermeinte Mittel des langen Lebens, die Gemächlichkeit, widerspricht sich in seiner

намерению, ибо перемежающиеся пробуждение и дрема в длинные зимние ночи парализуют, разрушают нервную систему и, создавая ложный покой, по существу, обессиливают; таким образом, изнеженность становится причиной сокращения жизни. Постель – это средоточие множества болезней.

3) Уход за собой в старости или ожидание этого ухода от других, чтобы тем самым *сберечь* свои силы, избегая всего того, что неприятно (например, прогулок в дурную погоду), и вообще желание переложить работу, которую человек может делать сам, на других и тем самым удлинить свою жизнь – такая заботливость достигает противоположного результата, а именно: ведет к ранней старости и к сокращению жизни. Трудно также доказать, что достигшие старости люди *большей частью состояли в браке*. – В некоторых семьях долголетие как бы наследственно, и в браке это свойство может иногда стать семейным. К тому же и в качестве политического принципа полезно утверждать, что семейная жизнь способствует долголетию, так как это ведет к увеличению числа браков, хотя мы располагаем сравнительно немногими примерами, свидетельствующими о том, что люди, состоящие в браке, достигают особенно преклонного возраста. Однако здесь речь идет лишь о физиологической основе старения – о том, что свойственно природе человека, а не о политической стороне этого явления – как государство, сообразуясь со своими интересами, влияет на общественное мнение в соответствии со своими намерениями. – Впрочем, и *философствование* служит средством, с помощью которого можно, не будучи по существу философом, в ряде случаев отстранять неприятные ощущения и вместе с тем вызывать *возбуждение*, приносящее интерес в нашу духовную жизнь; этот интерес не зависит от случайных внешних обстоятельств и поэтому, оставаясь, правда, только игрой, тем не менее обладает той интенсивностью и внутренней сосредоточенностью, которые препятствуют застою жизненных сил. Что же касается *философии* с присущим ей интересом к конечной цели

Absicht selbst. Denn das wechselnde Erwachen und wieder Einschlummern in langen Winternächten ist für das ganze Nervensystem lähmend, zermalmend und in täuschender Ruhe krafterschöpfend: mithin die Gemächlichkeit hier eine Ursache der Verkürzung des Lebens. – Das Bett ist das Nest einer Menge von Krankheiten.

3) Im Alter sich *pflegen* oder pflegen zu lassen, bloß um seine Kräfte durch die Vermeidung der Ungemächlichkeit (z. B. des Ausgehens in schlimmem Wetter) oder überhaupt die Übertragung der Arbeit an Andere, die man selbst verrichten könnte, zu *schon*en, so aber das Leben zu verlängern, diese Sorgfalt bewirkt gerade das Widerspiel, nämlich das frühe Altwerden und Verkürzung des Lebens. – Auch das sehr alt gewordene *mehrentheils verhehlichte* Personen gewesen wären, möchte schwer zu beweisen sein. – In einigen Familien ist das Altwerden erblich, und die Paarung in einer solchen kann wohl einen Familienschlag dieser Art begründen. Es ist auch kein übles politisches Princip, zu Beförderung der Ehen das gepaarte Leben als ein langes Leben anzupreisen; obgleich die Erfahrung immer verhältnißweise nur wenig Beispiele davon an die Hand giebt von solchen, die neben einander vorzüglich alt geworden sind; aber die Frage ist hier nur vom physiologischen Grunde des Altwerdens – wie es die Natur verfügt, nicht vom politischen, wie die Convenienz des Staats die öffentliche Meinung seiner Absicht gemäß bestimmt zu sein verlangt. – Übrigens ist das *Philosophiren*, ohne darum eben Philosoph zu sein, auch ein Mittel der Abwehrung mancher unangenehmer Gefühle und doch zugleich *Agitation* des Gemüths, welches in seine Beschäftigung ein Interesse bringt, das von äußern Zufälligkeiten unabhängig und eben darum, obgleich nur als Spiel, dennoch kräftig und inniglich ist und die Lebenskraft nicht stocken läßt. Dagegen *Philosophie*, die ihr Interesse am Ganzen des Endzwecks

разума в ее целостности (а эта цель есть абсолютное единство), то она, напротив, сама преисполнена тем чувством силы, которое может в известной степени компенсировать физическую слабость преклонного возраста разумным отношением к ценности жизни. – Впрочем, любая открывающаяся возможность углубить свои знания, пусть они и не относятся непосредственно к философии, действует так же или аналогичным образом; и если математик *непосредственно* заинтересован в своей науке (а не видит в ней просто средство для достижения какой-либо иной цели), то и он по существу философ и ощущает то же благотворное действие, возбуждающее его силы, сохраняющее его молодость и, не позволяя возникнуть утомлению, удлиняющее его жизнь.

Но и занятия пустяками при беззаботном существовании приводят – в качестве суррогатов, действующих на ограниченные умы, – почти к тем же результатам, и тот, кто постоянно заполняет свое время бездельем, также обычно достигает преклонного возраста. Некий очень старый человек находил интерес в том, что многочисленные настольные часы в его комнате бьют друг за другом, и следил за тем, чтобы они ни в коем случае не били одновременно. Это заполняло его время, время часовщика, и к тому же давало последнему заработок. Другой был в достаточной степени занят кормлением своих певчих птиц и уходом за ними, чтобы заполнить промежутки между своим собственным кормлением и сном. Одна старая вполне обеспеченная женщина заполняла свое время тем, что вела за пряхкой самые незначительные беседы; достигнув глубокой старости, она жаловалась – как будто она лишилась приятного общества – на то, что, не ощущая больше нити в пальцах, она боится умереть со скуки.

Однако, чтобы мои рассуждения о долголетию не испытывали Вашего долготерпения и, вызвав скуку, не стали бы для Вас опасными, я ставлю предел той словоохотливости, которую обычно если и не бранят, то, смеясь, называют старческой слабостью.

der Vernunft (der eine absolute Einheit ist) hat, ein Gefühl der Kraft bei sich führt, welches die körperliche Schwächen des Alters in gewissem Maße durch vernünftige Schätzung des Werths des Lebens wohl vergüten kann. – Aber neu sich eröffnende Aussichten zu Erweiterung seiner Erkenntnisse, wenn sie auch gerade nicht zur Philosophie gehörten, leisten doch auch eben dasselbe, oder etwas dem Ähnliches; und sofern der Mathematiker hieran ein *unmittelbares* Interesse (nicht als an einem Werkzeuge zu anderer Absicht) nimmt, so ist er in sofern auch Philosoph und genießt die Wohlthätigkeit einer solchen Erregungsart seiner Kräfte in einem verjüngten und ohne Erschöpfung verlängerten Leben.

Aber auch bloße Tändeleien in einem sorgenfreien Zustande leisten, als Surrogate, bei eingeschränkten Köpfen fast eben dasselbe, und die mit Nichtsthun immer vollauf zu thun haben, werden gemeinlich auch alt. – Ein sehr bejahrter Mann fand dabei ein großes Interesse, daß die vielen Stutzuhren in seinem Zimmer immer nach einander, keine mit der andern zugleich schlagen mußten; welches ihn und den Uhrmacher den Tag über genug beschäftigte und dem letztern zu verdienen gab. Ein Anderer fand in der Abfütterung und Cur seiner Sangvögel hinreichende Beschäftigung, um die Zeit zwischen seiner eigenen Abfütterung und dem Schlaf auszufüllen. Eine alte begüterte Frau fand diese Ausfüllung am Spinnrade unter dabei eingemischten unbedeutenden Gesprächen und klagte daher in ihrem sehr hohen Alter, gleich als über den Verlust einer guten Gesellschaft, daß, da sie nunmehr den Faden zwischen den Fingern nicht mehr fühlen könnte, sie vor langer Weile zu sterben Gefahr liefe.

Doch damit mein Discurs über das lange Leben Ihnen nicht auch lange Weile mache und eben dadurch gefährlich werde, will ich der Sprachseligkeit, die man als einen Fehler des Alters zu belächeln, wenn gleich nicht zu schelten pflegt, hiemit Grenzen setzen.

1.
Об ипохондрии

Слабость, которая заставляет малодушно подчиняться своим болезненным ощущениям как таковым даже без какого-либо определенного объекта (следовательно, не пытаясь даже преодолеть их с помощью разума), т.е. *воображаемая болезнь* (*hypochondria vaga*)⁸⁸*, которой нет в теле больного и которая являет собой лишь плод фантазии данного человека и поэтому может быть названа также *придуманной*, вся суть которой состоит в том, что пациент находит в себе все болезни, о которых он узнал из книг, есть прямая противоположность способности духа преодолевать свои болезненные ощущения, трусливое ожидание тех бед, которые *могут* обрушиться на человека, и полная неспособность противостоять им, когда они действительно приходят; своего рода безумие, в основе которого, правда, может лежать какое-либо недомогание (например, вздутие кишечника или запор), но оно не ощущается непосредственно в его действии, а рисуется силой воображения как предстоящее человеку испытание; тогда творец своих собственных мук (*heautontimorumenos*)⁹⁰, вместо того чтобы пробудить в себе мужество, обращается к врачу, напрасно ожидая от него помощи: только он сам с помощью диететики может справиться с обременяющими его сознание представлениями, которые возникают произвольно, с болезненным состоянием, которое, если бы оно действительно наступило, все равно нельзя было бы устранишь. – От человека, который страдает этой болезнью и пока он страдает ею, нельзя требовать, чтобы он силою преднамеренного решения преодолел свои болезненные ощущения. Ибо, если бы он мог это сделать, он не был бы ипохондриком. Разумный человек *не позволяет* возникнуть ипохондрии: если на него нападает страх такого рода, который может переродиться в ожидание воображаемых, т.е. придуманных, болезней, он прежде всего задает себе вопрос, присутствует ли в нем действительно объект этого страха. Если же он либо не обнаруживает его,

* В отличие от *тонической* (*hypochondria intestinalis*)⁸⁹.

1.
Von der Hypochondrie

Die Schwäche, sich seinen Krankhaften Gefühlen überhaupt, ohne ein bestimmtes Object, muthlos zu überlassen (mithin ohne den Versuch zu machen über sie durch die Vernunft Meister zu werden), – die *Grillenkrankheit* (*hypochondria vaga*)*, welche gar keinen bestimmten Sitz im Körper hat und ein Geschöpf der Einbildungskraft ist und daher auch die *dichtende* heißen könnte – wo der Patient alle Krankheiten, von denen er in Büchern liest, an sich zu bemerken glaubt, ist das gerade Widerspiel jenes Vermögens des Gemüths über seine krankhafte Gefühle Meister zu sein, nämlich Verzagtheit, über Übel, welche Menschen zustoßen *könnten*, zu brüten, ohne, wenn sie kämen, ihnen widerstehen zu können; eine Art von Wahnsinn, welchem freilich wohl irgend ein Krankheitsstoff (Blähung oder Verstopfung) zum Grunde liegen mag, der aber nicht unmittelbar, wie er den Sinn afficirt, gefühlt, sondern als bevorstehendes Übel von der dichtenden Einbildungskraft vorgespiegelt wird; wo dann der Selbstquäler (*heautontimorumenos*), statt sich selbst zu ermannen, vergeblich die Hülfe des Arztes aufruft: weil nur er selbst durch die Diätetik seines Gedankenspiels belästigende Vorstellungen, die sich unwillkürlich einfänden, und zwar von Übeln, wider die sich doch nichts veranstalten ließe, wenn sie sich wirklich einstellten, aufheben kann. – Von dem, der mit dieser Krankheit behaftet, und so lange er es ist, kann man nicht verlangen, er solle seiner krankhaften Gefühle durch den bloßen Vorsatz Meister werden. Denn wenn er dieses könnte, so wäre er nicht hypochondrisch. Ein vernünftiger Mensch *statuirt* keine solche Hypochondrie: sondern wenn ihm Beängstigungen anwandeln, die in Grillen, d.i. selbst ausgedachte Übel, ausschlagen wollen, so fragt er sich, ob ein Object derselben da sei. Findet er keines,

* Zum Unterschiede von der *topischen* (*hypochondria intestinalis*).

либо приходит к выводу, что даже если бы он действительно существовал, сделать что-либо, способное предотвратить его действие, все равно невозможно, он, внутренне покорившись неизбежному, переходит к своим повседневным делам, отстраняется от своего беспокойства (которое становится тогда топическим), будто ему нет до него дела, и направляет свое внимание на то, чем он непосредственно занимается.

Из-за плоской и узкой груди, затрудняющей работу сердца и легких, я был предрасположен к ипохондрии, которая в юности граничила с отвращением к жизни. Однако понимание того, что это гнетущее чувство вызывается чисто механической причиной и что устранить его нельзя, помогло мне не обращать на него внимания и, несмотря на стеснение в груди, оставаться спокойным и веселым: и в обществе я не был подвластен капризной смене настроений (обычно свойственной ипохондрикам), но в силу принятого решения и по своему природному складу проявлял в своем общении с людьми те же качества. И так как в жизни большую радость приносит то, что свободно *делается*, чем то, чем *наслаждаются*, то духовная деятельность может доставить остроту жизнеощущения другого рода и противопоставить ее тем неприятным ощущениям, которые вызываются физическим состоянием человека. От стеснения в груди я не освободился, так как причина его заключается в строении моего тела. Однако, отвлекая мое внимание от этого ощущения, будто оно меня вообще не касается, я подчинил его себе, не позволяя ему оказывать влияние на мои мысли и поступки.

2.

О сне

То, что турки, исходя из своей веры в предопределение, говорят об умеренности, а именно: что при сотворении мира каждому человеку была отмерена доля того, сколько ему надлежит съесть за свою жизнь, и если он поглощает отведенное ему количество большими порциями, ему останется меньшее время для того, чтобы *есть* и тем самым чтобы *жить*,

welches gegründete Ursache zu dieser Beängstigung abgeben kann, oder sieht er ein, daß, wenn auch gleich ein solches wirklich wäre, doch dabei nichts zu thun möglich sei, um seine Wirkung abzuwenden, so geht er mit diesem Anspruche seines inneren Gefühls zur Tagesordnung, d. i. er läßt seine Beklommenheit (welche alsdann bloß topisch ist) an ihrer Stelle liegen (als ob sie ihm nichts anginge) und richtet seine Aufmerksamkeit auf die Geschäfte, mit denen er zu thun hat.

Ich habe wegen meiner flachen und engen Brust, die für die Bewegung des Herzens und der Lunge wenig spielraum läßt, eine natürliche Anlage zur Hypochondrie, welche in früheren Jahren bis an den Überdruß des Lebens gränzte. Aber die Überlegung, daß die Ursache dieser Herzbeklemmung vielleicht bloß mechanisch und nicht zu heben sei, brachte es bald dahin, daß ich mich an sie gar nicht kehrte, und während dessen, daß ich mich in der Brust beklommen fühlte, im Kopf doch Ruhe und Heiterkeit herrschte, die sich auch in der Gesellschaft nicht nach abwechselnden Launen (wie Hypochondrische pflegen), sondern absichtlich und natürlich mitzuthellen nicht ermangelte. Und da man des Lebens mehr froh wird durch das, was man im freien Gebrauch desselben *thut*, als was man *genießt*, so können Geistesarbeiten eine andere Art von beförderten Lebensgefühl den Hemmungen entgegen setzen, welche bloß den Körper angehen. Die Beklemmung ist mir geblieben; denn ihre Ursache liegt in meinem körperlichen Bau. Aber über ihren Einfluß auf meine Gedanken und Handlungen bin ich Meister geworden durch Abkehrung der Aufmerksamkeit von diesem Gefühle, als ob es mich gar nicht anginge.

2.

Vom Schläfe

Was die Türken nach ihren Grundsätzen der Prädestination über die Mäßigkeit sagen: daß nämlich im Anfange der Welt jedem Menschen die Portion zugemessen worden, wie viel er im Leben zu essen haben werde, und, wenn er seinen beschiedenen Theil in großen Portionen verzehrt, er auf eine desto kürzere Zeit zu *essen*, mithin zu *sein* sich Rechnung machen könne:

– может служить в диететике правилом и при *воспитании детей* (в вопросе о потреблении пищи врачи должны и к мужчинам относиться, как к детям). Речь идет о том, что каждому человеку изначально определена судьбой его доля *сна*, и тот, кто в зрелом возрасте уделяет слишком много времени (больше трети) сну, не вправе надеяться на то, что ему осталось еще долгое время спать, т.е. что ему удастся дожить до старости. – Тот, кто уделяет сну в виде сладостной дремы (*сиесты испанцев*) или для заполнения длинных зимних ночей значительно больше трети своей жизни, будь то не сразу в один день, а частями (с перерывами), может сильно просчитаться в использовании данного ему *времени жить* как по степени интенсивности своей жизни, так и по ее продолжительности. – Поскольку вряд ли кто-нибудь хочет вообще не иметь потребности в сне (из чего, впрочем, явствует, что долгая жизнь ощущается как долгая мука, освободиться от которой можно лишь в той мере, в какой ее удастся проспять), то чувству и разуму пристало бы заключить эту лишнюю наслаждений и деятельности треть нашей жизни в определенные рамки и рассматривать ее как необходимое средство восстановления наших природных сил; следует, однако, точно определить, когда это должно происходить и сколько продолжаться.

Одним из болезненных ощущений является неспособность заснуть в отведенное для сна время или бодрствовать, когда это необходимо. Однако чаще случается первое – человек ложится спать, но заснуть не может. Обычно врачи советуют выбросить из головы все *мысли*, однако мысли возвращаются – или их сменяют другие – и прогоняют сон. Есть только одно эффективное диететическое средство: как только человек ощущает в себе или осознает пробуждение какой-либо мысли, он должен сразу же отвести от нее внимание (будто он с закрытыми глазами перемещает ее на другую сторону); тогда посредством пресечения каждой появившейся мысли постепенно возникает хаос представлений, в результате чего исчезает ощущение своего физического внешнего положения и появляется совсем иное состояние, а именно

das kann in einer Diätetik als *Kinderlehre* (denn im Genießen müssen auch Männer von Ärzten oft als Kinder behandelt werden) auch zur Regel dienen: nämlich daß jedem Menschen von Anbeginn her vom Verhängnisse seine Portion *Schlaf* zugemessen worden, und der, welcher von seiner Lebenszeit in Mannsjahren zu viel (über das Dritttheil) dem Schlafen eingeräumt hat, sich nicht eine lange Zeit zu schlafen, d.i. zu leben und alt zu werden, versprechen darf. – Wer dem Schlaf als süßen Genuß im Schlummern (der *Siesta* der Spanier) oder als Zeitkürzung (in langen Winternächten) viel mehr als ein Dritttheil seiner Lebenszeit einräumt, oder ihn sich auch theilweise (mit Absätzen), nicht in einem Stück für jeden Tag zumißt, verrechnet sich sehr in Ansehung seines *Lebensquantum* theils dem Grade, theils der Länge nach. – Da nun schwerlich ein Mensch wünschen wird, daß der Schlaf überhaupt gar nicht Bedürfniß für ihn wäre (woraus doch wohl erhellt, daß er das lange Leben als eine lange Plage fühlt, von dem, so viel er verschlafen, eben so viel Mühseligkeit zu tragen er sich erspart hat), so ist es gerathener fürs Gefühl sowohl als für die Vernunft, dieses genuß- und thatleere Drittel ganz auf eine Seite zu bringen und es der unentbehrlichen Naturrestauration zu überlassen: doch mit einer genauen Abgemessenheit der Zeit, von wo an und wie lange sie dauern soll.

Es gehört unter die krankhaften Gefühle zu der bestimmten und gewohnten Zeit nicht schlafen, oder auch sich nicht wach halten zu können; vornehmlich aber das erstere, in dieser Absicht sich zu Bette zu legen und doch schlaflos zu liegen. – Sich alle *Gedanken* aus dem Kopf zu schlagen, ist zwar der gewöhnliche Rath, den der Arzt giebt: aber sie oder andere an ihre Stelle kommen wieder und erhalten wach. Es ist kein anderer diätetischer Rath, als beim inneren Wahrnehmen oder Bewußtwerden irgend eines sich regenden Gedanken die Aufmerksamkeit davon sofort abzuwenden (gleich als ob man mit geschlossenen Augen diese auf eine andere Seite kehrte): wo dann durch das Abbrechen jedes Gedanken, den man inne wird, allmählig eine Verwirrung der Vorstellungen entspringt, dadurch das Bewußtsein seiner körperlichen (äußeren) Lage aufgehoben wird, und eine ganz verschiedene Ordnung, nämlich

– произвольная игра воображения (которая у здорового человека и составляет сон). Благодаря поразительной изобретательности природы в создании животного организма тело *отдыхает* от физических движений, но *возбуждается* для движения внутренней жизни, и происходит это посредством *сновидений*, о которых мы, проснувшись, подчас забываем, но которые не могут не существовать; ведь в противном случае, при полном их отсутствии, если бы нервные импульсы, исходящие из мозга, из места, где возникают представления, не действовали вместе с мускульной силой внутренних органов, жизнь немедленно бы угасла. Поэтому надо полагать, что и все звери видят сны.

Однако иногда человек ложится с намерением спать, но заснуть не может, как бы он ни старался прервать ход своих мыслей. В этом случае он ощутит нечто вроде мозговых *спазм* (судорожного состояния), что вполне соответствует наблюдению: длина человека в момент его пробуждения примерно на 1/2 дюйма больше, чем его обычная длина, которая не меняется в том случае, если он просто лежал в кровати, бодрствуя. – Так как бессонница вообще свойственна немощной старости, а левая сторона у всех людей всегда слабее правой*, я в течение последнего года стал ощущать приступы судороги и

* Совершенно неверно, что сила членов нашего тела зависит от тренировки, от того, насколько рано мы привыкаем пользоваться правыми или левыми членами, наносим ли мы удары саблей в сражении правой или левой рукой, вскакивает ли наездник на лошадь, приподнимаясь в стремени, справа налево или наоборот и т. п. Опыт показывает, что тот, кто предоставит сапожнику снять мерку с левой ноги, получит слишком узкий правый ботинок, если левый будет точно по его ноге; и вряд ли в этом можно усмотреть вину родителей, не обучивших правильным приемам своих детей. Преимущество правой стороны очевидно и в том, что, пытаясь перешагнуть через достаточно глубокую канаву, мы всегда опираемся на левую ногу и делаем шаг правой; в противном случае можно легко упасть в канаву. Тот факт, что прусских солдат учат *начинать* шаг с левой ноги, не только не противоречит нашему положению, но подтверждает его. Ибо солдат выставляет левую ногу, как бы ставит ее на некую опору, чтобы затем рывком справа налево перейти в наступление.

ein unwillkürliches Spiel der Einbildungskraft (das im gesunden Zustande der *Traum* ist), eintritt, in welchem durch ein bewundernswürdiges Kunststück der thierischen Organisation der Körper für die animalischen Bewegungen *abgespannt*, für die Vitalbewegung aber innigst *agitirt* wird und zwar durch *Träume*, die, wenn wir uns gleich derselben im Erwachen nicht erinnern, gleichwohl nicht haben ausbleiben können: weil sonst bei gänzlicher Ermangelung derselben, wenn die Nervenkraft, die vom Gehirn, dem Sitze der Vorstellungen, ausgeht, nicht mit der Muskelkraft der Eingeweide vereinigt wirkte, das Leben sich nicht einen Augenblick erhalten könnte. Daher träumen vermuthlich alle Thiere, wenn sie schlafen.

Jedermann aber, der sich zu Bette und in Bereitschaft zu schlafen gelegt hat, wird bisweilen bei aller obgedachten Ablenkung seiner Gedanken doch nicht zum Einschlafen kommen können. In diesem Fall wird er im Gehirn etwas *Spastisches* (Krampfartiges) fühlen, welches auch mit der Beobachtung gut zusammenhängt: daß ein Mensch gleich nach dem Erwachen etwa 1/2 Zoll länger sei, als wenn er sogar im Bette geblieben und dabei nur gewacht hätte. Da Schlaflosigkeit ein Fehler des schwächlichen Alters und die linke Seite überhaupt genommen die schwächere ist*, so fühlte ich seit etwa einem Jahre diese krampfichte Anwandlungen und

* Es ist ein ganz unrichtiges Vorgeben, daß, was die Stärke im Gebrauch seiner äußern Gliedmaßen betrifft, es bloß auf die Übung, und wie man frühe gewöhnt worden, ankomme, welche von beiden Seiten des Körpers die stärkere oder schwächere sein solle; ob im Gefechte mit dem rechten oder linken Arm der Säbel geführt, ob sich der Reiter, im Steigbügel stehend, von der Rechten zur Linken oder umgekehrt aufs Pferd schwinde, u. dgl. die Erfahrung lehrt aber, daß, wer sich am linken Fuße Maß für seine Schuhe nehmen läßt, wenn der Schuh dem linken genau anpaßt, er für den rechten zu enge sei, ohne daß man die Schuld davon den Eltern geben kann, die ihre Kinder nicht besser belehrt hätten; so wie der Vorzug der rechten Seite vor der linken auch daran zu sehen ist, daß der, welcher über einen etwas tiefen Graben schreiten will, den linken Fuß ansetzt und mit dem rechten überschreitet; widrigenfalls er in den Graben zu fallen Gefahr läuft. Daß der preußische Infanterist geübt wird, mit dem linken Fuße *anzutreten*, widerlegt jenen Satz nicht, sondern bestätigt ihn vielmehr; denn er setzt diesen voran, gleich als auf ein Hypomochlium, um mit der Rechten Seite den Schwung des Angriffs zu machen, welchen er mit der rechten gegen die linke verrichtet.

весьма болезненные раздражения такого рода (хотя и не выраженные внешне в движении затронутых ими членов), которые по описанию других людей определил как проявление *подагры*, и решил, что мне следует обратиться к врачу. Однако в своем нетерпении избавиться от того, что мешает мне спать, я обратился к своему стоическому средству, которое состоит в том, чтобы заставить свои мысли перейти на какой-либо по существу безразличный мне объект (например, на содержащее множество ассоциативных представлений имя «Цицерон») и тем самым отклонить свое внимание от неприятного ощущения; действительно, оно очень скоро потеряло свою остроту и сонливость взяла над ним верх; просыпаясь при повторяющихся приступах, я каждый раз прибегаю к этому средству и всегда с неизменным успехом. А в том, что эти боли не были воображаемыми, меня наутро убеждает сильное покраснение большого пальца левой ноги. – Я убежден, что посредством такого твердого решения можно ослабить и постепенно вообще устранить ряд болевых приступов – если, конечно, этому не слишком препятствует режим питания данного человека – таких, как *судороги*, припадки *эпилепсии* (речь идет не о женщинах и детях, не способных принять подобное твердое решение) и даже признанную неизлечимой *подагру*.

3.

О еде и питье

В здоровом состоянии и в молодости самое правильное – руководствоваться при определении времени и количества еды и питья своим *аппетитом* (голодом и жаждой). Но в старости при появлении различных болезней наиболее важным для долголетия диететическим правилом является сохранение *привычного*, проверенного и принятого в качестве наиболее полезного образа жизни, т.е. постоянно вести себя одинаково; однако при условии, что в режим питания будут внесены изменения, если к чему-либо не будет аппетита. – Так, в старости организм (особенно мужской) отказывается

sehr empfindliche Reize dieser Art (obzwar nicht wirkliche und sichtbare Bewegungen der darauf afficirten Gliedmaßen als Krämpfe), die ich nach der Beschreibung anderer für *gichtische* Zufälle halten und dafür einen Arzt suchen mußte. Nun aber, aus Ungeduld, am Schlafen mich gehindert zu fühlen, griff ich bald zu meinem stoischen Mittel, meinen Gedanken mit Anstrengung auf irgend ein von mir gewähltes gleichgültiges Object, was es auch sei, (z.B. auf den viel Nebenvorstellungen enthaltenden Namen Cicero) zu heften: mithin die Aufmerksamkeit von jener Empfindung abzulenken; dadurch diese dann und zwar schleunig stumpf wurde, und so die Schläfrigkeit sie überwog, und dieses kann ich jederzeit bei wiederkommenden Anfällen dieser Art in den kleinen Unterbrechungen des Nachtschlafs mit gleich gutem Erfolg wiederholen. Daß aber dieses nicht etwa bloß eingebildec Schmerzen waren, davon konnte mich die des andern Morgens früh sich zeigende glühende Röthe der Zehen des linken Fußes überzeugen. – Ich bin gewiß, daß viele gichtische Zufälle, wenn nur die Diät des Genusses nicht gar zu sehr dawider ist, ja *Krämpfe* und selbst *epileptische* Zufälle (nur nicht bei Weibern und Kindern, als die dergleichen Kraft des Vorsatzes nicht haben), auch wohl das für unheilbar verschriene *Podagra* bei jeder neuen Anwendung desselben durch diese Festigkeit des Vorsatzes (seine Aufmerksamkeit von einem solchen Leiden abzuwenden) abgehalten und nach und nach gar gehoben werden könnte.

3.

Vom Essen und Trinken

Im gesunden Zustande und der Jugend ist es das Gerathenste in Ansehung des Genusses, der Zeit und Menge nach, bloß den *Appetit* (Hunger und Durst) zu befragen; aber bei den mit dem Alter sich einfindenden Schwächen ist eine gewisse *Angewohnheit* einer geprüften und heilsam gefundenen Lebensart, nämlich wie man es einen Tag gehalten hat, es eben so alle Tage zu halten, ein diätetischer Grundsatz, welcher dem langen Leben am günstigsten ist; doch unter der Bedingung, daß diese Abfütterung für den sich weigernden Appetit die gehörige Ausnahmen mache. – Dieser nämlich weigert im Alter

от большого количества жидкости (в виде супа или воды) и требует более грубой пищи и возбуждающих напитков (например, вина) – отчасти для того, чтобы способствовать *червеобразному* движению кишок (они, по-видимому, больше других наших внутренних органов имеют некую *vita propria*⁹¹, т. к. продолжают двигаться наподобие червей и после того, как они теплыми вырваны из чрева животного и рассечены на части; причем мы можем не только ощущать их деятельность, но и слышать производимый ими шум), отчасти же и для того, чтобы ввести в кровь частицы тех веществ, которые производимым ими раздражением способствуют действию и сохранению кровообращения.

Вода, попадая в организм старых людей, нуждается в длительном времени, чтобы после того как она вошла в кровь, пройти длинный путь от ее выделения почками из кровяной плазмы до мочевого пузыря, если в ней не содержатся ассимилируемые кровью частицы (каковым является вино), которые вызывают в кровяных сосудах стремление вытеснить их; тогда, правда, вино уже выступает в качестве лекарства и такого рода искусственное вмешательство именно потому уже не относится к диететике. *Твердое решение* не поддаваться сразу желанию пить (жажде), а оно большей частью возникает просто в силу привычки, уменьшает эту потребность до того предела, при котором организм получает жидкость в необходимом для размягчения твердой пищи количестве, большему же ее потреблению в старости противится и природный инстинкт. Тот, кто злоупотребляет потреблением жидкости, спит плохо, во всяком случае неглубоко, так как это содействует снижению температуры крови.

Часто спрашивают: соответствует ли диететическим предписаниям одна плотная трапеза за 24 часа, подобно тому как в течение этого же времени мы спим один раз, и не *лучше* ли (здоровее) несколько уменьшить количество съедаемого за обедом и сохранить аппетит для ужина. Приятному препровождению времени способствует, конечно, второй способ. Оно и полезнее в так называемые лучшие годы (в среднем

die Quantität des Flüssigen (Suppen oder viel Wasser zu trinken) vornehmlich dem männlichen Geschlecht: verlangt dagegen derbere Kost und anreizenderes Getränk (z.B. Wein), sowohl um die *wurmformige* Bewegung der Gedärme (die unter allen Eingeweiden am meisten von der *vita propria* zu haben scheinen, weil sie, wenn sie noch warm aus dem Thier gerissen und zerhauen werden, als Würmer kriechen, deren Arbeit man nicht bloß fühlen, sondern sogar hören kann) zu befördern und zugleich solche Theile in den Blutumlauf zu bringen, die durch ihren Reiz das Geräder zur Blutbewegung im Umlauf zu erhalten beförderlich sind.

Das Wasser braucht aber bei alten Leuten längere Zeit, um, ins Blut aufgenommen, den langen Gang seiner Absonderung von der Blutmasse durch die Nieren zur Harnblase zu machen, wenn es nicht dem Blute assimilirte Theile (dergleichen der Wein ist), und die einen Reiz der Blutgefäße zum Fortschaffen bei sich führen, in sich enthält; welcher letztere aber alsdann als Medicin gebraucht wird, dessen künstlicher Gebrauch eben darum eigentlich nicht zur Diätetik gehört. Der Anwandlung des Appetits zum Wassertrinken (dem Durst), welche großentheils nur Angewohnheit ist, nicht sofort nachzugeben, und ein hierüber genommener *fester Vorsatz* bringt diesen Reiz in das Maß des natürlichen Bedürfnisses des den festen Speisen beizugebenden Flüssigen, dessen Genuß in Menge im Alter selbst durch den Naturinstinct geweigert wird. Man schläft auch nicht gut, wenigstens nicht tief bei dieser Wasserschwelgerei, weil die Blutwärme dadurch vermindert wird.

Es ist oft gefragt worden: ob, gleich wie in 24 Stunden nur Ein Schlaf, so auch in eben so viel Stunden nur Eine Mahlzeit nach diätetischer Regel verwilligt werden könne, oder ob es nicht *besser* (gesunder) sei, dem Appetit am Mittagstische etwas abzugeben, um dafür auch zu Nacht essen zu können. Zeitkürzender ist freilich das letztere. – Das letztere halte ich auch in den sogenannten besten Lebensjahren (dem Mittelalter)

возрасте); однако в старости лучше придерживаться первого способа. Ибо поскольку в этот период жизни пищеварение, несомненно, происходит медленнее, чем в молодости, то легко себе представить, что здоровью старого человека будет нанесен вред, если в желудок поступает дополнительная еда (ужин), когда он еще не справился с предыдущей. – Таким образом, желание поужинать после плотного обеда можно считать *болезненным* ощущением, которое, если принять твердое решение, удастся в такой степени подавить, что впредь оно даже не будет возникать.

4.

О болезненных ощущениях,
вызываемых неумением отводить
мышлению соответствующее время

Для ученого *мышление* составляет питание, без которого он, пребывая *в одиночестве и бодрствуя*, не может жить; мышление может заключаться в *приобретении знаний* (чтении книг) или в самостоятельном *исследовании* (обдумывании и открытиях). Однако если напряженно обдумывать какой-либо вопрос за едой или во время прогулки, одновременно обременять работой голову и желудок или голову и ноги, то это приводит в одном случае к ипохондрии, в другом к головокружению. Для того чтобы с помощью диететики преодолеть это болезненное состояние, нужно только одно: следить за тем, чтобы механическая деятельность желудка или ног не совпадала во времени с духовной деятельностью, с мышлением, и останавливать на время первой (необходимой для восстановления физических сил), пресекать целенаправленное мышление и давать волю игре воображения (которая близка механической деятельности). Для этого ученому необходимо принять твердое решение: соблюдать *диету мышления*.

Если во время одинокой трапезы заниматься чтением или размышлением над какими-либо научными вопросами, легко могут возникнуть болезненные ощущения, поскольку

für zuträglicher; das erstere aber im späteren Alter. Denn da das Stadium für die Operation der Gedärme zum Behuf der Verdauung im Alter ohne Zweifel langsamer abläuft, als in jüngeren Jahren, so kann man glauben, daß ein neues Pensum (in einer Abendmahlzeit) der Natur aufzugeben, indessen daß das erstere Stadium der Verdauung noch nicht abgelaufen ist, der Gesundheit nachtheilig werden müsse. – Auf solche Weise kann man den Anreiz zum Abendessen nach einer hinreichenden Sättigung des Mittags für ein *krankhaftes* Gefühl halten, dessen man durch einen festen Vorsatz so Meister werden kann, daß auch die Anwandlung desselben nachgerade nicht mehr verspürt wird.

4.

Von dem krankhaften Gefühl aus der Unzeit
im Denken

Einem Gelehrten ist das *Denken* ein Nahrungsmittel, ohne welches, wenn *er wach und allein ist*, er nicht leben kann; jenes mag nun im *Lernen* (Bücherlesen) oder im *Ausdenken* (Nachsinnen und Erfinden) bestehen. Aber beim Essen oder Gehen sich zugleich angestrengt mit einem bestimmten Gedanken beschäftigen, Kopf und Magen oder Kopf und Füße mit zwei Arbeiten zugleich belästigen, davon bringt das eine Hypochondrie, das andere Schwindel hervor. Um also dieses krankhaften Zustandes durch Diätetik Meister zu sein, wird nichts weiter erfordert, als die mechanische Beschäftigung des Magens oder der Füße mit der geistigen des Denkens wechseln zu lassen und während dieser (der Restauration gewidmeten) Zeit das absichtliche Denken zu hemmen und dem (dem mechanischen ähnlichen) freien Spiele der Einbildungskraft den Lauf zu lassen; wozu aber bei einem Studirenden ein allgemein gefaßter und fester Vorsatz der *Diät im Denken* erfordert wird.

Es finden sich krankhafte Gefühle ein, wenn man in einer Mahlzeit ohne Gesellschaft sich zugleich mit Bücherlesen oder Nachdenken beschäftigt, weil

жизненные силы тем самым отводятся от желудка, который в данное время несет основную нагрузку. То же происходит, если это размышление сочетается с утомительной работой ног на прогулке*. (Сказанное относится и к работе *по ночам*, если она не стала привычной.) Однако болезненные ощущения, протекающие из этой несвоевременной работы духа (*invita Minerva*)⁹², не относятся к тем, которые можно устранить мгновенно в силу одного только принятого решения; устранить их можно только постепенно, отвыкая и следуя противоположному принципу. Мы же занимаемся здесь только первым способом, т.е. устранением болезненных ощущений силою решения.

5.

Об устранении и предупреждении
болезненных явлений посредством
правильного дыхания

Еще несколько лет назад мне время от времени досаждал насморк и кашель, то и другое было тем неприятнее, что возникало подчас перед отходом ко сну. Возмущенный этим нарушением сна, я принял решение избавиться от насморка, дыша через нос и плотно сжав губы; сначала это сопровождалось слабым свистом, но так как я упорно продолжал свои усилия, дыхание через нос становилось все более глубоким и в конце концов свободным, после чего я сразу же засыпал. Что

* Во время одиноких прогулок ученым трудно удержаться от того, чтобы не заполнять свое время размышлениями. Однако сам я обнаружил, и это подтвердили другие люди, к которым я обращался в этой связи, что напряженное мышление *во время ходьбы* вызывает быстрое утомление; напротив, если дать волю игре воображения, motion восстанавливает силы. В еще большей степени этому способствует, если мы во время такой связанной с размышлениями прогулки ведем беседу, для продолжения которой вскоре приходится сесть. – Цель прогулки ведь состоит в том, чтобы смена окружающих предметов позволила *ослабить* напряженное внимание к отдельному предмету.

die Lebenskraft durch Kopfarbeit von dem Magen, den man belästigt, abgeleitet wird. Eben so, wenn dieses Nachdenken mit der krafterschöpfenden Arbeit der Füße (im Promeniren)* verbunden wird. (Man kann das *Lucubriren* noch hinzufügen, wenn es ungewöhnlich ist.) indessen sind die krankhaften Gefühle aus diesen unzeitig (*invita Minerva*) vorgenommenen Geistesarbeiten doch nicht von der Art, daß sie sich unmittelbar durch den bloßen Vorsatz augenblicklich, sondern allein durch Entwöhnung vermöge eines entgegengesetzten Princips nach und nach heben lassen, und von den ersteren soll hier nur geredet werden.

5.

Von der Hebung und Verhütung krankhafter
Zufälle durch den Vorsatz im Athemziehen

Ich war vor wenigen Jahren noch dann und wann vom Schnupfen und Husten heimgesucht, welche beide Zufälle mir desto ungelegener waren, als sie sich bisweilen beim Schlafengehen zutrug. Gleichsam entrüstet über diese Störung des nachtschlafs entschloß ich mich, was den ersteren Zufall betrifft, mit fest geschlossenen Lippen durchaus die Luft durch die Nase zu ziehen; welches mir anfangs nur mit einem schwachen Pfeifen und, da ich nicht absetzte oder nachließ, immer mit stärkerem, zuletzt mit vollem und freiem Luftzuge gelang, es durch die nase zu Stande zu bringen, darüber ich dann sofort einschlief. – Was

* Studirende können es schwerlich unterlassen, in einsamen Spaziergängen sich mit Nachdenken selbst und allein zu unterhalten. Ich habe es aber an mir gefunden und auch von andern, die ich darum befragt, gehört: daß das angestrenzte Denken *im Gehen* geschwinde matt macht; dagegen, wenn man sich dem freien Spiel der Einbildungskraft überläßt, die Motion restaurirend ist. Noch mehr geschieht dieses, wenn bei dieser mit Nachdenken verbundenen Bewegung zugleich Unterredung mit einem Andern gehalten wird, so daß man sich bald genöthigt sieht, das Spiel seiner Gedanken sitzend fortzusetzen. – Das Spazieren im Freien hat gerade die Absicht durch den Wechsel der Gegenstände seine Aufmerksamkeit auf jeden einzelnen *abzuspannen*.

же касается конвульсивных, громких, толчками происходящих выдохов (не продолжающихся, как при смехе) с отдельными вдохами в промежутке, т.е. кашля, а именно того, который английские обыватели называют старческим (так кашляют обычно лежа в кровати), то он был мне тем более некстати, что начинался часто после того, как я согрелся в постели, и мешал заснуть. Для того чтобы сдержать этот кашель, возникающий вследствие раздражения дыхательных путей вдыхаемым через рот воздухом*, следует обратиться не к механическому фармацевтическому, а к непосредственно духовному воздействию, а именно: полностью отвлечь свое внимание от этого раздражения,

* Разве воздух, циркулирующий через евстахиеву трубу (следовательно, при плотно сжатых губах), выделяя кислород на этом близком к мозгу обходном пути, не вызывает отрадное чувство, будто все наши жизненные органы окрепли, близкое ощущению того, что мы *пьем* воздух? И разве при этом воздух, не имеющий запаха, не усиливает нервы, связанные с обонянием, и близко от них расположенные всасывающие сосуды? Это отрадное ощущение возникает не при всякой погоде; но иногда возможность во время прогулки пить воздух большими глотками становится подлинным наслаждением, не ощущаемым при дыхании ртом. – Очень важно в диететическом отношении настолько *привыкнуть* дышать носом с закрытым ртом, чтобы эта привычка сохранялась даже в глубоком сне, и, сделав случайно вдох ртом, человек мгновенно словно в испуге пробуждается. Именно это случалось иногда со мной, пока я не привык дышать только носом. – При быстрой ходьбе, при подъемах намерение следовать принятому правилу и скорее замедлить шаг, чем изменить решение, должно быть еще более непоколебимым; так же следует действовать при серьезном мочионе, совершаемом воспитателем со своими воспитанниками, – предпочтительнее, чтобы они молчали во время прогулки, чем сопровождали ее прерывистым дыханием ртом. Мои молодые друзья (прежние слушатели) хвалили эту диететическую максиму, считали ее целесообразной и благотворной и не относили ее к мелочам только потому, что она является простым домашним средством, предотвращающим приход врача. – Любопытно и то, что при длительной *беседе* вдох должен как будто совершаться часто открываемым ртом и тем самым наше правило как будто нарушается; в действительности

dies gleichsam convulsivische und mit dazwischen vorfallendem Einathmen (nicht wie beim Lachen ein continuirtes) stoßweise erschallende Ausathmen, den *Husten*, betrifft, vornehmlich den, welchen der gemeine Mann in England den Altmannshusten (im Bette liegend) nennt, so war er mir um so mehr ungelegen, da er sich bisweilen bald nach der Erwärmung im Bette einstellte und das Einschlafen verzögerte. Dieses Husten, welches durch den Reiz der mit offenem Munde eingeathmeten Luft auf den Luftröhrenkopf erregt wird*, nun zu hemmen, bedurfte es einer nicht mechanischen (pharmaceutischen), sondern nur unmittelbaren Gemüthsoperation: nämlich die *Aufmerksamkeit* auf diesen Reiz dadurch ganz abzulenken,

* Sollte auch nicht die atmosphärische Luft, wenn sie durch die Eustachische Röhre (also bei geschlossenen Lippen) circulirt, dadurch, daß sie auf diesem dem Gehirn nahe liegenden Umwege Sauerstoff absetzt, das erquickende Gefühl gestärkter Lebensorgane bewirken, welches dem ähnlich ist, als ob man Luft *trinke*; wobei diese, ob sie zwar keinen Geruch hat, doch die Geruchsnerve und die denselben nahe liegende einsaugende Gefäße stärkt? Bei manchem Wetter findet sich dieses Erquickliche des Genusses der Luft nicht: bei anderem ist es eine wahre Annehmlichkeit sie auf seiner Wanderung mit langen Zügen zu trinken: welches das Einathmen mit offenem Munde nicht gewährt. – Das ist aber von der größten diätetischen Wichtigkeit, den Athemzug durch die Nase bei geschlossenen Lippen sich so zur Gewohnheit zu machen, daß er selbst im tiefsten Schlaf nicht anders verrichtet wird, und man sogleich aufwacht, sobald er mit offenem Munde geschieht, und dadurch gleichsam aufgeschreckt wird; wie ich das anfänglich, ehe es mir zur Gewohnheit wurde auf solche Weise zu athmen, bisweilen erfuhr. – Wenn man genöthigt ist stark oder bergan zu schreiten, so gehört größere Stärke des Vorsatzes dazu von jener Regel nicht abzuweichen und eher seine Schritte zu mäßigen, als von ihr eine Ausnahme zu machen; ingleichen, wenn es um starke Motion zu thun ist, die etwa ein Erzieher seinen Zöglingen geben will, daß dieser sie ihre Bewegung lieber stumm, als mit öfterer Einathmung durch den Mund machen lasse. Meine Jungen Freunde (ehemalige Zuhörer) haben diese diätetische Maxime als probat und heilsam gepriesen und sie nicht unter die Kleinigkeiten gezählt, weil sie bloßes Hausmittel ist, das den Arzt entbehrlich macht. – Merkwürdig ist noch: daß, da es scheint, beim lange fortgesetzten *Sprechen* geschehe das *Einathmen* auch durch den so oft geöffneten Mund, mithin jene Regel werde da doch ohne Schaden überschritten, es sich wirklich

с усилием направив его на какой-либо другой объект (подобно тому, как мы выше рекомендовали для пресечения судорог); тем самым предотвращается выдох рывками, в результате чего, как я ясно ощущал, кровь бросалась мне в лицо и возбужденное этим же раздражением слюноотделение (saliva) задерживало упомянутое воздействие этого раздражения в виде выдоха толчками и способствовало проглатыванию мокроты. – Для такого рода духовного акта требуется достаточно высокая степень твердости решения, которое именно поэтому и оказывается столь благотворным.

6.

О последствиях привычки дышать
с закрытым ртом

Непосредственным следствием этой привычки является то, что она сохраняется и во сне; если я случайно открою рот и сделаю вдох ртом, я сразу просыпаюсь, из чего явствует, что сон, а вместе с ним и сновидения, не настолько далеки от бодрствования, чтобы во сне человек не ощущал свое состояние; к этому заключению можно прийти и на основании того, что тот,

же дело обстоит не так. Вдох делается *носом*. Ибо если бы у нашего собеседника был заложен нос, о нем сказали бы, что он говорит в нос (причем звучит это очень неприятно), тогда как в действительности он именно не говорит в нос; и наоборот – что он якобы не говорит в нос, когда он действительно говорит в нос, – на это остроумно и правильно указал господин надворный советник *Лихтенберг*⁹³. – Именно поэтому человек, которому приходится долго громко говорить (оратор или проповедник), может выдержать около часа, не ощущая, что у него першит в горле; дело заключается в том, что он *дышит* носом, а не ртом и лишь *выдыхает* через рот. – Дополнительное преимущество привычки дышать носом, если мы не ведем беседу сами с собой, состоит в том, что все время выделяющаяся и смачивающая глотку *слюна* благотворно влияет на пищеварение (stomachale), а подчас (будучи проглочена) действует и как слабительное, если решение не расточать ее в силу дурной привычки достаточно твердо.

daß sie mit Anstrengung auf irgend ein Object (wie oben bei krampfhaften Zufällen) gerichtet und dadurch das Ausstoßen der Luft gehemmt wurde, welches mir, wie ich es deutlich fühlte, das Blut ins Gesicht trieb, wobei aber der durch denselben Reiz erregte flüssige Speichel (saliva) die Wirkung dieses Reizes, nämlich die Ausstoßung der Luft, verhinderte und ein Herunterschlucken dieser Feuchtigkeit bewirkte. – Eine Gemüthsoperation, zu der ein Recht großer Grad des festen Vorsatzes erforderlich, der aber darum auch desto wohlthätiger ist.

6.

Von den Folgen dieser Angewohnheit des Athemziehens
mit geschlossenen Lippen

Die *unmittelbare* Folge davon ist, daß sie auch im Schlafe fortwährt, und ich sogleich aus dem Schlafe aufgeschreckt werde, wenn ich zufälligerweise die Lippen öffne und ein Athemzug durch den Mund geschieht; woraus man sieht, daß der Schlaf und mit ihm der Traum nicht eine so gänzliche Abwesenheit von dem Zustande des Wachenden ist, daß sich nicht auch eine Aufmerksamkeit auf seine Lage in jenem Zustande mit einmische: wie man denn dieses auch daraus abnehmen kann, daß die,

nicht so verhält. Denn es geschieht doch auch durch die *Nase*. Denn wäre diese zu der Zeit verstopft, so würde man von dem Redner sagen, er spreche durch die Nase (ein sehr widriger Laut), indem er wirklich nicht durch die Nase spräche, und umgekehrt, er spreche nicht durch die Nase, indem er wirklich durch die Nase spricht: wie es Hr. Hofr. *Lichtenberg* launicht und richtig bemerkt. – Das ist auch der Grund, warum der, welcher lange und laut spricht (Vorleser oder Prediger), es ohne Rauhigkeit der Kehle eine Stunde lang wohl aushalten kann: weil nämlich sein *Athemziehen* eigentlich durch die Nase, nicht durch den Mund geschieht, als durch welchen nur das *Ausatmen* verrichtet wird. – Ein Nebenvortheil dieser Angewohnheit des Athemzuges mit beständig geschlossenen Lippen, wenn man für sich allein wenigstens nicht im Discurs begriffen ist, ist der: daß die sich immer absondernde und den Schlund befeuchtende *Saliva* hiebei zugleich als Verdauungsmittel (stomachale), vielleicht auch (verschluckt) als Abführungsmittel wirkt, wenn man fest genug entschlossen ist, sie nicht durch üble Angewohnheit zu verschwenden.

кто накануне решил встать раньше, чем обычно (например, для прогулки), действительно *просыпается* раньше, – его разбудили, предположительно, городские часы, бой которых он, следовательно, услышал во сне, напрягая для этого свое внимание. *Косвенное* следствие этой благотворной привычки состоит в том, что непроизвольное покашливание (непреднамеренный *кашель* для отхаркивания мокроты) прекращается как в состоянии бодрствования, так и во сне, и тем самым одной только силою решения предотвращается болезнь. Я обнаружил даже, что в тех случаях, когда, погасив свет и только что улегшись в постель, я вдруг начинал ощущать сильнейшую жажду и для ее утоления должен был бы пойти в другую комнату и ощупью разыскивать в темноте посуду, достаточно было сделать всей грудью несколько глубоких вдохов, как бы *пить* воздух носом, чтобы через несколько секунд ощущение жажды прошло. Это было болезненным раздражением, которое удалось снять, противопоставив ему раздражение другого рода.

Заключение

Болезненные ощущения, которые дух человека – высшего животного, обладающего разумом, – способен подчинить себе твердостью воли, всегда носят спазматический (конвульсивный) характер. Однако из этого нельзя делать обратный вывод – что все болезненные приступы такого рода могут быть ослаблены или устранены одной только силою непоколебимого решения. – Ибо некоторые из них таковы, что попытки преодолеть их силою твердого решения лишь усиливают страдания больного; так случилось и со мной, когда болезнь, описанная около года тому назад в копенгагенской газете и определенная там как «эпидемический катар, вызывающий *ощущение тяжести в голове*» (меня он настиг годом раньше, но по своим симптомам был близок к упомянутому описанию), если и не полностью дезорганизовала мою способность к умственной

* Я полагаю, что это частично затронувшая мозг подагра.

welche sich des Abends vorher vorgenommen haben früher als gewöhnlich (etwa zu einer Spazierfahrt) aufzustehen, auch früher *erwachen*; indem sie vermuthlich durch die Stadtuhrn aufgeweckt worden, die sie also auch mitten im Schlaf haben hören und darauf Acht geben müssen. – Die *mittelbare* Folge dieser löblichen Angewöhnung ist: daß das unwillkürliche abgenöthigte Husten (nicht das *Aufhusten* eines Schleims als beabsichtigter Auswurf) in beiderlei Zustände verhütet und so durch die bloße Macht des Vorsatzes eine Krankheit verhütet wird. – Ich habe sogar gefunden, daß, da mich nach ausgelöschtem Licht (und eben zu Bette gelegt) auf einmal ein starker Durst anwandelte, den mit Wassertrinken zu löschen ich im Finstern hätte in eine andere Stube gehen und durch Herumtappen das Wassergeschirr suchen müssen, ich darauf fiel, verschiedene und starke Athemzüge mit Erhebung der Brust zu thun und gleichsam Luft durch die Nase *zu trinken*; wodurch der Durst in wenig Secunden völlig gelöscht war. Es war ein krankhafter Reiz, der durch einen Gegenreiz gehoben ward.

Beschluß

Krankhafte Zufälle, in Ansehung deren das Gemüth das Vermögen besitzt, des Gefühls derselben durch den bloßen standhaften Willen des Menschen, als einer Obermacht des vernünftigen Thieres, Meister werden zu können, sind alle von der spastischen (krampfhaften) Art: man kann aber nicht umgekehrt sagen, daß alle von dieser Art durch den bloßen festen Vorsatz gehemmt oder gehoben werden können. – Denn einige derselben sind von der Beschaffenheit, daß die Versuche sie der Kraft des Vorsatzes zu unterwerfen das krampfhafte Leiden vielmehr noch verstärken; wie es der Fall mit mir selber ist, da diejenige Krankheit, welche vor etwa einem Jahr in der Kopenhagener Zeitung als «epidemischer, mit *Kopfbdrückung* verbundener Katarrh» beschrieben wurde*, (bei mir aber wohl ein Jahr älter, aber doch von ähnlicher Empfindung ist) mich für eigene Kopfarbeiten gleichsam desorganisirt,

* Ich halte sie für eine Gicht, die sich zum Theil aufs Gehirn geworfen hat.

деятельности, то во всяком случае ослабила и притупила ее; а так как это ощущение тяжести соединилось с естественной слабостью преклонного возраста, она, вероятно, исчезнет только вместе со мной.

Болезненное состояние пациента, влияющее на его мышление и затрудняющее его в той мере, в какой мыслить означает удерживать понятие (единство сознания различных представлений), влечет за собой ощущение спазматического состояния органа мышления (мозга), какой-то тяжести, которая, собственно говоря, не мешает мыслить и думать и не ослабляет память, поскольку речь идет о продуманном раньше; однако при изложении (устном или письменном) какой-нибудь проблемы само стремление удержать единство представлений в их последовательности и избежать рассеянности вызывает спазматическое состояние мозга, что при постоянной смене следующих друг за другом представлений выражается в неспособности сохранить единство их сознания. Именно поэтому со мной случается следующее: когда я сначала, как это принято в любом сообщении, знакомя слушателя или читателя с тем, о чем я собираюсь говорить, указываю ему, куда я направляюсь, чтобы затем вернуться к тому, с чего я начал (без этих двух определений вообще не может быть связной речи), и хочу связать второе с первым, у меня внезапно возникает желание спросить моего слушателя (или в душе самого себя), с чего же я начал? От чего я отправлялся? Это не слабость духа и не просто слабость памяти, но недостаток присутствия духа (в установлении связи), т.е. произвольная *рассеянность*, весьма мучительный недостаток, с которым приходится упорно бороться (особенно в философских трудах, где подчас бывает нелегко сохранять в сознании то, что служило отправным пунктом исследования), хотя полностью устранить его невозможно, сколько бы ни прилагать к этому усилий.

По-иному обстоит дело с математиком – он может созерцать свои понятия или их выражения (в величинах или числах) и быть уверенным, что пройденный им путь правилен; напротив, исследователь в области чистой философии (логики и метафизики)

wenigstens geschwächt und stumpf gemacht hat und, da sich diese Bedrückung auf die natürliche Schwäche des Alters geworfen hat, wohl nicht anders als mit dem Leben zugleich aufhören wird.

Die krankhafte Beschaffenheit des Patienten, die das Denken, in sofern es ein Festhalten eines Begriffs (der Einheit des Bewußtseins verbundener Vorstellungen) ist, begleitet und erschwert, bringt das Gefühl eines spastischen Zustandes des Organs des Denkens (des Gehirns) als eines Drucks hervor, der zwar das Denken und Nachdenken selbst, ingeleichen das Gedächtniß in Ansehung des ehemals Gedachten eigentlich nicht schwächt, aber im Vortrage (dem mündlichen oder schriftlichen) das feste Zusammenhalten der Vorstellungen in ihrer Zeitfolge wider Zerstreung sicheren soll, bewirkt selbst einen unwillkürlichen spastischen Zustand des Gehirns, als ein Unvermögen, bei dem Wechsel der auf einander folgenden Vorstellungen die Einheit des Bewußtseins derselben zu erhalten. Daher begegnet es mir: daß, wenn ich, wie es in jeder Rede jederzeit geschieht, zuerst zu dem, was ich sagen will, (den Hörer oder Leser) vorbereite, ihm den Gegenstand, *wohin* ich gehen will, in der Aussicht, dann ihn auch auf das, *wovon* ich ausgegangen bin, zurückgewiesen habe (ohne welche zwei Hinweisungen kein Zusammenhang der Rede Statt findet) und ich nun das letztere mit dem ersteren verknüpfen soll, ich auf einmal meinen Zuhörer (oder stillschweigend mich selbst) fragen muß: Wo war ich doch? Wovon ging ich aus? welcher Fehler nicht sowohl ein Fehler des Geistes, auch nicht des Gedächtnisses allein, sondern der *Geistesgegenwart* (im Verknüpfen), d.i. unwillkürliche *Zerstreuung* und ein sehr peiniger Fehler ist, dem man zwar in Schriften (zumal den philosophischen: weil man da nicht immer so leicht zurücksehen kann, von wo man ausging) mühsam vorbeugen, obzwar mit aller Mühe nie völlig verhüten kann.

Mit dem Mathematiker, der seine Begriffe oder die Stellvertreter derselben (Größen- und Zahlenzeichen) in der Anschauung vor sich hinstellen, und daß, so weit er gegangen ist, alles richtig sei, versichert sein kann, ist es anders bewandt, als mit dem Arbeiter im Fache der vornehmlich reinen Philosophie (Logik und Metaphysik),

должен постоянно иметь свой предмет перед своим умственным взором, представляя себе и проверяя не отдельные его части, а весь предмет во всей целостности системы (чистого разума). Поэтому и не следует удивляться тому, что метафизики раньше становятся *нетрудоспособными*, чем исследователи в других областях знания, а также чем философы, просто по роду своей деятельности. Но ведь должны быть специалисты и в этой области, полностью посвятившие себя ей, так как без метафизики вообще не может быть философии.

В этой связи следует понимать и то, что человек с полным основанием может считать себя *для своего возраста* здоровым, тогда как в аспекте определенных выполняемых им дел его следовало бы внести в список больных. Ибо так как *неработоспособность* задерживает расходование жизненных сил, а следовательно, и их использование и истощение, и человек, о котором идет речь, пребывает, как он сам признает, на низшей ступени существования (растительной жизни), т.е. способен есть, передвигаться и спать, что с точки зрения животного существования означает быть здоровым, но с точки зрения гражданского (требующего выполнения публичных обязанностей) – быть больным, т.е. нетрудоспособным, то своим утверждением этот кандидат в мертвецы не грешит против истины.

Умение продлить человеческую жизнь ведет, собственно говоря, к тому, что старых людей только терпят в обществе живых, а это едва ли можно считать завидной долей.

Но ведь виновен в этом я сам. Почему я не уступаю место молодому, стремительно поднимающемуся поколению и для того, чтобы жить, лишаю себя привычных радостей жизни? К чему я влачу жалкое существование, непомерно удлиняя его ценой лишений, своим примером нарушаю предназначение тех, кто слаб от природы и чья продолжительность жизни (Sterbenlisten)⁹⁴ предопределена? Почему подчиняю все то, что принято было называть судьбой (перед ней смиренно и почтительно склонялись), собственному твердому намерению, что едва ли может

der seinen Gegenstand in der Luft vor sich schwebend erhalten muß und ihn nicht bloß theilweise, sondern jederzeit zugleich in einem Ganzen des Systems (d. r. V.) sich darstellen und prüfen muß. Daher es eben nicht zu verwundern ist, wenn ein Metaphysiker eher *Invalid* wird, als der Studirende in einem anderen Fache, in gleichen als Geschäftsphilosophen; indessen daß es doch einige derer geben muß, die sich jenem ganz widmen, weil ohne Metaphysik überhaupt es gar keine Philosophie geben könnte.

Hieraus ist auch zu erklären, wie jemand *für sein Alter* gesund zu sein sich rühmen kann, ob er zwar in Ansehung gewisser ihm obliegenden Geschäfte sich in die Krankenliste mußte einschreiben lassen. Denn weil das *Unvermögen* zugleich den Gebrauch und mit diesem auch den Verbrauch und die Erschöpfung der Lebenskraft abhält, und er gleichsam nur in einer niedrigeren Stufe (als vegetirendes Wesen) zu leben gesteht, nämlich essen, gehen und schlafen zu können, was für seine animalische Existenz gesund, für die bürgerliche (zu öffentlichen Geschäften verpflichtete) Existenz aber krank, d.i. invalid, heißt: so widerspricht sich dieser Candidat des Todes hiemit gar nicht.

Dahin führt die Kunst das menschliche Leben zu verlängern: daß man endlich unter den Lebenden nur so geduldet wird, welches eben nicht die ergötzlichste Lage ist.

Hieran aber habe ich selber Schuld. Denn warum will ich auch der hinanstrebenden jüngeren Welt nicht Platz machen und, um zu leben, mir den gewöhnten Genuß des Lebens schmälern: warum ein schwächliches Leben durch Entsagungen in ungewöhnliche Länge ziehen, die Sterbelisten, in denen doch auf den Zuschnitt der von Natur Schwächeren und ihre muthmaßliche Lebensdauer mit gerechnet ist, durch mein Beispiel in Verwirrung bringen und das alles, was man sonst Schicksal nannte (dem man sich demüthig und andächtig unterwarf), dem eigenen festen Vorsatze unterwerfen; welcher doch schwerlich

быть признано всеобщим диететическим правилом, согласно которому разум непосредственно осуществляет исцеление и которое когда-либо вытеснит терапевтические формулы официально признанной медицины?

Послесловие

Мне хотелось бы указать автору, написавшему книгу о том, как продлить человеческую (и особенно литературную) жизнь, на то, чтобы он обратил свое благосклонное внимание и на зрение читающей публики и взял под защиту *глаза* читателей (особенно же все возрастающего числа читательниц, которым особенно трудно примириться с такой неприятностью, как очки); из-за нелепого стремления типографов к ложной красивости (они забывают о том, что буквы как рисунки сами по себе некрасивы) зрению со всех сторон грозит опасность. И если мы хотим избежать участи жителей Марокко, значительное число которых слепнет из-за того, что все дома там окрашены в белый цвет, типографов следует подчинить полицейскому надзору. – Однако нынешняя *мода* требует иного, а именно:

1) Печатать не черной, а *серой* краской (так как она мягче и приятнее выступает на хорошей белой бумаге).

2) Использовать для шрифта буквы *Дидо*⁹⁵ с узкими палочками, а не Брейткопфа⁹⁶, больше соответствующие своему названию *буквы* (*Buchstaben* – буковые подпорки для прочности).

3) Печатать книгу, написанную по-немецки, *латинским* шрифтом (даже курсивом): между тем Брейткопф с полным основанием утверждал, что готический шрифт значительно более благоприятствует сохранению зрения при длительном чтении.

4) Печатать самым мелким шрифтом, который только допускает чтение сносок внизу страницы, напечатанных

zur allgemeinen diätetischen Regel, nach welcher die Vernunft unmittelbar Heilkraft ausübt, aufgenommen werden und die therapeutische Formeln der Officin jemals verdrängen wird?

Nachschrift

Den Verfasser der Kunst das menschliche (auch besonders das literarische) Leben zu verlängern darf ich also dazu wohl auffordern, daß er wohlwollend auch darauf bedacht sei, die Augen der Leser (vornehmlich der jetzt großen Zahl der Leserinnen, die den Übelstand der Brille noch härter fühlen dürften) in Schutz zu nehmen, auf welche jetzt aus elender Ziererei der Buchdrucker (denn Buchstaben haben doch als Malerei schlechterdings nichts Schönes an sich) von allen Seiten Jagd gemacht wird: damit nicht, so wie in Marokko durch weiße Übertünchung aller Häuser ein großer Theil der Einwohner der Stadt blind ist, dieses Übel aus ähnlicher Ursache auch bei uns einreißt, vielmehr die Buchdrucker desfalls unter Polizeigesetze gebracht werden. – Die jetzige *Mode* will es dagegen anders; nämlich:

1) Nicht mit schwarzer, sondern *grauer* Tinte (weil es sanfter und lieblicher auf schönem weißen Papier absteche) zu drucken.

2) Mit *Didotschen* Lettern von schmalen Füßen, nicht mit Breitkopfschen, die ihrem Namen *Buchstaben* (gleichsam bücherner Stäbe zum Feststehen) besser entsprechen würden.

3) Mit *lateinischer* (wohl gar Cursiv-)Schrift ein Werk deutschen Inhalts, von welcher Breitkopf mit Grunde sagte: daß niemand das Lesen derselben für seine Augen so lange aushalte, als mit der deutschen.

4) Mit so kleiner Schrift als nur möglich, damit für die unten etwa beizufügende Noten

еще мельче (т.е. требующих еще большего напряжения глаз).

Для предотвращения этой напасти я предлагаю взять за образец шрифт «Берлинского ежемесячника» (как для текста, так и для сносок); ибо при чтении любого его выпуска ощущается заметное облегчение для глаз, утомленных чтением других публикаций, о недостатках которых шла речь выше*.

* Из болезненных ощущений, связанных со зрением (но не с действительной глазной болезнью), мне по собственному опыту известно одно – впервые я ощутил его, когда мне было за сорок, затем оно время от времени повторялось с промежутками в несколько лет, теперь же возникает по нескольку раз в год. Состоит оно в следующем: внезапно все буквы читаемой страницы смешиваются из-за какого-то заливающего их света и становятся совершенно неразличимы; состояние это длится не более шести минут; для проповедника, привыкшего читать заранее подготовленную проповедь, это могло бы быть катастрофой, если же это случается со мной во время лекций по логике или метафизике, которые при надлежащей подготовке, когда вся лекция держится в голове, могут быть свободно (по памяти) преподнесены слушателям, то у меня возникает лишь опасение, не предупреждение ли это о наступающей слепоте. Однако теперь я спокоен в этом отношении, так как при этой ныне чаще, чем в прежние годы, наступающей неприятности я не ощущаю ни малейшего ухудшения в состоянии моего здорового глаза (левым глазом я не вижу уже около пяти лет). Случайно при повторении этого явления я однажды закрыл глаза и, чтобы еще в большей степени защитить их от света, прикрыл их рукой; я увидел в темноте как бы выложенную фосфором на листе сияющую белую фигуру, похожую на изображение в календаре последней четверти года, только с зазубренными краями на выпуклой стороне; постепенно яркое освещение темнело, и в указанное время белая фигура исчезла. – Мне было бы интересно узнать, наблюдали ли другие люди подобное явление и каково должно быть его объяснение. Совершенно очевидно, что связано это не с глазами, так как при движении глаз эта фигура не двигается в том же направлении и остается на прежнем месте, а с *sensorium commune*⁹⁷. Странно также, что, потеряв один глаз (это произошло, как я полагаю, около трех лет тому назад), можно не ощущать последствий этой утраты.

noch kleinere (dem Auge noch knapper angemessene) leserlich bleibe.

Diesem Unwesen zu steuern, schlage ich vor: den Druck der Berliner Monatsschrift (nach Text und Noten) zum Muster zu nehmen; denn man mag, welches Stück man will, in die Hand nehmen, so wird man die durch obige Leserei angegriffene Augen durch Ansicht des letzteren merklich gestärkt fühlen*.

* Unter den *krankhaften Zufällen* der Augen (nicht eigentlichen Augenkrankheiten) habe ich die Erfahrung von einem, der mir zuerst in meinen Vierzigerjahren einmal, späterhin mit Zwischenräumen von einigen Jahren dann und wann, jetzt aber in einem Jahre etlichemal begegnet ist, gemacht; wo das Phänomen darin besteht: daß auf dem Blatt, welches ich lese, auf einmal alle Buchstaben verwirrt und durch eine gewisse über dasselbe verbreitete Helligkeit vermischt und ganz unleserlich werden: ein Zustand, der nicht über 6 Minuten dauert, der einem Prediger, welcher seine Predigt vom Blatte zu lesen gewohnt ist, sehr gefährlich sein dürfte, von mir aber in meinem Auditorium der Logik oder Metaphysik, wo nach gehöriger Vorbereitung im freien Vortrage (aus dem Kopfe) geredet werden kann, nichts als die Besorgniß entsprang, es möchte dieser Zufall der Verbote vom Erblinden sein; worüber ich gleichwohl jetzt beruhigt bin: da ich bei diesem jetzt öfter als sonst sich ereignenden Zufalle an meinem einen gesunden Auge (denn das linke hat das sehen seit etwa 5 Jahren verloren) nicht den mindesten Abgang an Klarheit verspüre. – Zufälligerweise kam ich darauf, wenn sich jenes Phänomen ereignete, meine Augen zu schließen, ja um noch besser das äußere Licht abzuhalten, meine Hand darüber zu legen, und dann sah ich eine hellweiße, wie mit Phosphor im Finstern auf einem Blatt verzeichnete Figur, ähnlich der, wie das letzte Viertel im Kalender vorgestellt wird, doch mit einem auf der convexen Seite ausgezackten Rande, welche allmählich an Helligkeit verlor und in obbenannter Zeit verschwand. – Ich möchte wohl wissen: ob diese Beobachtung auch von Andern gemacht, und wie diese Erscheinung, die wohl eigentlich nicht in den Augen – als bei deren Bewegung dies Bild nicht zugleich mit bewegt, sondern immer an derselben Stelle geschehen wird -, sondern im *Sensorium commune* ihren Sitz haben dürfte, zu erklären sei. Zugleich ist es seltsam, daß man ein Auge (innerhalb einer Zeit, die ich etwa auf 3 Jahre schätze) *einbißen* kann, ohne es zu vermissen.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Спор факультетов». Идея работы возникла у Канта с необходимостью после неприятного столкновения с королевской цензурой по вопросу о философско-религиозных проблемах. Кант, и это вполне естественно, решил для себя более подробно продумать ситуацию с отношением философии и религии, преподавания философии и религии в университете, поскольку этого требовал и король в своем письме. Его вообще занимают мысли о реформировании университета, о совершенно новой ситуации на философском факультете в связи с бурным развитием эмпирической науки, да и на медицинском факультете тоже. Расширение и конституирование гуманитарных наук во главе с филологией и историей, резкое расширение области физических исследований и экспериментирования в химии, физиологии и пр. требовали пересмотра отношений между факультетами. Родственные процессы шли и в области медицины, а это роднило философский и медицинский факультеты с точки зрения их обрастания экспериментально-фактографическими лабораториями, коллекциями, гербариями. Проблему истины все более решал эксперимент, опирающийся на гипотетические предположения и выводы теоретического разума.

Чтобы предпринятое Кантом исследование не выглядело как явное слушание и даже акт нарочитого мщения за предписанные ограничения свободы академической мысли и совести, оказалось возможным обобщить вопрос отношения философии и религии до вопроса о структуре университета вообще.

¹ Речь идет о Веллнере.

² Предположительно, этим высочайших моральных качеств другом являлся биограф Канта и его ученик Васянски, имевший самые тесные отношения с Кантом с 1790 по 1794 годы.

³ А. Г. Баумгартен (1714 - 1762) - в своих произведениях отграничивал философию от веры, на что и обращает внимание короля Кант. И. Кант для своих лекций по метафизике использовал учебник А. Баумгартена «Metaphysica», который, однако, служил ему лишь в качестве общего плана курса.

⁴ Sel. Michaelis - Johann David Michaelis (1717 - 1791), с 1745 г. профессор теологии в Геттингене, основатель критического исследования Ветхого Завета, возглавлял с 1753 до 1770 г. «Геттингенские ученые известия». Его книга «Мораль» была издана уже после смерти автора (Gottingen, 1792) коллегой Михаэлиса по университету проф. Штойдлингом, тем самым, кому Кант посвятил свой «Спор факультетов». Канта заинтересовал взгляд Михаэлиса, который он передает не дословно, а только общий смысл.

⁵ *maeror animi* (лат.) - скорбь души.

⁶ *Quod negandum ac pernegandum* (лат.) - что отрицается, отрицается совершенно.

⁷ Упомянутый - это Эберхард Юлиус Вильгельм Эрнст фон Массов (Massow) (скончался в 1816 г.), который в 1798 г. стал действительным тайным советником, государственным министром и министром юстиции и одновременно возглавил духовный департамент и департамент по делам школ, а также Обер-Кураториум университетов. В августе 1797 г. Кант был удостоен тогдашним начальником окружного управления фон Массоу чести и благосклонного отношения тем, что предоставил по его просьбе место профессора в Штетине одному из талантливых учеников Капта г-ну Леманну.

⁸ *Сомез*, Клод - в латинизированной форме Салмазий (Claude de Saumaise, 1588 -1655), французский эрудит и юрист, пользовавшийся благосклонностью английского короля Карла I и получивший благодаря этому профессорскую кафедру в Лейдене. Его книга «О поворотных годах и о древней астрологии» вышла в 1648 году.

⁹ Не верь, а свободное верую.

¹⁰ Здесь Кант передает рассказ, судя по исследованию, Августа Онкена (August Onken) «Die Maxime laissez faire et laissez passer» (Bern, 1886), о происхождении знаменитого выражения «laissez faire, laissez passer» - позволяйте делать (кто что хочет), позволяйте идти (кто куда

Примечания

хочет). Французским министром был Кольбер (Colbert), а старым купцом - Лежандр (Legendre).

¹¹ *символические книги* - Кант имел в виду краткое изложение христианских догматов - («Символ веры»), безусловное признание которых церковь обращает к каждому верующему. Согласно церковной традиции, «Символ веры» составлен апостолами. На самом деле он был сформулирован на Никейском Вселенском соборе 325 г. (был переработан между 362 - 374 гг.) и получил название никео-константинопольских «символов веры». Этот «С. в.» православная церковь сохранила, в отличие от католической, внесшей в него ряд новшеств. Отдельные христианские течения выдвигали свои «С. в.».

¹² *он перепрыгивает (как брат Ромула) стену церковной веры.* - По древнеримской легенде братья-близнецы Ромул и Рем, мифические основатели Рима, поссорились, когда боги оказали свое предпочтение Ромулу в вопросе о месте закладки города. Рем решил перепрыгнуть стену только что заложенного города (что по обычаю означало ее скорое разрушение), но был убит Ромулом. Кант тем самым хочет сказать, что богослов, обращающийся к разуму и пытающийся опереться на науки, рано или поздно этим самым убьет веру.

¹³ Юрист, защищая имущественные права, ищет законы не в разуме, который мог бы возразить и возражает против них. - Кант, не упоминая Руссо, имеет в виду его трактат « О происхождении неравенства », где Руссо предоставляет воле случая рождение частной собственности (на землю), когда один человек огородил участок и сказал, что *это мое*, а другой (другие) ему по глупости поверил.

¹⁴ *ius certum* (лат.) - неотъемлемое (непреложное) право.

¹⁵ *ob consilium nemo tenetur* (лат.) - ни с кем не держит совета.

¹⁶ *ius impune occidenti* (лат.) - право безнаказанно убивать.

¹⁷ *Fiat experimentum in corpore vili* (лат.) - пусть экспериментирует с презренным телом.

¹⁸ *de par le Roi* (франц.) - по велению короля.

¹⁹ *savoir faire* (франц.) - деловитость, умение довести до конца начатое дело.

²⁰ *amabilis composita* (лат.) - дружеское примирение.

²¹ *concordia discors, discordia concors* (лат.) - несогласное единодушие, единодушное несогласие.

²² *Religio* (лат.) - совестливость, благоговейное отношение, святость.

²³ Кант имеет в виду Евангелие от Иоанна, 5,39: Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную...

²⁴ *κατ' ἀνθρώπων* (греч.) - с точки зрения человека.

²⁵ *κατ' ἀληθείαν* (греч.) - с точки зрения истины.

²⁶ *Например, против заблуждения одержимых.* - Намек на Евангелие от Матфея, гл. 8, 28 - 34, где рассказывается о гибели бесов, вошедших в свиней.

²⁷ *nunc istae reliquiae nos exercent. Cicero*, (лат.) - «Теперь эти оставшиеся не дают нам покоя». Цицерон. Кант приводит слова Цицерона по памяти, как делал это часто и как в его время было принято. Цицерон писал Кассию, убийце Цезаря, письмо, в котором он высказал сожаление по поводу того, что не все «кандидаты в тираны» были убиты. Текст этого места таков: “ *Vellem idibus Martiis me ad cenam invitasses: reliquiarum nihil fuisset. Nunc me reliquiae vestre exercent*” (Cicero. Ad. fam.,12,4) (“Я бы хотел, чтобы ты меня пригласил на трапезу в мартовские иды: тогда бы и его (Антония) не стало. Теперь же оставшиеся не дают мне покоя”). С М. Антонием у Цицерона была давняя вражда.

²⁸ *Постель* (Postel, Guillaume, 1510 (1505) - 1581) - французский мистик и фанатик, лингвист, историк, религиозный мыслитель - считал, что Бог призвал его объединить человечество под властью папы и французского короля. Постель долго жил в Венеции. Ему принадлежат многочисленные труды. Мистическое его учение изложено в книге “*Les trcs merveilleuses victoires des femmes du nouveau - monde, et comment eiles doivent ä tout le monde par raison et meme ä ceux qui auront la monarchie du monde vieil*”, Paris, 1553 («Три изумительные победы женщин Нового Света, и каким образом они должны руководить во всем мире по праву»), посвященной Маргарите Французской.

²⁹ Кант в разделе а) приблизительно, очевидно, на память, воспроизводит текст различных мест Евангелия. Из «Послания к коринфянам», I, 15, 14-17 апостола Павла, имея в виду его; из Евангелия от Луки, 24, 21.

³⁰ *ἀνθρώποπαθῶς* (греч.) - в чем есть человеческое чувство.

³¹ *θεοπρεπῶς* (греч.) - богообразный.

³² Речь идет о кальвинизме.

³³ *Сведенборг* Эммануэль (Swedenborg, 1688 - 1772) - шведский мистик и теософ, пользовавшийся широкой известностью. Кант выступил против Сведенборга в известном памфлете «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики» (1766).

³⁴ *Иллюминатизм* - учение тайной религиозной секты иллюминатов, боровшихся с иезуитами, о внезапной яркой вспышке истины для посвященных.

- ³⁵ *condito sine qua non* (лат.) - условие, без которого что-либо невозможно, необходимое условие.
- ³⁶ Слова Христа, обращенные к умершему Лазарю. - Евангелие От Иоанна, 11, 43 - 44.
- ³⁷ *petitio principii* (лат.) - предвосхищение основания. Логическая ошибка - ка скрытого допущения недоказанной предпосылки для доказательства.
- ³⁸ *Перегринус Протэус* ("Peregrinus Proteus") - герой одноименного сочинения К. М. Виланда (1773 - 1813), модного в XVIII в. писателя, с которым имел дело Кант.
- ³⁹ *Ethnicismus brutus* (лат.) - неразумное язычество (раннее).
- ⁴⁰ *Ethnicismus speciosus* (лат.) - блистательное язычество (позднее, в расцвете).
- ⁴¹ *Catholicismus hierarhicus* (лат.) - всеобщность на основе священной древности.
- ⁴² *Catholicismus rationalis* (лат.) - всеобщность рациональная.
- ⁴³ *Схизматики* - т.е. отпавшие, отколовшиеся. Так друг друга называют после раскола церкви католики и православные (или ортодоксальные) христиане.
- ⁴⁴ *Бендавид* (Ben-David, или Lazarus Ben David, 1762 - 1832) из Берлина, философ и математик. Написал "Theorie der Parallelen" (1785). Как кан-тианец читал лекции в Вене с 1794 по 1797 г.: "Vorlesungen über die Kritik der reinen Vernunft" (1795); "Vorlesungen über die Kritik der praktischen Vernunft" (1796); "Vorlesungen über die Kritik der Urteilskraft" (1796).
- ⁴⁵ *Мозес Мендельсон* (Moses Mendelssohn, 1729 - 1786), представитель берлинского просвещения и популяризатор идей Лейбница - Х. Вольфа. Кант излагает место из сочинения М. Мендельсона «Иерусалим, или о религиозной власти и еврействе».
- ⁴⁶ *ad hominem* (лат.) - аргумент к человеку, использование его сильных или слабых сторон.
- ⁴⁷ *Эвтаназия иудаизма* - здесь: способ спасения иудаизма, облегчение его участи приближением к христианству.
- ⁴⁸ *Шпенер* Ф.Я. (Spener, 1635-1705) - основатель пиетизма, богослов из Франкфурта-на-Майне, выступил с проповедью своих идей в 70-х гг. XVII в. во Франконии.
- ⁴⁹ *Моравианизм* - секта протестантского толка, возникшая в сер. XV в. в Моравии.
- ⁵⁰ *Maeror animi* (лат.) - скорбящая душа.
- ⁵¹ *Гаманн* И.Г. (Hamann, 1730 - 1788) - скончался 21 июня 1788 г., т. е. за 10 лет до написания «Спора факультетов».

- ⁵² *factum turpe* (лат.) - позорный, низкий договор.
- ⁵³ *Николаи* К.Ф. (1733 - 1811) - немецкий писатель и издатель «Литературных писем» (1759 - 1765) и «Всеобщей немецкой библиотеки» (1765 - 1806), с которым сотрудничал Кант.
- ⁵⁴ *Desine fata deum flecti sperare precando* (лат.) - оставь надежду, что предначертанная богами судьба может быть изменена просьбами. Вергилий. Энеида. VI, 376.
- ⁵⁵ *Prima inter pares* (лат.) - первый среди равных.
- ⁵⁶ *Ла Коста* (*La Coste*) - Costens Peter, составитель проповедей Слова Божьего во французской общине в Лейпциге, священник. Предисловие И. Фр. В. Иерусалема. Перевод М. И. Трауготта Шульце. Лейпциг, 1755 - 1756. Гл. XXXIII (S. 538. ff.): Из чтений Священного Писания.
- ⁵⁷ *Боссюэ* Ж.Б. (1627 - 1704) - французский писатель и церковный деятель. Кант, видимо, цитирует его труд "Политика, извлеченная из Священного Писания" (1709).
- ⁵⁸ *Петай* (P. Petau, Denis Petau, 1583 - 1652) - Петавий Дионисий (по-русски), отец-иезуит, французский теолог и хронолог, посвятивший хронологии Св. истории несколько работ, примером которых может быть "Opus de doctrina temporum" (1627). Вводит историю догматов к Св. Писанию - De theologicis dogmatibus" (1644 - 1650; 2-е изд. - 1700).
- ⁵⁹ *Бетель* (Bengel, 1687 - 1752) вюртембергский богослов. Положил начало как называемому библейскому реализму. Из сочинений известны Erklärte Offenbarungsjohannis" (Штутгарт, 1740), Bekräftigtes Zeugnis der Wahrheit" (Штутгарт, 1748) и особенно Ordo temporum a principio per periodos oeconomiae historicus atque propheticus" (Тюбинген, 1741). Осуществил критическое издание «Нового Завета» в Тюбингене (1734).
- ⁶⁰ "Frank's Cyclus iobilaeus..." Иоганн Георг Франк (Johann Georg Frank, 1705 - 1784), суперинтендант в Южном Ганновере (Calenbergisch), разработал мистическую хронологию, опубликованную под пространством названием "Praeclusio chronologiae fundamentalis, qua omnes anni ad solis et lunae cursum accurate describi et novilunia a primordio mundi..." - Хранилище фундаментальной хронологии, как все годы до одного и ктому же на аккуратном описании хода Луны и новолуния с началамира и до современного непрерывного хода времени... (Геттинген, 1774), из которого Кант взял два слова «Юбилейные годы».
- ⁶¹ *Гомилетический* - проповеднический. Гомилетика - наука о духовном красноречии.
- ⁶² *supernaturalium non datur scientia* (лат.) - наука не дает сверхъестественного.

⁶³ *Provideant consules, ne quid Respublica detrimenti capiat* (лат.) - консулы должны следить за тем, чтобы государство не терпело никаких убытков.

⁶⁴ *Парафрастическое* обращение с текстом - то есть описательное, не называющее явление по имени, а описывающее его (например, «хранитель ключей от Святого престола» - вместо «апостол Петр»).

⁶⁵ *Паренетическое* обращение с текстом - увещательное, понимаемое как некий совет, то есть не в прямом смысле.

⁶⁶ «*De similitudine inter Mysticismum purum et Kantianam religionis doctrinam*» - «О подобии между чисто мистической и Кантовой религиозными доктринами».

⁶⁷ *Рейл* (Райл) (Reiljoh. Cristian, 1759 - 1813), являлся профессором медицины в Халле, в 1810 г. приглашен во вновь основанный Берлинский университет. В 1796 г. основал «Архив физиологии», которым позднее руководил Иоганн Мюллер и Боа-Реймонд (Du Bois-Reymond).

⁶⁸ *Пифия* - жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах (Пифийский оракул), в состоянии экстаза вещала предсказания, которые специальный жрец переводил в стихотворную форму.

⁶⁹ *Хилиазм* - мистическое учение о тысячелетнем земном царствии И. Христа перед «концом мира».

⁷⁰ *Абдеритизм* (от лат. abderivo) - противоотклонение.

⁷¹ *Судный день* - речь идет об «Апокалипсисе».

⁷² *Рингитум флексис contrarii* (лат.) - пункт поворота в противоположное направление.

⁷³ *Аббат Куайе* (Gabriel Francois Coyer, 1707 - 1782) - французский иезуит, член Академии в Нанси и Лондонского Королевского Общества. Кант цитирует место, заимствованное предположительно из опубликованного в Берлине в 1761 г. немецкого перевода «Моральных мелочей» («Moralischen Kleinigkeiten»). Полное собрание сочинений в 7 томах издано в 1782 - 1783 гг. на франц. языке.

⁷⁴ *Тиховы циклы и эпициклы* - Тихо Браге (1546 - 1601) - датский астроном, сохраняя верность Птолемеевой системе, провел многочисленные точнейшие по тому времени измерения движения планет и составил таблицы в соответствии с циклами и эпициклами (циклами циклов) Птолемея.

⁷⁵ *Signum rememorativum, demonstrativum, prognosticon* (лат.) - знак воспоминания, наглядно показывающий, предсказывающий.

⁷⁶ Французская буржуазная революция 1789 - 1793 гг., событиями которой Кант интересовался ежедневно, прочитывая все сообщения европейских газет.

⁷⁷ *non singulorum, sed universorum* (лат.) - не отдельных людей, но всех в целом.

⁷⁸ *Эрхард* - Иоганн Бенджамин Эрхард (Johann Benjamin Erhard, 1766 - 1827), известный восторженный последователь Канта, врач в Нюрнберге и позднее в Берлине, в своем сочинении «О праве народов на революцию», Иена и Лейпциг, 1795, с. 189. ("Über das Recht des Volks zu einer Revolution." Jena und Leipzig, S. 189).

⁷⁹ *Postquam ad arma Vulcania vertum est, - mortalis mucro glacies cen futillis ictu dissiluit* (лат.). - После того как дело дошло до доспехов Вулкана, меч смертных рассыпался от ударов, как лед (Вергилий. Энеида. XII. 739f).

⁸⁰ *согласно Камперу и Блюменбаху* Петрус Кампер (Petrus Camper, 1722 - 1789) - голландский анатом, основная работа «Demonstrationes anatomico-pathologicae». 2 Bde, Amsterdam, 1760 - 1762. Место, о котором идет речь, в работе «О естественном различии черт лица» ("Über den natürlichen Unterschied der Gesichtszüge". Berlin, 1792, §3 und V 428 15 ff). Иоганн Фридрих Блюменбах (Johann Friedrich Blumenbach, 1752 - 1840) - работал как анатом и сравнительный зоолог почти шестьдесят лет (1776 - 1835) в Геттингенском университете. Положение, о котором идет речь, - в его «Учебнике по естественной истории» ("Handbuch der Naturgeschichte", Göttingen, 1779. S. 44 und 474 ff).

⁸¹ *gravamen* - бремя, тяжесть, обуза.

- «*Атлантида*» Платона, «*Утопия*» Мора, «*Океания*» Харрингтона и «*Северамбия*» Алле Кант перечисляет утопические романы. У Платона нет специального диалога «Атлантида», а миф об Атлантиде содержится в его диалогах «Тимей» и «Критий». «Утопия» Томаса Мора (1478 - 1535) широко известна и положила начало всему жанру утопической литературы, вышла в свет в 1516 г., а первый русский перевод - в 1789 г. «Океания» ("Oceana") Энглендера Харрингтона (Englander Harrington, 1611 - 1677) была опубликована впервые в Лондоне в 1756 г. «История северамбов» ("Histoire des Severambes") Вераса Д'Алле (Vairasse d'Allaïss, 1630 - 1700) в 1675 г. опубликована в сокращении по-английски, в 1677 - 1679 гг. (т. 1 - 2) по-французски; русский перевод - 1937, 1956 гг. Это место - явная аллюзия знаменитого эссе Д. Юма «Идея совершенного государства» (Д. Юм. Соч.: В 2 т. М., 1965. С. 782).

⁸² *Бюшинг* Антон Фридрих (Busching Anton Friedrich, 1724 - 1793) - геолог, географ и статистик, занимал должность старшего коммерции советника. В 1773 - 1787 гг. издавал в Берлине еженедельник "Wöchentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Büchern und Sachen".

Примечания

⁸³ *Sero sapiunt Phryges* (лат.) - Крепки задним умом фригийцы. Под фригийцами здесь подразумеваются троянцы. Пословица говорит о троянском коне и последствиях его введения в город. Кант предположительно цитирует Цицерона.

⁸⁴ *Хуфеланд* Кристоф Вильгельм (Christoph Wilhelm Hufeland, 1762 - 1836) - врач, профессор медицины в Иене, надворный советник, который организовал в Берлине «Поликлинический институт». Речь идет о посланной им Кашу книге «Искусство продлить человеческую жизнь». Письмо Канга Хуфеланду от 12 декабря 1796 г. - АА XII, 137.

⁸⁵ *в летах Нестора* - Кант имеет в виду эпического царя древнего Пилоса, участника Троянской войны, который, согласно Гомеру, дожил до глубокой старости, сохранив бодрость тела и духа, отличаясь опытом и рассудительностью.

⁸⁶ *Sustine et abstinence* (лат.) - терпеть и воздерживаться.

⁸⁷ *hipochondria vaga* (лат.) - ипохондрия летучая, блуждающая, непостоянная.

⁸⁸ *hipochondria intestinalis* (лат.) - ипохондрия желудочно-кишечная.

⁸⁹ *Neautontimorumenos* - "Neauton - timorumenos" - «Сам себя карающий», или «Самоистязатель». Название комедии Теренция, которое по случаю вспомнил Канг из своих гимназических лет. Латинское название комедии «Ipse se roeniens».

⁹⁰ *vita propria* (лат.) - собственная жизнь.

⁹¹ *invita Minerva* (лат.) - против воли Минервы, т.е. вопреки склонностям. Минерва - дочь Юпитера, родившаяся из его головы, девственная богиня-покровительница искусств и наук.

⁹² *Г-н надворный советник Лихтенберг* -Lichtenberg Georg Christoph (1742 - 1799).

⁹³ *Sterbehlisten* - перечень умерших (смертность). Современник Канга армейский пастор Зюссмих (Süssmilch) первым поместил информацию о смертности в своей книге «Божественный порядок в перемене человеческого рода» (1761), а также «Берлинский ежемесячник», с которым Каиг сотрудничал и усердно читал, публиковал регулярно «Рождаемость и смертность» в городе Берлине.

⁹⁴ *Дидо* (Didot) - семья и фирма известных французских издателей, существенно усовершенствовавших типографское дело; основатель фирмы в Париже в 1713 г. - Франсуа Дидо (1689 - 1757), использовал латинский шрифт Антиква (Antiqua) с очень маленькими буквами.

⁹⁵ *Брейткорф* (Breitkopf Johann Imanuel, 1719 - 1794) - в Лейпциге способствовал развитию готического шрифта, по форме очень высокого вкуса и разнообразных типов.

⁹⁶ *Sensorium commune* (лат.) - общее (обычное) восприятие.